

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

11

ЦЕНА
50 КОП.

И-во „ЗИФ“

ВСЕРОССИЙСКОЕ АКЦИОНЕРН. О-ВО
« С О В Е Т С К О Е К И Н О »

МОСКВА, Тверская, Мал. Гнездиковский, д. 7.

ГОТОВИТСЯ
К ВЫПУСКУ
МИРОВОЙ
Ф И Л Ь М

ПРИВИДЕНИЕ КОТОРОЕ НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

ПО ТЕМЕ
АНРИ БАРБЮСА

РЕЖИССЕР
А. М. Р О О М

ПРОИЗВОДСТВО
СОВКИНО — МОСКВА

1929

№ 11

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
♦♦♦♦♦ Ж У Р Н А Л ♦♦♦♦♦

ПУТЕШЕСТВИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
ФАНТАСТИКИ
♦♦ ОХОТЫ ♦♦

V год издания

СОДЕРЖАНИЕ:

Обложка художника А. Шпир. о
Последний тур. Рассказ Б. Туро-
ва. о Злая земля. Историко-при-
ключенческий роман М. Зуева.
Ордынцы. (Продолжение.) о За-
уконосами. Биологический рас-
сказ А. Буткевича. о Как это

было: Тайна Кузькина острова. Рас-
сказ был А. Линецкого. о
Герберт Джордж Уэллс. Очерк Р. Ф.
Кулле. о Галерея колониальных
народов мира: Северо-американские
индейцы. Очерк к таблицам на 4-й
странице обложки.

Гос. Акц. Изд. О-во
Москва —

„Земля и Фабрика“
— Ленинград

1929 г.

— НА 1930

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

ГОД

НА

ВОКРУГ СВЕТА

САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ.

С 1930 ГОДА ВЫХОДИТ
САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ ИЗДАНИЕМ

С увеличением количества номеров
журнала редакцией будет помещено
значительно больше литературного
материала:

увлекательных научно-фантастических
романов, повестей, рассказов, очерков,
шарад и загадок также будут введены
новые отделы.

В качестве приложения

в 1930-31 гг. будет дано

48 книг

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ПОПУЛЯРНЕЙШЕГО ПИСАТЕЛЯ

ЖЮЛЯ ВЕРНА

В 1930 году будут даны первые 24 книги,
в которых будут помещены следующие
романы **ЖЮЛЯ ВЕРНА**:

«Дети капитана Гранта», «Таинственный остров»,
«20.000 лье под водой», «Гектор Сервандан»,
«Упрямец Нерабан», «Великолепное Скриноно»,
«В стране мехов», «Пятнадцатилетний капитан»,
«Север против Юга», «Джангада»,
«Ледяной финик».

Объем каждой книги в 128—160 страниц
большого формата. Книги эти в
отдельную продажу не поступят, и под-
писка на них отдельно не принимается.

Остальные 24 книги будут даны при-
ложением к «ВОКРУГ СВЕТА» в 1931 г.

4-й ГОД ИЗДАНИЯ

МОСКВА

В 1930 г. журн. «ВОКРУГ СВЕТА»
ВЫХОДИТ каждые 10 дней,—
ВСЕГО В ГОД 36 НОМЕРОВ.

Журнал будет выходить в 1930 году
в новом оформлении—в **ЦВЕТНОЙ**
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБЛОЖКЕ

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На «ВОКРУГ СВЕТА» без приложений:
на год (36 номер. журн.)—3 р. 20 к.;
на 6 м.—1 р. 65 к.; на 3 м.—85 к.;
на 1 м.—30 к.

С приложением: на год (36 номеров
журн. и 24 кн. соч. ЖЮЛЯ ВЕРНА)—
7 р. 50 к.; на 6 м.—4 р.; на 3 м.—
2 р. 15 к.; на 1 м.—75 к.

При подписке на год по II абоне-
менту допускается **рассрочка**: при
подп. сн.—3 р., 1 мая—2 р. 25 к.
и 1 сентября—2 р. 25 к.

Подписчики, внесшие полностью
годовую подписную плату на журнал
«Вокруг Света» с приложением и
подписавшиеся на «Всемирный
Следопыт» **непосредственно**
в Издательстве или его Отде-
лении до 20 декабря **получают**
дополнительно бесплатную
премию—книгу **«РАБЫ КОНГО»**
Даниэля Берсо

Подписчики, подписавшиеся в Изда-
тельстве или его Отделении, будут
получать журнал и приложения в
бандероли с наклейкой адреса.

ПОДПИСКУ И ДЕНЬГИ
НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:
МОСКВА. Центр. Никольская, 10/2
ГОСУДАРСТВЕН. АКЦ. ИЗДАТ. О-ВО
«ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА»

Подписка принимается также
во всех Отделениях Издательства,
в книжных магазинах Госиздата, во
всех почтовых конторах, в книжных
шкафах Контрагентства Печати и во
всех конторах центральных изда-
тельств, принимающих подписку на
периодические издания, а на транс-
порте—у уполномоч. газеты «Гудок».

Рассказ Б. Турова

Рисунки худ. В. Сварога

1. По воле княгини.

Лесник Дзыга вышел из халупы, взглянул в сторону дороги, недовольно что-то пробурчал и сел на бревно возле двери. Справа за деревьями заходило солнце, и в конце просеки, совсем у земли слепили глаза сверкающие брызги. Такие же искорки прыгали на вершине сухого дуба над хатой, но с травы уже поднималась тонкая пелена тумана, и конец длинной черной тени от свисавшего к крыльцу сука, торопясь, убежал к лесной опушке.

Потом искры потухли, и тень от сука стала тусклой и серой. Дзыга встал, откинул назад мешавшие смотреть космы седых волос и внимательно уставился вдоль доро и.

— Накроешь стол, Марыся!—крикнул он, не оборачиваясь.—Паны едут.

Тоненькая девочка лет четырнадцати шмыгнула из халупы наружу, прищурилась на появившиеся в конце просеки движущиеся точки и снова прозрачно зашлепала в хате Сосыми ногами.

— Хлеба положишь,—продолжал, не спеша, старик.—Хлеба паны с собой не возят. И пиво возьми из погреба. А насчет остатного... Пана лесничего я уж знаю. Да! На один хлеб да на капусту он не поедет. Уж он привезет чего-нибудь с собой.

Дзыга годился с бревна, еще раз для порядка гровел рукой сначала по косатым седым кудрям, потом вдоль холщевой рубахи, поправил пояс с висевшим сбо у длинным кривым ножом и торопливо зашагал по дороге. Тени от деревьев сгустились. Белая стена тумана как-то сразу нахлынула со всех сторон и сомкнулась над хатой, а ос-

вещенное оконце выделялось из надвигающегося мрака красным мерцающим пятном.

Потом спереди раздался топот копыт, и из тумана выросли силуэты трех всадников. Передний, высокий бородатый шляхтич, леко спрыгнув с коня и кинув поводья кланявшемуся и суетишемуся леснику, шагнул в дверь сторожки. Второй всадник зацепился, слезая, за седло, выругался и наконец с помощью Дзыги благополучно сполз на землю. Третий принял коней и повел их в хлев позади стожки.

Бородатый шляхтич, войдя в хату, скинул с себя бурку, положил шапку на стол и, погладив бороду, насмешливо взглянул на входившего в хату спутника.

— Вы кажется устали, пане?—спросил он, чуть улыбаясь.—Я же советовал вашей милости проехать экипажем, а не трястись на солдатском седле.

Коротенький толстый человек в высокой суживающейся кверху черной шляпе и пышном плоеном белом воротнике, какие в ту эпоху носили врачи, брезгливо осмотрел закопченные стены хаты, обмахнул скамью концом плаща и, усевшись, ответил неожиданным для его фигуры резким, тонким голосом:

— Я вообще бы не поехал сюда,—он недовольно поднял странно выделявшиеся на бледном одутловатом лице тонкие черные брови.—Ведь пана Кричевского я давно знаю и уверен, что, взяв на себя поручение ее светлости, вы исполнили бы его точно, но княгиня... Что я могу сделать! Она потребовала, чтобы все произошло в моем присутствии.

Лесник вместо ответа молча пожал плечами, потом снаружи раздался стук

колес, дверь отворилась, и двое гайдуков втащили внутрь объемистые кожаные мешки. Через несколько минут гости уже закусывали, подливая друг другу из выставленных на стол бутылей. Гайдуки сидели в углу, а Дзыга, переминаясь с ноги на ногу, стоял посреди хаты в ожидании вопросов или приказаний. Паны ели молча, потом лесничий поставил кружку на стол, утер рукой рот и, подняв голову, отрывисто сказал:

— Ну, говори, старик.

— Все, как вы приказывали, пане.

— Все на том же месте?

— На том, на том, пане. И вечером был там. Сам ходил смотреть. Куда ему деться? Так уж мы и живем. Он за болотом, что к Сохачеву, а я с внучкой вот здесь, в сторожке.

— Да?—Пан Кричевский немного помолчал, потом оперся обеими руками о стол и внимательно взглянул в глаза старика.—Так в последнее время его никто не пробовал зацеплять? А?

— Нет, пане, как вы приезжали сюда в прошлом году с королевичем и паном Слизем, так с тех пор мы никого и не видели. А мужики... Где же им пробовать с вилами да топорами!

Суровое лицо лесничего вдруг расплылось в широкую улыбку. Он взглянул на своего спутника и расхохотался так, что задребезжали стаканы на столе.

— Известно ли пану Згержу,—сказал он, немного успокоившись,—что мы собрались в гости к старому знакомому, знаете кого?—его милости королевича Владислава. Но только он вряд ли опять соберется навестить приятеля, хотя королевича никак нельзя назвать трусом. Под Хотинем вместе с гетманом Ходкевичем он отсиживался против полчищ самого султана Османа, а вот сюда на охоту второй раз что-то не собрался. Про пана же Слизня я и не говорю.—И лесничий снова залился смехом.—Это пан Александр Слижень, который ездил еще когда-то послом в Москву,—добавил он.

Княжеский лекарь опустил на стол недопитый стакан и уставился в лицо собеседнику.

— Следовательно та охота прошла у вас неудачно,—спросил он у пана Кричевского,—и тур остался жив?

— Очевидно, раз одного и того же зверя никак невозможно убить два раза под ряд. Прошлой осенью королевичу сообщили, что в Сохачевском лесу еще держится последний тур, и он приказал мне устроить охоту, только так, чтобы не стоять много людей, а встретиться с ним небольшой группой. Как было приказано, мы выехали вчетвером: королевич, пан Слижень, я и пан Дростальский, маршалок литовский. Ну, конечно с собаками и гайдуками. Взять его решили копытами с коней, как при королеве Ягелле. Я-то еще не знал тогда, что это за птица и почему он пережил всех остальных туров в лесу. Правда, Дзыга предупреждал, но королевич ничего не желал слушать. Обыкновенно зубр и тур от собак бегут, их загоняют и докалывают копытами, но этот кинулся прямо на собак и на нас—налетел как черная буря. И все кончилось в один момент. Конь пана Слизня взлетел на воздух и рухнул с переломанными ребрами и выпущенными кишками, а всадник спасся, уцепившись за низкую ветвь дуба, и просидел там как обезьяна, пока мы не вернулись полчаса спустя.

— А вы?—спросил несколько побледневший врач.

— То-есть вы спрашиваете про королевича и пана Дростальского? Что произошло дальше? Тур катал по поляне тушу убитого коня, а королевич и маршалок неслись в сторону, настигивая изо всех сил коней, и я за ними, потому что я ведь не для себя устраивал охоту.

Одутловатое лицо пана Згержа стало растерянным. Он повернулся всем туловищем к рассказчику и, запинаясь, спросил:

— А как же мы... то-есть вы—рассчитываете завтра убить это чудовище?

Лесничий пренебрежительно пожал плечами.

— Когда я устраивал охоту для королевича,—возразил он,—моей обязанностью было доставить рыцарское удовольствие его милости. А вам, пане, нужен мертвый тур и ничего больше. Значит и охота будет совсем другая.

— Не совсем мертвый. Я же вам уже объяснял это...

— Ну да. Я знаю...—Пан Кричевский опустил голову на руки и задумался.

— А все-таки мне жаль...—сказал он после недолгого молчания.— Не этого старого героя—он один и уже не оставит по себе потомства... Мне жаль могучей и грозной породы, которую здесь еще со времен князей Мазовецких сторожили и берегли, а теперь вот на моих глазах их не стало. Ге, пане! Это были времена, когда Ягелло перед великой войной с Орденом целую зиму готовил в Беловежской Пуще провиант для сотни тысяч войска, и обозы соленого мяса

дую неделю лесники давали сведения о числе животных, и если одного не хватало, мы рыскали по лесам далеко кругом, пока не находили беглеца, а потом облавой возвращали его назад.

— Когда к осени звери отъедались желудями,—продолжал лесничий,—начинались бои между быками. Тогда, бывало, ночью мороз подирал по коже от их протяжного страшного рева. Случалось, что какой-нибудь старый бык побеждал

Гости закусывали, гайдуки сидели в углу, а Дамга стоял посреди хаты.

туров и зубров тянулись из Пуши сюда, к Варшаве. Зубры там и теперь уцелели, но тура давно уже нет. Здесь, в этих вот заповедных дубовых рощах берегли мы последнее на земле стадо туров, и еще я застал их более полусотни штук. Хорошо берегли! Сам король не мог помыслить, чтобы на охоте заколоть турицу, и убить тура было все равно, что убить шляхтича. Каждое лето мы готовили им стога сена по полянам. Они были хозяевами и господами леса, и когда тура стоял на дороге и взрывал землю рогами, любой проезжий, даже пан или магнат, сворачивал с дороги и далеко объезжал в сторону¹⁾. Каж-

и калечил остальных, а сам по старости уже не мог оставлять потомства. Тогда докладывалось королю, и только по его приказанию назначалась на этого быка охота. Помню, я отвозил раз тушу убитого тура в подарок от короля цесарскому²⁾ послу Герберштейну. Он был ученый человек и написал книгу, где упоминает об этом подарке. Одну книгу он прислал мне. В ней нарисован тур, только он там больше похож на свинью.

Лесничий сумрачно усмехнулся.

— Ну, что ж, а затем все пошло прахом. За заботами о московском престоле да о далеких Инфлянтах³⁾ королю

1) Исторический факт.

2) Цесарскому — то-есть австрийскому.

3) Инфлянты — Лифляндия.

некогда стало думать о том, что творилось в его коронных землях и лесах. Да хоть бы здесь, под самой Варшавой. А потом, знаете сами, началась война с Москвой. Это не плохо. Речь Посполитая всегда воевала, и для того господь сотворил шляхтича, а Иисус Христос саблю ему привесил к поясу, чтобы она не ржавела попусту в ножнах. И уж я и не знаю, за что бог нас наказал, потому что мы довольно потрдились за его с ятое им. Взяли и выжгли Москву. А сколько городов московских и еретических церквей поразо или дотла! Но ги́но есть на нас грехи, потому что го́йна проникла в самое се́гдце Речи Посполитой. Проникла с той самой разбойничьей вольницей, которая сначала громила Моковию, а потом принялась и за своих. Помните, пане, проклятый 1613 год? Наши же жолнеги¹⁾ брали королевские горда, били и шляхту, и мужиков, и мещан—кого придется. Ну, тут почистили и этот лес. Где уж было ему уцелеть, когда все кругом горело в огне!

Княжеский врач вздохнул и горестно покачал головой.

— Да, плохие времена,—сказал он.—С тех пор как мой господин князь Самуил Сангушко в 1622 году ездил послом в Московию и вернулся, не добившись прочного мира, прошло пять лет, а мир все еще не заключен. Княгиня тогда очень беспосилась. Московиты такие тарвары, что они могли бы посягнуть и на священную особу самого посла.

Пан Кричевский встал из-за стола и надел шапку.

— Не такие уж плохие времена,—возразил он,—если завтра мы будем охотиться на дичь, какую впредь никогда и никому не придется увидеть. А пока советую лечь спать. Вы в княжеском дворце не привыкли вставать рано, а завтра мы начнем дело еще перед рассветом.

Лесничий вышел наружу, и еще долго было слышно, как он кричал на дворе, отдавая приказания. Потом он снова вошел в хату, кинул на стол шапку и, заведнувшись в бурку, мгновенно уснул на скамье.

1) Жолнеры — польские солдаты.

II. Ночное свидание.

На сеновале, куда забрались на ночлег хозяева хаты и приезжие слуги, слышался тихий неторопливый разговор.

— Они его завтра убьют, дедушка?

— Убьют, Марыся, убьют. А может и он кого убьет, пана лесничего или пана врача. Ведь это не теленок, Марыся.

— Не трепи языком, старик!—раздался грубый низкий голос из угла.—Если убьет, так тебя старого или меня, а не пана. На панов и смерти нет такой, как на наше о брата.

— Может и так,—согласился Дзэга.—О нем дураком наверное меньше станет, если ты попадешь к нему на рога. А меня тур не убьет. Не надейся. Я их знаю. Всю жизнь прожил в лесу, не то что ты.

— А мне его жалко, дедушка,—снова зазвенел девичий голос.—Ведь он один, дедушка?

— Один, внучка, и нету больше другого ни здесь, ни в Беловежской, ни в Гродненской Пуще, ни в Пруссии, ни в царской земле. Только и остались туры на свете, что в нашем лесу, а теперь и им пришел конец.—Он замолчал, и было слышно, как из старческой груди вырвался тяжелый вздох.—Жалко и мне его, хлопцы,—продолжал старик.—Правильно сказала Марыська, что он один. Убьем завтра, и не станет больше этого семени на Земле.

— И чего тебе жалеть? Ведь получишь за своего зверя червонец от пана лесничего.

— А пан лесничий сотню червонцев от княжеского лекаря,—добавил из темноты другой голос.—И чего это они делают, лекаря, из этого тура?

— Пояс из туровой кожи помогает при родах,—пояснил Дзэга.—Вот и королеве Боне, матери Сигизмунда, пан лесничий поднес в дар шесть поясов из спины тура, а она два из них послала самой императрице Римской.

Дзэга поднялся с места, старательно покрыл внучку своим плащом, пробрался к двери сеновала и уселся, свесив вниз ноги.

— Что-то не спится, хлопцы,—сказал он.—Мало я что-то стал спать... А при-

ехал княжеский врач не за поясом, а за лоскутом кудрягой шкуры со лба зверя. Пан лесничий, хлопцы, мне сам говорил об этом. Топоры приказывал захватить. Потому что, когда тур будет ранен и свалится, нужно быстро срубить бревно, навалить на шею зверя и держать его, пока будут сдирать шкуру со лба. В этой шкуре страшная сила, хлопцы. Это издавна было из естно еще дедам нашим, но только нужно, чтобы она была снята с головы еще живого быка.

— А я думаю...—вмешался один слуга, но не кончил, потому что из лесного мрака раздался далекий протяжный рев. Этот звук был такой тяжелый и низкий, что казалось, он как туман стлался по земле и слышался даже не ухом, а словно всем телом.

— Ревет, — сказал Дзыга. — Это он ревет, хлопцы, в дубах, что за Сухачевым болотом... Чует, что мы говорим про его шкуру...

Наступила глубокая тишина, и чувствовалось, что каждый напряженно прислушивался к тому, что творится там, в черной лесной чаще. Ночь была тихая, холодная и ясная. Луна уже взошла, она блестела как стальной отполированный шлем. Таман уже опустился и тысячами искорок росы сверкал в чашечках листьев и цветов на поляне. За поляной стояла черная стена векового леса, и жуткая ночная тайна творилась там, под тяжело склонившимися ветвями.

Снова и уже как будто ближе заревел тур, и люди невольно вздрогнули. Казалось, в грозном реве тура чувствовался смутный ужас перед надвигающейся смертью, а может быть ветер донес до него запах ворвавшихся в лес врагов, и он вызывал их на последний бой...

Оборвавшийся разговор уже не возобновился. Все лежали молча, сумрачно думая о завтрашнем дне. В дверях сеновала неподвижно чернела фигура старого лесника, и седые взъерошенные волосы, пронизанные лунным светом, казались прозрачным сиянием над его головой. Внезапно Дзыга нагнулся вперед. Ступеньки лестницы раза два скрипнули под его ногой, и дверь сеновала обрисовалась на фоне ночного неба четырехугольным пустым пятном.

Старый лесник быстро шел по узкой тропинке, извивавшейся во мраке между деревьями, и что-то бормотал про себя. Резкие блики лунного света прорывались сквозь листву, ярко освещая попадавшиеся по пути полянки, а затем ветви снова плотным сводом смыкались над головой, и тропинка исчезала во мраке. Дзыга шел быстро, не спотыкаясь о пересекавшие тропинку узловатые корни и стволы упавших деревьев. Здесь был его дом.

Тут он вырос и провел всю жизнь, и вероятно ему даже и не нужно было бы зрения для того, чтобы этой тропинкой пересечь лес.

После полудня ходьбы почва стала более мягкой, и ноги без шума опускались во влажный мох. Потом между стволами мелькнули просветы, и Дзыга остановился на краю громадной болотистой поляны.

Он едва ли бы смог объяснить кому-нибудь или даже себе самому, какое чувство заставило его спуститься с сеновала и в последний раз пойти взглянуть на обреченного на смерть зверя. Дзыга вырос в лесу и не привык много говорить, а тем более рассуждать о таких сложных вещах. За свой долгий век лесной жизни он не часто видал людей. Звери были ему ближе. Они жили кругом, тоже повинувшись темному мудрому призыву, исходившему из глубины существа.

Это была мудрость бесчисленных поколений, передававших по наследству опыт радости, борьбы и избегнутой опасности.

Этот голос шел впереди рассудка. Случалось, он приказывал бежать, хотя еще не было видно какой-либо опасности, иногда властно, не допуская возражений, посылал вперед.

Еще вчера Дзыга был здесь, чтобы проверить, не ушел ли куда тур с облюбованной им поляны. Потом он заботливо выбрал места, где поставить охотников и откуда пустить собак. Так приказал сам пан лесничий. А теперь пришла ночь. Она темным туманом заволокла серые мысли дня, и волнующей родной и близкой стала жуткая жизнь погрузившегося во мрак леса. Тогда, не рассуждая, он двинулся навстречу тоск-

ливому, грозному призыву, донесшемуся до него из лесной чащи.

Луна поднялась еще выше, и на сверкающей от росы поляне можно было разглядеть каждую травку. Посреди луга ярко блестела узкая извилистая полоса ручья, местами скрытавшегося за группами ивняка. Слабый, но холодный ветерок тянул с противоположной

лесной опушки. Поляна была пуста, и Дзыга с недоумением пробежал по ней взглядом из конца в конец. Потом позади одной из ивовых зарослей послышались тяжелые шаги, несколько раз хлинула болотная жижа, и массивная черная фигура, не спеша, вышла на открытое место.

Тур остановился, высоко поднял голову и несколько раз втянул воздух расширенными ноздрями. Его голова с гигантскими, чудовищно толстыми и изогнутыми внутрь и вверх рогами четко вырисовывалась на фоне неба. Дзыга, опершись локтями о колена, неподвижно сидел у подножья сосны на опушке леса.

Несколько минут зверь напряженно прислушивался, потом опустил голову и тяжелым размашистым шагом направился к лесу. Он двигался наискосок к опушке и постепенно приближался к леснику, прижавшемуся у подножья сосны. Шагах в пятидесяти от него волна теплого дыхания леса принесла человеческий запах, и тур, как пораженный стрелой, резким движением повернулся вбок. При свете высоко поднявшейся луны он стоял перед Дзыгой как олицетворение первобытной мощи. Серебристо-серая полоса вдоль хребта резко выде-

лялась на смоляно-черной шерсти. Голова с грозными рогами и кудрявым в крутых завитках лбом наклонилась вперед. Гигантское туловище подобралось как для прыжка... и вдруг животное успокоенно выпрямилось.

Отразившись от лесной опушки, ветер принес давно знакомый запах человека, жившего там, за дубовой рощей, человека, которого он знал с самых первых дней своей жизни в лесу и который не был врагом. Зверь дружелюбно замычал, встряхнул кудрявой головой и медленно

Тур узнал и приветствовал Дзыгу.

направился к лесу. Еще момент, и его черная громада слилась с опушкой.

Дзыга почувствовал, что его сердце сжалось. Тур узнал и приветствовал его, а он завтра поведет панов, чтобы его затравить и с могучего лба содрать кудрявую шкуру... Но ведь пан лесничий приказал... И разве можно ослушаться пана лесничего?..

Старик поднялся на ноги, оперся спиной о ствол дерева и оторопело уставился на опустевшую, ярко озаренную лунным светом поляну. В голове теснились самые невозможные и страшные мысли. Такие страшные, что их нельзя было даже самому себе высказать словами. Моментами делалось мучительно тяжело. И вдруг старик осознал, что сейчас, уже на склоне своей долгой жизни, он в первый раз ничего не понимает и не знает, что будет делать завтра...

* * *

Раздвинув рогами кусты опушки, тур медленно углубился в лес. Низко склонившиеся ветви столетних дубов сразу скрыли небо, и бархатно-черный мрак прорезывался лишь редкими лучами лунного света. Тур шел к своему верному убежищу в непролазном молодом дубняке, покрывшем огромную вырубку почти в середине леса. Здесь он проводил день и укрывался от преследований охотников, нагонявших последние годы лес.

В тупой памяти старого зверя проходили смутные образы прошлого. На открытых полянах спокойно паслись бурые самки с прыгающими кругом желтовато-серыми телятами. Огромные, черные, с серой полосой на спине быки бродили поодаль, и какому обитателю леса могло притти в голову посягнуть на стадо, защищаемое этой грозной стражей?

Потом начали приходить люди с громом и собаками, и стада не стало. Если бы они знали тогда, что от лающих и беснующихся собак незачем бежать и что нельзя стоять, взрывая землю рогами, против человека с громом в руках?

Был день, когда, казалось, весь лес наполнился криком людей и собачьим лаем. Преследуемые собаками животные бешено неслись между деревьями и вдруг остановились перед молчаливой цепью людей с палками в руках. Тур видел, как могучий вожак стада медленно подошел к человеку, взрыл дерн рогами, и грозный предостерегающий рев пронесся по лесу. Затем раздался удар грома, все закрылось облаком тумана, отвратительный запах обжег ноздри, и старый тур рухнул на землю. Спереди гремел гром. Сзади раздавался крик людей и лай собак. На маленькой полянке между деревьями стоял, согнувшись, человек с палкой в руках и загораживал путь в дальний угол леса, где все было тихо и где было спасение. Тогда, обезумев от страха и ярости, тур бешено бросился вперед. И оказалось, что человек совсем слаб. Его тело было не тяжелей ветви, а еще через мгновение крик, лай и раскаты грома остались

где-то позади. С этого дня тур понял, что если человек далеко, следовало бежать и скрываться, а если граг рядом, нужно бросаться и бить...

Годы шли. Таяло рассеянное на группы стадо, и настал день, когда ни одного тура ему уже не удалось найти в лесу. Теперь охотники появлялись все реже, но иногда, особенно зимой, люди еще пытались ходить по его следам. К этому времени он окончательно поселился в непролазной молодой чаще, где увидеть что-нибудь можно было лишь в двух-трех шагах. Здесь не было высоких деревьев, на которые мог бы спастись охотник, и ни разу не случилось, чтобы в густом кустарнике он успевал обернуться со своей тяжелой, испускающей гром палкой. А в то же время, что значили эти кусты перед бешеным порывом метнувшегося вперед почти полуторатонного тела?

И когда в глубине зарослей появились в нескольких местах кучки изломанных и обглоданных волками человеческих костей, охотники оставили в покое слишком опасную и не дающуюся в руки добычу...

Небо на востоке чуть посветлело. Звуки ночи замолкали. Трудовая ночь подходила к концу, и обитатели леса спешили в свои убежища в недоступных глухих углах. На ветвях дуба что-то вдруг хрустнуло, потом пронзительный цокающий визг прорезал тишину. Старый тур даже не поднял головы. То, что творилось наверху, в ветвях деревьев, было слишком ничтожно для него, и какое ему дело до того, что сейчас куница вытащила из дупла забившуюся туда на ночлег белку?

Справа вдоль опушки мелькнули и снова исчезли две серых тени. Тур проводил их взглядом и долго втягивал расширенными ноздрями волчий запах. Они не представляли для него опасности даже стаей, но их запах был отвратителен и ненавистен с самого детства и теперь, много лет спустя, все же поднимал в теле мутную слепую ярость. Потом старый бык медленно двинулся вперед. Крупный лес оборвался резко обрубленной стеной, затем густая поросль раздвинулась и снова сомкнулась за черным могучим телом.

III. Паны ссорятся.

Солнце только начало подниматься, когда охотничья партия показалась на дороге. Белая стена тумана еще закрывала лесные поляны, и холодные струи утреннего ветра скользкими змейками ползли по земле. Дзыга, как и вчера, без шапки шагал вперёд и опустив лохматую голову. Казалось, он приглядывался к комьям земли на дороге, словно боялся споткнуться о них. За лесником ехали верхом оба пана, а позади шли слуги с тяжелыми бомбардами на плечах.

Пан Кричевский весело ожидал взором потемневшие вершины деревьев. Наверху сквозь клочья тумана уже просвечивали пятна синего неба, и день обещал быть свежим, радостным, ясным. Врач ехал молча, уставясь отеками глазами в шею коня. Всю ночь он ворочался, будучи и не в силах уснуть на жесткой лавке. В хате было жарко, тепло жгло от укусов насекомых, а на рассвете неселый грубый окрик лесничего болезненно оборвал с трудом доставшийся предутренний сон.

Лесничий, чуть улыбаясь, провел взглядом по измятому лицу спутника. Свежесть яркого утра зажигала беспринудную радость. Тяжелое жилистое тело плавно качалось в такт размашистому шагу лошади. И до жалости беспомощным показался ему этот ученый, такой чужой и нелепый здесь, в лесу, человек.

— Я вижу, что пан плохо провел ночь, — насмешливо заметил он. — Ну что ж, один раз в жизни можно поспать и на деревянной лавке, зато будет о чем рассказать по возвращении домой. А кроме того уже недалеко край сечи, куда зверь забирается на день, и я думаю, что пан сразу забудет о сне при виде тура, несущегося с наклоненными рогами.

Лесничий уже совсем без стеснения широко улыбнулся и самодовольным жестом расправил кудрявую бороду. Пан Эгерж отвернулся и нервно закусил губу. Откровенная насмешка Кричевского больно резнула по самолюбию, и может быть тому виной было испорченное настроение после бессонной ночи, но

широкое бородатое лицо лесничего вдруг показалось ему враждебным и противным.

Пан Кричевский, не замечая настроения спутника, чуть задержал коня и, пропустив врача немного вперед, весело заговорил:

— По возвращении с охоты с удовольствием выпью, но сегодня утром, заметьте, я не дотронулся даже до пива. Может это и пустяки, но я никогда не пью перед боем или серьезным делом вроде сегодняшнего. Почему? — А мне вот кажется, что если я перед боем выпью, меня обязательно убьют. Глупость, вы говорите? Я и сам так думаю.

— Тур лежит днем в густой молодой чаще, к которой мы сейчас подедем, — продолжал он, — но туда нам соваться незачем. Я все-таки думаю, что это не совсем простой зверь, и ему помогает здешняя «лесная сила». Иначе почему он выжил до сих пор и почему он прячется непременно к Поганому болотцу, что в самой середине сечи? Добрые христиане и раньше туда не ходили, а кто не слушал умных старых людей, тот оставил возле болотца свои кости. Мы зайдем с другой стороны, против ветра, а в сечу я пошлю Дзыгу с собаками. Старик уже все равно отжил свой век, да может быть и он тоже якшается с здешней лесной нечистью... Задержите коня, пане, — добавил лесничий. — Мы слишком перегнали стрелко.

Он повернул своего рослого вороного жеребца и оглянулся назад. Солнце поднялось уже высоко, и золотисто-оранжевые стрелы, пронзая верхушки деревьев, яркими точками сверкали на влажной от росы земле. Крутой поворот дороги закрывал отставших слуг. С другой стороны, в конце просеки, уже совсем близко сияло пятно незакрытого деревьями неба. Потом из-за поворота показался Дзыга с группой собак на коротких сворках, и пан Кричевский тронул вперед коня.

— Мы подъезжаем, — сказал он, обращаясь к врачу, — и я советую пану точно исполнять мои указания. Хотя, будь я на вашем месте, я давно потерял бы всякое желание жить подольше. Вот уж никогда бы не думал, что шляхтич благородной крови может променять саблю на возню с лекарствами.

Пан Эгерж резким движением остановил коня, и его бледное отекавшее лицо вспыхнуло от обиды.

— С моей стороны,—раздраженно сказал он,—свое обычное общество я гредпочитаю компании, в которую попал со вчерашнего дня!

Лесничий на момент грозно нахмурился, но в сердце пела радость близкого боя с могучим зверем, да и что значила для него оскорбительная фраза этого человека. Он пренебрежительно пожал плечами и, мгновенно забыв обо всем кроме предстоявшей встречи с туром, стегнул коня и вынесся на окраину леса.

От опушки по направлению к молодой сече начинался пологий спуск. Дальше местность снова поднималась, и гребень возвышенности был покрыт старым нерусленным лесом. С того места, где стояли охотники, было видно, что старый лес длинным узким языком врезался в молодой дубняк, отделяя его от остальной гырубки.

Кричевский остановил на опушке коня и, прикрыв глаза ладонью, долго и внимательно осматривал местность. Дзыга молча стоял сбоку, опираясь на тяжелую рогатину.

— Так ты гогоришь, старик,—начал лесничий,—что он утром лежит вон там, в ложине, в чаще, не доходя до угла сечи?

Дзыга молча поднял на пана пустые, словно невидящие глаза и утвердительно кивнул головой.

Кричевский еще раз окинул взглядом расстилающуюся перед ним лесистую долину, потом повернулся к княжескому врачу.

— Обратите внимание, пан Эгерж. Справа над сечей—дуб с сухим суком. Не тут, а правее... Не видите? Это оттого, что вы жили возле аптекарских банок, а не в лесу. Так вот, где-то там и лежит ваца кудрявая шкура.

— И ваши сто червонцев, пане,—любезно и язвительно добавил врач.

Пан Кричевский резко повернулся в седле и словно рубанул вдруг почерневшим взглядом по лицу собеседника.

— А сколько вы добавите... за свою шкуру, пан врач?—спросил он.—Сто червонцев—это за то, что пан королев-

ский лесничий доставит княгине королевского тура—последнего тура Речи Посполитой. Но я не брался вдобавок еще беспокоиться о здоровье княжеского врача.—Он усмехнулся и с наслаждением взглянул в растерянные глаза собеседника.

— Я потому об этом напоминаю,—добавил лесничий,—что пану поручено быть как раз в том месте, где тур получит смертельный удар, а это не бой петухов...

Он резко нажал шпорами бока коня, и, прежде чем пан Эгерж успел что-нибудь ответить, вороной жеребец Кричевского уже несся крупной рысью в оль опушки, по направлению к поднимавшемуся и вдалеке пологому, почти лишенному растительности холму. Поставив с минуту на тершине, лесничий шагом повернул обратно и, подъехав к Дзыге, властным движением протянул руку в сторону молодого леса.

— Слушай внимательно, старик,—сказал он.—Ветер отсюда к сече. Мы с сомбардами огибаем ее слева и стоим вон там в мысу—в старых дбах позади вырубки. Возьми глаза в руки и смотри на крайнее справа дерево. Когда увидишь на нем белую рубашу Яна, спускай собак. Понятно?

— Понятно, пане.

— А теперь, пане, прошу вас направиться со мной.—Кричевский обернулся к стоявшему позади врачу и жестливым жестом руки пригласил его проехать вперед.

Пан Эгерж молча тронул коня.

В тот момент, когда лесничий, не ожидая ответа, прищепил коня и поскакал прочь вдоль опушки, страх и смущение вдруг покрылись вспышкой напряженной, нерассуждающей злобы. Так значит для него он, Эгерж, был только слабым ничтожным трусом? Хорошо! Они увидят...

Он резким движением выпрямился в седле. Поручение княгини и возможная опасность вдруг ушли из сознания и залились волной светлой опьяняющей отваги. Свежий ветер порывами рвал плащ на плечах, и казалось самое тело было наполнено жадным нетерпеливым ожиданием.

Лесничий взглянул на бледное, странно изменившееся, совсем чужое лицо

Згерж, пренебрежительно улыбнулся и, ударив коня, выехал вперед к движущейся вдоль опушки группе охотников.

IV. Лесничий на суку.

Ехали молча краем старого леса, огибая слева спускающуюся по склону густую молодую поросль. Местность постепенно понижалась. Лес редел, и гигантские дубы уже одиночными колоннами поднимались на светлых лесных полянках. Потом слева между деревьями блеснули просветы неба.

Лесничий задержал коня и осмотрелся кругом. Двигавшиеся сзади охотники также безмолвно остановились. Справа, по ту сторону обойденной уже вырубки, виднелись вдали вершины старого леса, где они стояли два часа назад. Слева и спереди лес также видимо кончался. Пан Згерж оглянулся на суровые, словно изменившиеся лица охотников и вдруг понял, что они уже приехали.

Кричевский соскочил с коня, бросил слуге поводья и, осторожно подойдя к опушке, прижался к стволу старого дуба. Его фигура в темном кунтуше, казалось, срослась с бугристой корой дерева. Потом он обернулся назад, предостерегающе поднял руку, и сбившиеся в кучку охотники замерли на своих местах.

Стало тихо, словно никого и не было в лесу. Только ветер, налетая порывами со стороны сечи, гудел в вершинах деревьев, да молодая белочка раздраженно цокала, высываясь из-за ствола поднимавшейся за полянкой одинокой полусухой сосны. С холодным ярким светом, прорывавшимся сквозь листву, и с возбуждающей свежестью сентябрьского утра в сердце вливалась беспокойная радость ранней осени.

Постояв несколько минут на краю сечи, лесничий медленно обернулся назад, долгим ошущающим взглядом провел по дубам, поднимавшимся вдоль опушки, и направился к кучке охотников. Суровое лицо его казалось как-то все посветлело, резкие тени легли под глазами от опустившихся бровей, и не было уже ни вызова ни оскорбления в том, что он прошел мимо, почти задев плечом и в то же время не видя Згержа. Потом лесничий взял бомбарду из рук

ближайшего гайдука и отдал приказание тихо и отчетливо:

— Слушать, хлопцы! Ян, взлезь на сухой дуб, вон там на опушке, и сиди, пока не услышишь лая собак. Остальные за мною молча. Когда тур вырвется из чащи, стрелять в упор. Целить в грудь или под лопатку. Затем незевая и прыгай на сук.

Он направился вдоль опушки, расставляя стрелков у толстых корявых деревьев шагах в ста от окраины леса, потом вернулся назад, молча взглянул на бледное лицо врача, жестко улыбнулся и также молча прошел к разбитому грозой дуплистому дубу, одиноко поднимавшему изуродованную вершину близ самого края сечи.

Конюх, взяв под уздцы обеих лошадей, направился с ними назад по только что пройденному пути и вскоре исчез за зеленой стеной подстилавших лес кустов орешника.

Наступила мертвая, давящая тишина.

Пан Згерж почувствовал, что недавняя волна радостной отваги куда-то схлынула, сменившись беспокойной гнетущей жутью. Впереди, на опушке, просвечивало бледное, затянувшееся дымкой небо. Справа и слева серые фигуры охотников казались бесформенными наростами на бугристой коре деревьев.

Затем вдруг вдали зазвенел яростный лай собак. Он донесся откуда-то с левой стороны сечи и круто повернул вправо, мимо вдавшегося в сечу языка старого леса. Затем короткий замирающий визг тревожно, как ножом, разрезал дружный рев стаи, и гон резко оборвался, сменившись испуганным нестройным тьяканьем. Однако через минуту голоса снова слились в один общий, надрывающийся вопль, и гон начал стремительно приближаться по направлению к охотникам.

Тяжелым комком бросилось в сторону и замерло сердце. Потом словно самое время остановилось и до просвета между двумя деревьями сузился широкий мир. Тесно прильнув всем телом к стволу дуба и выстаив сбоку лишь голову, пан Згерж видел перед собой только эту светлую дыру между уходящими в высь мшистыми колоннами.

Паша Кривчик, нелепо изогнувшись, сидел на суку почти над самой головой разъяренного жира.

Так велико было ожидание зверя почему-то именно здесь, в этой точке лесной опушки, что непонятным показался выстрел, гулко и тяжко прогремевший слева. А еще через мгновение гигантская черная масса пронеслась в расстоянии полусотни шагов и исчезла в облаке дыма, с грохотом метнувшегося оттуда, где только что стоял лесничий. Следом нестройной массой высыпали собаки и с разбегу вплотную налетели на тура, бешено катавшего по земле разряженную бомбарду.

Огромное тело зверя с неожиданной для него легкостью и быстротой волчком повернулось в сторону нового врага, и одну бесконечно долгую секунду все застыло видением неправдоподобного жуткого сна.

Пан Кричевский, нелепо изогнувшись, сидел на суку почти над головой тура. Пола разорванного кунтуша длинным лохмотом спускалась за его спиной. Окровавленные рога зверя наклонились до самой земли, на мгновение неподвижно замерло упруго изогнувшееся тело...

А дальнейшее произошло слишком быстро, чтобы можно было что-либо разобрать.

Гигантская черная тень вихрем мелькнула, какое-то пестрое пятно с жалобным, сразу умолкшим визгом взметнулось над вершинами кустов... и стало пусто, словно ничего и не произошло здесь несколько секунд назад.

Пан Кричевский перегнулся через сук, тяжело спрыгнул вниз и, не удержавшись на ногах, упал, ободрав лоб о выступающий корень. В следующее мгновение он уже стоял на ногах, размазывая кровь по лицу, потом схватил изломанную зверем бомбарду, снова бросил ее, со злобой оборвал и кинул под ноги болтавшуюся сбоку половину кунтуша и вдруг, сломя голову, кинулся к опушке сечи.

Оттуда неся надрывающийся истощенный лай. Двое хлопцев с ружьями в руках бежали к лесничьему вдоль опушки. Пан Эгерж, захваченный общим возбуждением, спотыкаясь о корни, поспешно спускался по косогору в том же направлении. Лесничий обернулся к подбегавшим слугам. Его разодранное лицо со слипшейся от крови бородой стало от-

вратительно страшным, и ближайший хлопец негольно попятился от яростного крика пана.

— Промахнулся по зверю в десяти шагах! Будешь пасти свиней, подлый хам, а не ходить на охоту!

— Вы ж тоже стреляли, пане! — возбужденно возразил гайдук. По его взволнованному голосу и горящим глазам чувствовалось, что эти минуты стерли грань между слугой и всемогущим паном и что сейчас только охотник говорил с охотником.

Должно быть то же переживал лесничий, потому что, не отводя на невозможные в другое время слова холопа, а быть может и не слыша их, он снова повернулся в сторону сечи, где, не умолкая, ревел гомон стаи, и поспешно принялся загижать выхваченную из рук слуги бомбарду.

— Живей заряжать! — крикнул он. — Зверь ранен. Вся морда в крови. Сейчас мы догоним его в сече. Стецко, сюда с топором! Мы!..

V. С туром против панов.

Он остановился на полуслоге, увидав Дзыгу, поспешно карабкавшегося вверх по пригорку.

— Зверь прошел мимо меня, пане, — с трудом переводя дух, проормотал старик. — Голова и рога в крови. Плечо тоже. Собаки идут прямо за хвостом.

— Знаю, что ранен, — нетерпеливо прервал его лесничий. — Это я всадил пулю в плечо. Мы идем в сечу и сейчас кончим его.

— Опасно, пане! — Дзыга медленно качнул головой и, пошатываясь от утомления, схватился обеими руками за ствол дерева. — Может быть это только собачья кровь, пане.

— Сам ты пся крег! — бешено заорал Кричевский. — Струсил? К собакам! Держи зверя, пока мы подойдем.

Старик медленно величаво выпрямился. Один момент он смотрел широко раскрытыми глазами на возбужденное, обезображенное лицо пана, потом молча повернулся и твердым быстрым шагом углубился в чашу. Однако через несколько сот шагов он был принужден снова ухватиться за ветвь и опуститься

на землю. Скорчившись в полумраке у подножия высокого обомшелого пня, со своей седой головой и огромными жилистыми руками, старик казался каким-то лесным «духом», прикорнувшим в недоступной для людского глаза жуткой первобытной чаще.

Лай собак раздавался уже явно на одном месте, где-то в стороне болотца, и в редком разрозненном тьяканье не чувствовалось азарта.

— Сидит на месте, — тихо бормотал старик, — а псы кругом... Это значит я псы крив?

На момент он замер без слов и движений, потом как-то толчком сорвался с места и почти закричал с надрывной злобой:

— Всю жизнь служил панам, а на старости лет дождался...

Он взглянул назад, туда, где остались охотники, поднял руку, словно хотел погрозить кулаком, но не закончил начатого движения и, резко повернувшись, углубился в чаще.

— Какого зверя им отдал—бормотал на ходу старик.— И на что извели?... На лекарство старой бабе, которой надо бы думать о смерти да о грехах. А он ведь на моих глазах бегал проворным теленком, а потом рос и стал грозой и красой леса. А теперь и вовсе уцелел единственный и последний...

С огромной яркостью, как живой, встал перед глазами Дзыга могучий бык, каким он видел его на поляне сегодня ночью. Громадное черное тело дышало несокрушимой силой. Лунный блеск отражался на тяжелых, круто изогнутых рогах, когда зверь, почуяв запах человека, нагнул их к опушке леса. А потом он признал и приветствовал его, Дзыгу...

Острая как нож и томительно тоскливая жалость волной зашла в сердце, и решение пришло сразу—отчеканенное и простое. Покорное, растерянное выражение исчезло с лица лесника, как пятно дождевой грязи под струей воды. Волчьим блеском загорелись глаза под седыми кустистыми бровями, и он торопливо зашагал вперед, напряженно вслушиваясь во все оттенки звуков, доносившихся со стороны болотца. Пройдя еще несколько сот шагов, старик на-

чал загнать влево, отходя место, где, судя по лаю, остановился или залег в густой чаще раненый тур.

«Рана, если и есть, то пустая,— рассуждал Дзыга.— На брюхе крови не было, а если отгули в плечо он не свалился и даже не заремал, значит либо только кожа порана, либо шея проита, но в неопасном месте. Теперь он засел в чаще и, окруженный собаками, ждет охотник в».

Злобная улыбка на миг скользнула по плотно сжатым губам. Ра ве они первые пробуют забирать в эти страшные заросли? Значит завтра будет работа ксендзам в Варшаве...

Он прошел дальше в лес, все время обходя с стороны ветра, и наконец оставил зверя между охотниками и собой. До болотца, к которому обыкновенно укрывался тур, было еще далеко. Возможно рана действительно была тяжелой. Старик покачал головой и, крадучись как зверь, стал подбираться ближе к месту, откуда раздавался лай собак. Потом он остановился и несколько раз негромко протяжно вистнул. Голоса собак на миг замолкли. Старик чуть улыбнулся и повторил призыв.

В кустах спереди раздался шорох, и собачья морда, поводя носом из стороны в сторону, просунулась между ветвями. За ней появилась вторая собака, и оба животных, повизгивая от радости, прижались к ногам хозяина. Торопливо погладив собак, Дзыга оглянулся назад и поспешно зашагал по направлению к болотцу.

Сзади все еще раздавался редкое тьяканье, и старик удовлетворенно качнул головой. Два пса убиты. Два его—здесь. Два же, кот рые там остались,— это слишком мало, чтобы занять зверя, когда подойдут стрелки. А если тур и на этот раз отбежит от врагов, кто тогда рискнет тронуть его в страшной чаще у Поганого болота?

Ра острая и жесткая усмешка снова пробежала по лицу старика. Как странно! Утром вместе с паном лесничим с тоской в сердце он шел убивать тура. Теперь он охотится вместе со зверем за паном лесничим и этим выодком из Варшавы, а сердце его горит большой, нетерпеливой и жадной радостью.

Он уселся на землю, придерживая за ошейник собак, и стал напряженно вслушиваться в звуки, доносившиеся из лесной чащи.

VI. Два удара и позорная рана.

Зарядив бомбарду, лесничий оглянулся на столпившихся кругом слуг и с удивлением увидел пана Эгержа, стоявшего также с ружьем в руках. Презрительная улыбка скользнула по лицу Кричевского.

— Попрошу пана, — сказал он, — отдать бомбарду человеку, который не вывихнет себе рук, таская такую тяжелую вещь... Одна бомбарда сломана туром, — уже раздраженно продолжал лесничий, видя, что врач невозмутимо стоит на месте с ружьем в руках. — Остались три, считая эту, и я не могу позволить, чтобы оружие таскалось без дела.

Пан Эгерж медленно поднял глаза и ответил холодно, язвительно и спокойно:

— Я не побоюсь бы в отличие от присутствующих итти вперед безоружным, но мне нескучило смотреть, как вы метко стреляете и лазаете по деревьям.

— Положите бомбарду! — яростно заорал Кричевский.

— И не подумаю, — резко ответил Эгерж. — А кроме того, помните, пане, что вы наняты княгиней, — врач особенно протянул это оскорбительное слово, — и что мне поручено наблюдать за правильностью ваших действий.

Лицо лесничего посинело от безудержного гнева, он гикнул из ножен кинжал и шагнул вперед, но, закрипев зубами, остановился в двух шагах от противника. За насилие над княжеским врачом пришлось бы иметь дело с самим князем.

Страшным напряжением воли он сдержал себя, вложил кинжал в ножны, круто повернулся и почти бегом начал спускаться в чащу. Рядом также с бомбардой в руках шел верный Стецко. Пан Эгерж, спотыкаясь о корни и сгибаясь под тяжестью непривычного оружия, ювелировал сзади в десяти шагах. Вплотную за ним, недоуменно переглядываясь, следовали двое хлопцев с рогатинами.

Лесничий прокладывал себе дорогу как медведь, раздвигая плечами и головой

кусты, и такой яростью горело его сердце, что даже мысль о туре стала далекой и тусклой. Самое чувство опасности растаяло в мутно всколыхнувшейся злобе, и группа охотников уже без всяких предосторожностей стремительно приближалась к залегшему впереди и окруженному собаками раненому зверю. Треск ломающихся под ногами ветвей далеко разносился по чаще.

Внезапно совсем новая тревожная нота прозвучала в близких уже голосах собак, редкое тягканье перешло в частый, испуганно злобный гон. Подняв бомбарду для выстрела, лесничий услышал хруст ветвей и гулкий топот зверя справа, а не спереди, где он его ожидал. Страшным усилием раздвигая ствол ветви, он все-таки успел повернуться и, уже не целясь, почти в упор выстрелил сбоку в тура, с треском прорывавшегося сквозь кусты. Второй выстрел Стецка слился с первым в один с грохотом раскатившийся удар и, уже ровно ничего не видя в густом дымовом облаке, лесничий услышал короткий, пронзительный, полный нечеловеческой муки вопль. Крик как-то сразу оборвался на низкой хриплой ноте, и на момент сделалось странно тихо. Только трещали вдали ветви под ногами удиравших хлопцев, да за спиной слышалось прерывистое дыхание Стецка, и в этот момент не покинувшего своего пана.

Еще через мгновение облако дыма улетело, смываемое порывом ветра, и лесничий увидел себя почти на краю крошечной лесной полянки. Врач лежал на земле, сброшенный туром. Рядом, изогнув дугой спину и широко расставив ноги, стоял зверь. Кровавая пена с хрипом вытекала из полураскрытой пасти. Вот здесь, под мокрой от пота складкой кожи позади лопатки судорожными толчками билось его истомленное сердце.

Тяжелая рогатина стала легкой и острой, и с внезапной решимостью лесничий рванулся вперед, раздвигая ветви куста, но снова замер под кровавыми зрачками молниеносно повернувшегося зверя.

Был момент, когда казалось два ровных мощных усилия разрывали тело. Скользко прополз стыд бросить человека, беспомощно лежавшего на земле,

но не стало порыва отваги для прыжка вперед, и отвратительным, но приятным оправданием показалась мысль о том, что пережитом оскорблении... Затем могучие рога медленно склонились к земле, какая-то чужая, не связанная с волей сила толкнула лесничего в чашу кустов, а в следующее мгновение, охваченный тупым мутным ужасом, он несясь, сам не зная куда, раздвигая грудью и лицом колючие ветви.

Потом тяжкий удар пониже спины бросил его на землю. Что-то громадное, промелькнув над головой, с хрустом исчезло в чаще, и все покрылось острой болью, вырвавшей протяжный крик.

Он сделал попытку подняться и снова со стоном опустился на землю. Рука, которой он провел по бедру, измазалась кровью, струйкой вытекавшей из разорванных штанов. Несколько минут Кричевский лежал неподвижно, не решаясь разбудить движением начавшую утихать боль, затем медленно и осторожно согнул и снова выпрямил колено. Еще более осторожно, преодолевая боль, попытался пошевелить уже всей ногой и весь вспыхнул от яркой захватывающей радости. Нога сгибалась и в бедренном суставе. Он не искалечен, и кость не сломана. Значит удалось отделаться простым ушибом и должно быть только поверхностной раной, судя по тому, что на земле растеклась лишь небольшая лужица крови.

Слегка приподнявшись, он осмотрелся кругом и закричал о помощи. Звук голоса вышел визгливым и хриплым. Мгно-

вение он молча прислушивался, затем снова с перерывами принялся кричать. Опушка отдаленного леса глухим двойным эхо возвращала его призыв, и может быть виной тому было чувство глубокой затерянности еще минуту назад, но ответный возглас показался неожиданно скорым и близким.

Раздвинулись ветви кустов, и запыхавшийся Стецко вынырнул из чащи. При виде неподвижно распростертого на земле окровавленного пана глаза хлопца стали круглыми от ужаса. Он застыл на месте, затем, бросившись на колена, принялся торопливо и осторожно разрезать мешавшие рассмотреть рану лохмотья штанов.

Кричевский медленно и с усилием повернулся назад, пытаясь в свою очередь разглядеть рану.

— Ну, что там? — беспокойно спросил он.

— Рана пустая, пане, только он, гадина, сорвал вам всю кожу от этого места и вот досюда. — Стецко прикосновением руки показал направление и протяжение ссадины. — И как это кости остались целы от такого удара? Ведь, поверьте, кругом все кровью затекло и посинело.

— Ну, у меня-то кости крепкие, — самодовольно ответил лесничий. — Тебя

— И помни, собачье отродье... — со злобой обратился лесничий к хлопцу.

таким ударом он бы расшиб в лепешку. Ну, а теперь скидывай с себя рубашку и перевяжи рану.

Хлопец осторожно покрыл ссадину листьями попавшегося под руку подо-рожника и, разорвав свою рубаху на полосы, старательно забинтовал пана.

Уже окончательно успокоившись, лесничий вытянулся на левом боку, опустив голову на подложенную охапку ветвей, и первый раз после нападения тура вернулся мыслью к событиям сегодняшней охоты. Тур ранен двумя, а может быть и тремя пулями и несомненно издыхает где-нибудь совсем недалеко. Нужно скорее спешить содрать с его лба кудрявую шкуру, иначе все вышло ни к чему — и зверь убит попусту, и пропали его сто червонцев.

Он обернулся к хлопцу, чтобы отдать распоряжение, и вдруг остановился на полуслове, пораженный внезапно скользнувшей по сознанию смешной и страшной мыслью. Ведь завтра придется быть при дворе князя и рассказывать о событиях сегодняшнего дня. Значит прежде всего его засылят вопросами о его ране, и что будет, когда узнают, что он получил удар в такое место? С острой беспощадной ясностью он представил себе помирающих со смеху придворных дам и трясущегося от хохота пана Сапегу, который сейчас был в гостях у князя.

Кровь горячей волной залила лицо. Был момент нестерпимо острого стыда, затем лесничий неизвестно для чего опасливо огляделся кругом и с внезапно вспыхнувшей злобой обратился к хлопцу.

— Слушай, Стецко, я ранен в ногу, выше колена, вот здесь.—Он указал рукой место на бедре.—Понятно?.. И помни, собачье отродье, если хоть одна живая душа узнает... я с тебя шкуру спущу, задеру насмерть!

Он умолк, впиваясь взглядом в побледневшее лицо холопа.

— Ты один перевязывал меня,—медленно продолжал он, отчеканивая слова.—За услугу получишь червонец. А если хотя бы во сне болтнешь чего не надо, так ведь ты меня знаешь...

В последних словах Кричевского зазвучала такая беспощадная угроза, что

хлопец, только что бесстрашно встречавший выстрелом бегущего тура, вздрогнул и низко склонился.

VII. Смерть храброго.

Упрямо следуя в нескольких шагах за лесничим, Згерж остановился на другом краю крошечной лесной полянки. Лай собак оборвался. Стало странно тихо. Нельзя было глаз оторвать от залитого осенним пурпуром пышного куста рябины.

Потом мохнатая лавина так неожиданно вырвалась из-за зеленой стены, что не было времени ни испугаться ни стрелять, и пришел момент нечеловеческой боли...

Когда он очнулся, все кругом было странным, непонятным и чужим. Стерлись и растворились в сероватом полусвете резкие грани листьев, низко нависавших над его лицом. Странными переливами голубоватого и красного мягко сияла почти прижавшаяся к щеке белая ромашка. Что-то небывало громадное произошло с ним, но нельзя было вспомнить и понять, почему он лежит навзничь на лесной полянке, не в силах шевельнуть рукой или ногой и не чувствуя своего тела.

Упорным усилием воли, борясь с жутким сном, Згерж попытался вырваться из красочно сияющего полусвета. Смутные очертания предметов сгустились и отвердели. Разрезные ярко зеленые листья дуба отчетливо обрисовались на фоне неба, и внезапно сплошной стеной перед ним выросли страшные события дня. Черная масса, ринувшаяся из кустов, и нестерпимая, рвущая боль, потом странный сумеречно светящийся мир минуту назад и отсутствующее, уже не подчиняющееся воле тело...

Редкими судорожными толчками вздрагивало и снова замирало сердце. Что-то глухо булькало и клокотало в груди, и черная непроглядная пелена все плотнее смыкалась перед глазами.

Вот она смерть!

С какой тяжелой жутью он всегда отталкивал от себя мысль об этом неизбежном и грозном моменте, заканчивающем жизнь. А теперь не было даже тени страха. Да! И не только в эти ми-

нута, так как с тем же веселым и беззаботным вызовом судьбе он углубился тогда в лесную чащу для последней отчаянной борьбы с могучим зверем, Значит и в нем, Згерже, живет это—самое высокое, что есть в мире, потому что смерть побеждает все на земле, и только отвага сильнее смерти. Гордая радость волной залила сердце. Он выдавил из груди еще один слабый вздох и улыбнулся долгой счастливой улыбкой.

властелином леса, должно быть также было покончено.

Однако раздавшийся невдалеке треск ветвей показал Дзыге, что он все же ошибся. Было слышно, как зверь совсем близко медленно и с остановками прошел к болоту. Старик поспешно пересек кровавый след и, сдерживая рвавшихся собак, долго стоял на месте, не решаясь двинуться вперед. Потом из кустарника один за другим выскочили два пса. Звон

Реставрация в рисунке вымершего тура.

Потом на миг порвалась черная пелена, и во влажном сверкающем блеске зеленой листвы растворился мир...

VIII. Топь схоронила тура.

Когда двойной выстрел гулким грохотом прокатился по лесу, Дзыга, болезненно сморщившись, низко опустил голову. Ему ли было не знать, что в такой чаще стрелять приходилось только в упор? Значит тура не удалось напасть сзади или сбоку. Да, он отомстил за себя, потому что с порывом ветра донесся крик ужаса и боли, но и с ним,

гона ушел прямо по направлению к трясине и там сразу оборвался. Дзыга горестно покачал головой и уже без всяких предосторожностей, торопливо продвигаясь сквозь кусты, двинулся к болоту.

Подернутая бурой ржавчиной кайма осоки причудливыми изгибами врезалась в чащу кустов. Посредине влажным блеском сверкал широко открытый глаз окна трясины. Дуплистый ствол склонившейся до земли старой ивы далеко рассекал водное зеркало изломанными концами ветвей.

В первый момент поляна показалась Дзыге почти пустой. Только собаки лес-

ничего, высунув язык, суетливо метались взад и вперед по краю топи. Потом что-то шевельнулось за молодой порослью, густо покрывавшей низ дерева, и мелкая зыбь проворно побежала к противоположному берегу.

Выпустив из рук рвавшихся собак, старик торопливо шагнул вперед и замер на месте при виде тура, лежавшего за деревом на краю трясины. Задняя часть тела зверя была в воде, но голова и плечи еще оставались на берегу, и круто изогнутый конец рога плотно охватывал вывернутый из земли корень. Тур умирал. Огромный синеватый язык, высунувшись между зубами, свешивался набок. Частая мерная дрожь пробегала по шее. Обращенный кверху глаз уже застыл — неподвижный и мутный.

Дзыга долго стоял, тупо уставясь на слипшийся от крови, взъерошенный завиток между рогами. Потом поверхность воды бурно всколыхнулась от судороги, в последний раз потрясшей могучее тело, и голова тура без движения вытянулась на измятой траве. Старик опустился на землю и несколько раз провел рукой по мокрому курчавому лбу

зверя. Затем огляделся кругом, высвободил зацепившийся за корень рог и, напрягшись всем телом, слегка приподнял и сдвинул в воду голову тура. Зыбкая почва трясины заколебалась от толчка, и туша тура медленно поползла вниз. Теперь только плечо, нога и конец рога еще поднимались над поверхностью болота. Тяжело ступая по мягкому мху, Дзыга отошел к краю поляны и снова взглянул назад.

Да, топь кончала свое дело, и глубокую спокойную могилу нашел последний тур Сохачевских лесов. Здесь, в чаще у болота он скрывался последние годы и здесь даже мертвым ушел из рук врагов. Теперь пусть приходят паны, если только они остались в живых. Тура им уже не достать.

Дзыга удовлетворенно улыбнулся, еще раз взглянул на медленно уходившее под воду плечо зверя и три раза протрубил в рог. Гулкий призыв пронесся над вершинами сечи и, не найдя ответа, потерялся в лесной глуши. Неподвижно лежало сверкающее зеркало в раме высокой побуревшей травы. Успокоенно засыпал взбудораженный борьбою день.

Историко-приключенческий роман **М. Зуева-Ордында**

Рисунки худ. **И. Королева**

(Продолжение)

VIII. «Лиф со шнипом».

Петропавловская осталась позади. Исчезли огни, злившие Хрипуна, замолкли пьяные крики. Потянулись темные тихие переулочки в три-четыре дома и тупички. Погорелко шел, прислушиваясь к своей любимой мелодии — скрипу снега под ногами. Радостно набирал он в легкие колючий как иголки морозный воздух. Траппер удивлялся перемене, происшедшей в нем. Жизнь стала иной. Неужели это результат встречи с ней?

Вот наконец и красный домик под черепичной крышей. Траппер, пройдя маленькие сенцы, постучал в обитую волчьими шкурами дверь. Никто не ответил. Он набрался смелости и, дернув примерзшую дверь, шагнул через порог. Одурачивающий аромат духов перехватил у него дыхание.

В комнате никого не было. За стеной, в соседней комнате играли на пианино. Конечно играла она. Но не это взволновало траппера и не то даже, что он ровно семнадцать лет не слышал пианино. Из-за тесовой перегородки неслись суровые звуки увертюры из «Вильгельма Телля». Именно эту торжественную музыку Россини слышал он на последнем вечере у Дурова. После ожесточенных споров о сенсимонизме и фуриеизме даровитый пианист Кашевский¹⁾ сел за рояль и... А на утро начались аресты петрашевцев.

¹⁾ С. Дуров и Н. Кашевский — видные петрашевцы. Дуров был приговорен к 8 годам каторги.

Чувство сладостной больной горечи затопило его сердце. Забыв обо всем, он стоял, прислонившись к стене. Он не слышал даже, как смолкло пианино, хлопнула крышка. Очнулся он лишь от легкого испуганного вскрика. Аленушка стояла в дверях. В глазах ее еще трепетал испуг.

— Боже, как вы меня напугали! — рассмеялась она, сделала несколько шагов вперед и снова остановилась, с открытым любопытством рассматривая траппера.

А он, в своей просаленной, продывленной шубе, с бородой, сталактитами спускающейся на грудь, стоял перед ней как выходец из какого-то иного, сурового и жестокого мира. Его голубые глаза, холодные, пронизательные, цвета льда, прекрасно гармонировали с острыми скулами и крепкими тяжелыми кулаками. Борода его, более года не знакомая с ножницами парикмахера, подстригавшаяся лишь охотничьим ножом, почти скрывала яркие твердые и целомудренные губы. Он был весь борьба и труд.

Заметив, что она рассматривает его с острым любопытством как дикое животное, Погорелко смущенно опустил голову.

— Жако, или бразильская обезьяна! — вскрикнула она, от удовольствия подетски хлопая в ладошки.

— Что это значит? — спросил он.

— Боже, он не знает! Ах! Впрочем да... В «Театре-цирке» клоун Виоль, ис-

полняя в пьесе «Жако, или бразильская обезьяна» роль оранг-утана, очень похож на вас. Вы не обиделись на это сравнение?

Он поднял голову и улыбнулся. В золотых кольцах его бороды сверкнула ослепительно белая дуга зубов.

— Ну, что за глупости! Конечно нет. Вид-то у меня действительно зверский. Чертей пугать!

Он снова жадно смотрел на нее.

— Что это вы так смотрите, словно на мне узоры написаны?—лукаво улыбнулась она.—Ну, давайте поздороваемся как следует. Вот вам обе мои лапы!

Ее белые холеные руки потонули в его руках, красных как куски сырого мяса, с черными обломанными ногтями.

— Да ведь я с ума сошла!—спохватилась она.—Я же не причесана. Подождите здесь. Я через минуту буду готова!—уже на ходу, скрываясь за дверью, крикнула молодая женщина.

Оставшись один, траппер провел по комнате взглядом, увидел туалетный прибор из множества предметов в серебряной оправе и в кожаных футлярах, тяжелую меховую шубу, от которой пахло духами, шелковый капотик, небрежно брошенный на грубый табурет, и им вдруг овладела такая робость, что он подумал: «Не удрать ли, пока не поздно».

Но было уже поздно. Послышались приближающиеся шаги. И тут только к ужасу своему Погорелко заметил присутствие Хрипуна, капризно тыкавшего мордой в его икры.

— Подлюга несчастный, да как же ты попал сюда?—с отчаянием, неистовым шопотом сказал он. И повысив голос, крикнул строго:—Пошел вон отсюда!

— С кем это вы воюете?—спросила Аленушка, появляясь в дверях.—Ах, собака! Это ваша? Это из тех, на которых вы ездите? Боже, какой он забавный! А как его зовут?

И она протянула ладонь, чтобы погладить Хрипуна. Погорелко успел испуганно перехватить ее руку.

— Упаси вас бог! Он не очень-то ручной. Мой Хрипун строг и фамильярности в обращении не любит. А если сунуться к нему с любезностями, то он пожалуй и руку оторвет.

— Вы думаете? А вот посмотрим!—сердито закусив губу, сказала она и смело опустила ладонь на громадный лоб Хрипуна.

То, что произошло затем, по мнению Погорелко, походило на чудо: лишь только нежная женская рука опустилась на его голову, Хрипун заворчал тихо и довольно сквозь сжатые челюсти. А затем лучший аляскинский вожак-потяга встал на дыбы и положил лапы на плечи женщине.

Погорелко смотрел на эту сцену со смешанным чувством восхищения, удивления и ревности.

— Ну, что, оторвал он мне руку?—крикнула она и победно рассмеялась.

Хрипун, услышав ее голос, преданно завилял хвостом, затем опустился на пол и, подойдя к маленькому диванчику, разлегся около него с видом уверенным и чуть насмешливым, как бы говоря хозяину: вот попробуй теперь выгнать меня отсюда!

— А что это такое?—спросила Аленушка, указывая на тучок мехов, который траппер держал в руках.

— Это небольшой подарок для вас,—ответил он и привычно быстро раскинул тучок.

В комнате остро запахло зверем. По полу расстелились искрящаяся золотая лисица, соболь, бобер, енот, горностаи. Аленушка, скрестив на груди ладони, в немом восхищении смотрела на эти дары Аляски—«пушистые бриллианты».

— А вот всем мехам мех!—весело крикнул Погорелко.—Ловите!

Что-то темное, длинное, гибкое мелькнуло в воздухе и змеей обвил шею женщины. Это была шкурка черной бурой лисицы, легкая как шелковый платочек. Великолепный серебряно-черный, с седым хребтом зверь действительно играл и переливался как черный бриллиант.

— Она как живая,—задумчиво сказала Аленушка, поглаживая ласкающийся мех.

— О, да!—оживленно откликнулся траппер.—У пушнины есть своя какая-то таинственная, как и у жемчуга, жизнь. Знаете, что мы звероловы заметили? Если шкурку обернуть прямо вокруг голого тела, то она не только

лучше сохраняется, но даже приобретает новый блеск. Не странно ли?

— Очень, — рассеянно ответила она. И не снимая с плеч шкурки, подошла к диванчику и опустилась на него. Ноги ее почти касались морды Хрипуна.

— Садитесь. Вот сюда, — указала она на место рядом с собой.

Он сел. Диванчик был так мал, что до него доносился смутный аромат ее волос.

— Ну, о чем будем говорить, Филипп Федоров... Разрешите называть вас по-старому — просто Филиппом?

— Пожалуйста! — обрадованно ответил он. — Это мне очень приятно.

— Ну, а коли так, называйте и вы меня попрежнему Аленушкой. Так о чем же будем говорить? Семнадцать лет не виделись, встретились, и говорить не о чем? Хотите столичные новости? Хотя я и сама давно уже оттуда. Был у нас Александр Дюма-отец. Настоящий парижанин!.. Апраксин рынок сгорел, как раз в Духов день. Говорят, подожгли нигилисты. Чернышевский в связи с этим посажен в тюрьму.

— Какая нелепица! — возмущенно ударил он себя по колену. — У вас там все с ума посходили. Посадить Чернышевского в тюрьму за поджог! Да что у них голов нет?

— А вы уверены в невиновности Чернышевского? — удивленно раскрыла она глаза. И вдруг лукаво погрозила пальцем: — Ах, да, я ведь и забыла, что вы тоже нигилист. Ну, эта тема неинтересная, давайте лучше о другом. В русской опере идут сейчас: «Трубадур», «Жидовка», в итальянской — «Осада Ген-те», «Гвельфы и гибеллины». Поют: Тамберлик, Кальцолари. В балете идут: «Война женщин», «Сатанилла»...

Она перевела торопливо дух и снова заговорила:

— Ну, что же еще новенького?.. Вспомнила! Лиф со шнипом больше не носят, цветные и полосатые чулки тоже. Шляпы различные, но больше всего шляпы-мушкетер. Это в честь приезда Дюма.

— А вот всем мехам мех! — весело крикнул Погорелко. — Ловите! Что-то темное, длинное, гибкое мелькнуло в воздухе и обвил шею Аленушки.

«Трубадур»... Кальцолари... лиф со шнипом... шляпы-мушкетер... — вихрем осенних листьев неслось в его голове. — И для этого я семнадцать лет томился по встрече с ней? Для лифа со шнипом... лифа со шнипом?..»

— А вот новости и для вас, — положила она ладонь на его рукав.

Он радостно встрепенулся.

— Мужчины теперь носят не тугие атласные воротники, а отложные и к ним тонкие узкие галстучки. Лично мне очень нравится. Панталоны узкие со штрипками давно все бросили носить, даже консисторские чиновники. Теперь

носят очень широкие панталоны и...— Она остановилась, взглянула на его берендееву бороду, мокасины и вдруг, словно в ужасе, закрыла ладонями лицо.— Боже, и какую же чепуху я несу! Что вы обо мне подумаете? Я ведь знаю, что вы любите только умных женщин, вроде нигилисток со стриженными волосами и в очках, которые безобразят свою наружность ради вывески своих убеждений. Угадала я?

— Не совсем,—улыбнулся он.

— А может быть вам нравятся местные Новоархангельские дамы, такие... обнатуренные? Боже, вспомнила! Мне говорили, что вы отчаянный сердцеед и что ваша последняя избранница—маленькая индианочка, дитя природы? Ее зовут Летящая Куропаточка или может быть Сидящая Наседка, кажется так? А правда ли, что вы даже сюда в Новоархангельск ее с собой привезли?

Но заметив его недовольное и одновременно растерянное лицо, она спохватилась.

— Впрочем довольно глупостей. Рассказывайте лучше, что за страна ваша Аляска? Много в ней зверей?

— Очень! Начиная белыми медведями и кончая блохами.

— Ага! Вы еще не разучились острить. А северное сияние будет?

— Заказано,—серьезно ответил он, насмешливо блестя глазами.

— А правда ли, что здешние дамы водят на цепочке во время прогулок вместе собак белых медведей?

— Не хотелось бы мне разбивать вашу романтическую фантазию, но, увы, этого нет,—с притворной грустью ответил он.— А затем вот что: давайте о вас лично поговорим. Вы, конечно, замужем?

Ее лицо потемнело. А когда она ответила, в голосе уже не слышно было недавних беспечных ноток.

— Мой муж умер три года назад, оставив меня почти нищей. Все его громадное якобы состояние в действительности оказалось кучей долгов. Я уехала к родным в Иркутск, а оттуда с братом в Петропавловск. Из Петропавловска же на американской шхуне примчалась сюда. Вот и все. Довольны? Нет, коли на то дело пошло, давайте лучше

о вас поговорим. Знаете ли вы, что большинство петрашевцев помилованы государем и даже с возвращением всех прав состояния? Достоевский например уже вернулся в Петербург. Он живет на Ямской. Следовательно и вы можете вернуться снова в Россию.

Погорелко отшатнулся, словно получил удар по темени. Голубые его глаза потемнели. Он встал, прошелся по комнате и, подойдя снова к дивану, наклонился над ней:

— Значит мы оба свободны?

— Да.

— А это не радует вас, Аленушка? Скажите, не радует?—Слова его были насыщены откровенной, не знающей пределов страстью.—И неужели мы теперь разойдемся, после того как... Семнадцать лет... И каких лет!.. Но ведь мы еще не старики. Разве не можем мы начать жизнь снова?

Она ответила тихим и спокойным голосом женщины, чуждой кокетства:

— Если и вы этого хотите—да. Я согласна.

Оба долго молчали. Слышно было, как Хрипун громко, словно палкой бьет по пополу хвостом.

— Говорят, что вы,—робко, еле слышно заговорила она,—что вы очень богаты?

— Не-ет,—протянул он удивленно.—Я не нищий, правда, но...

— Я знаю, что у вас сейчас при себе умопомрачительное количество золота,—уже твердо и резко сказала она.—Вы нашли здесь золотую жилу.

Он опять отшатнулся, как и тогда, когда услышал, что ему можно вернуться в Россию.

IX. Ложное солнце.

Траппер снова сел на диван и взял ее руку без грубости, но с такой силой, что она поморщилась от боли.

— От кого вы слышали об этом золоте?

Она высвободила руку и ответила с вызовом, под которым скрывалось смущение:

— Не все ли вам равно? А вот попробуйте отрицать это!

— На эту тему мы поговорим после. А сейчас я требую ответа: кто сказал вам о золоте?

Она, молча, оскорбленно вздернула плечи. Затем вытащила из кармана платяя жестяную коробочку, наполненную плоскими английскими сигаретами и закурила, пустив через нос две тонкие струйки пряного дыма. Он смотрел на нее с удивлением. Курящие женщины были тогда редки. Коробка эта показалась ему почему-то странно знакомой. Где он видел точно такую же, ярко красную, с золотым ярлыком? И вдруг вспомнил: в руках маркиза дю-Монтебэлло.

Траппер порывисто встал.

— Я знаю, кто нагудел вам в уши эту глупость о золоте. Маркиз Луи Шапрон-дю-Монтебэлло! Теперь вот вы попробуйте отрицать это!

Она ответила просто и спокойно:

— Да, он. Дня три назад он как о курьезе рассказал мне о траппере, приехавшем в Новоархангельск целый воз золота. Но маркиз не называл фамилии траппера, вскользь описав лишь его наружность. А я, взглянув на вас, сразу решила, что вы и есть этот Крез. Вот как было дело. Что же тут страшного? Почему это вас так взволновало?

Но траппер, не слыша ее, словно озабоченный какой-то внезапной мыслью, воскликнул:

— Пойдите, пойдите! Вы говорили, что приехали из Петропавловска на американской шхуне. Вы ехали вместе с маркизом, да?

— Да, если это вас почему-то интересует.

— И шхуна эта называлась «Белый Медведь»? А шкипер, он же владелец ее, носит фамилию Пинк. Да?

— Нет шхуна называлась не «Белый Медведь». Я не знаю, как она называлась. А фамилией шкипера я вообще не интересовалась. Но что это за вопрос? Вы с ума сошли?

Погорелко сел на ручку дивана, на достаточном расстоянии от нее.

— Аленушка, вам нравится маркиз, не правда ли?—со страданием в голосе спросил он.—Но скажите мне, какие отношения у вас с дю-Монтебэлло, этим типом, трепавшимся по всем притонам мира?

Она отодвинулась насколько позволял диван. По лицу ее прошло что-то враждебное.

— Мне не нравится, что вы третируете маркиза, — сказала она, глядя Хрипуна по спине, где виднелась основательная плешинка, след зубов волка.

— Пошел вон, мерзавец! — взвился вдруг Погорелко, топая ногами. — Убейся отсюда, скотина!

Хрипун испуганно поджал хвост и вылетел из комнаты, грудь раскрыв дверь.

— Зачем вы выгнали его? — спросила с удивлением Аленушка.

Траппер захлопнул дверь за собакой и, стоя у порога, заговорил, не отвечая на ее вопрос:

— Маркиз очень красив, у него такие манеры, что я в его присутствии чувствую себя ломовым извозчиком. Но он мошенник.

— Может быть, — холодно ответила она. — Меня это не интересует. Давайте поговорим о вашем золоте.

— Оно не мое! — резко бросил Погорелко.

Аленушка рассмеялась. Смех ее, горловой и наигранный, звучал фальшиво, словно в горле у нее просыпались стекляшки.

— Вы здесь болтали о счастье, о нашем счастье, — подчеркнула она. — Но разве можно быть счастливым без гроша в кармане? Смотрите на жизнь трезвее. Взгляните хотя на эту комнату. Большого у меня нет. Могу я жить в такой обстановке? Хватит ли у вас духа и совести предложить мне жизнь в таких условиях?

Он обвел комнату хмурым взглядом: окна с тремя стеклами, заплывшие вершковым льдом, стены, оклеенные старыми газетами, жесткий, набитый мочалой диван, пара грошовых стульев, стол, покрытый продранной клеенкой с изображением пожара Москвы, сальная свеча — единственное освещение комнаты. Он взглянул также на свои бесформенные мокасины из красной дубленой оленьей кожи — собственной работы, перевел взгляд на ее изящные туфельки из серого шелка — и потупился еще безнадежнее.

— Вы хотите, чтобы я осталась жить здесь навсегда? — продолжала она. — Что,

бы я сделалась опустившейся неряхой, питалась бы олениной и гнилой мукой? Но я ведь ни индеец с луженым желудком. Здесь жить я не могу. А хватит ли у вас средств на нашу жизнь в России?

Траппер упорно смотрел на какой-то сучок половицы, попрежнему молчал и думал: «Страсть к богатству, к роскоши в ней сильнее всех других чувств, даже любви ко мне. Да полно! Не ошибся ли я? Я люблю ее как жизнь, как горячее солнце. Она—солнце мое... Так ли? Не ложно ли это солнце, одно из тех, которых я достаточно насмотрелся за свои бродяжничества по Аляске? Эти солнца не светят и не греют, они—лишь бледный отблеск настоящего солнца в крошечных ледяных кристалликах облаков...»

— Ну, что же вы молчите?—строго спросила она.—Отвечайте что-нибудь, скупой рыцарь!

— Видите ли, у нас, трапперов, есть такой неписанный закон,—заговорил он, попрежнему не отрывая взгляда от пола.—Если два человека скитаются по лесам, то один не бросает другого в нужде. Каждый из нас рискнул бы, не задумываясь, ради другого жизнью, если бы например перевернулась лодка, либо этот другой сломал ногу, или напал на него медведь. Таков закон Севера. А я слишком долго жил на Севере и слишком многим обязан ему, чтобы не прислушиваться к его голосу. Это золото не мое. Оно принадлежит другим людям, дано мне для известных целей, и если я присвою его себе, то преступлю именно этот закон Севера. Я брошу в нужду даже не одного человека, а многих людей. Этого я сделать не могу, не потеряв свою честь.

— Что и честь, коли нечего есть!—с откровенным издевательством бросила она.—И можете быть спокойны—я не посягаю ни на это золото ни на вашу честь. Пусть они остаются при вас. Но не пеняйте, если счастье, которого вы ждали семнадцать лет, и на этот раз пройдет мимо вас. С человеком, для которого какие-то дикарские законы дороже чем моя любовь, я не могу связать свою жизнь. Вот все, что я хотела сказать вам. А теперь... приличным людям пора спать.

Это было похоже на то, что его просто выгоняли. Он молча поклонился и пошел к дверям.

— Подождите, глупый! — крикнула вдруг Аленушка. Он обернулся. Она смотрела на него с улыбкой, но без прежней заносчивости и злобы. Скорее даже это была улыбка прощения.

— Вот что я еще хотела бы сказать вам, большой ребенок,—подошла она к нему вплотную.—Во-первых, не думайте обо мне плохо, во-вторых, подумайте за ночь хорошенько над моими словами, и в-третьих, я жду вас завтра снова в семь. Вы придете с окончательным ответом. А сейчас я не требую от вас ни да ни нет. И давайте же простимся как следует. Вот вам моя рука в знак того, что я на вас не сержусь.

Он порывисто схватил ее руку. Но в тот момент, когда нежная атласная ладонь Аленушки коснулась его ладони, твердой как древесная кора, с костяными наростами мозолей, Погорелко ясно увидел на ее лице гримасу брезгливости. Вспыхнувшая было нежность снова угасла. Он вышел от нее с тяжелым чувством горечи и обиды.

Х. Тени за окном.

На ступенях крыльца ждал его Хрипун. Он насторожил уши, к чему-то прислушиваясь. До слуха Погорелко донесся приближающийся скрип снега, а вскоре он увидел и человека, шедшего сюда, к дому Аленушки. Из тысячи людей узнал же траппер маркиза по его особенной походке, легкой как у кошки и твердой как у атлета. Погорелко отбежал к теневой стороне дома и прижался к ней. Хрипун притаился у его ног.

Маркиз поднялся на крыльцо и открыл дверь спокойно и уверенно, словно входил в собственный дом. Траппер перешел к освещенному окну комнаты, в которой он только что был. Верхняя половина стекла не была затянута льдом, и Погорелко мог ясно видеть все происходящее внутри.

Маркиз быстро сбросил шубу. Он вернулся повидимому с губернаторского банкета. На нем был темнокоричневый фрак, красный бархатный жилет, на

Аленушка жадно и цепко захватила золото в горсть.

лацкане фрака переливался драгоценными камнями сиамиский орден. Зябко потирая руки, дю-Монтебэлло подошел к Аленушке и поцеловал ее в щеку. Затем он достал что-то из кармана своей шубы и подошел к столу, неся небольшой кожаный мешок, туго набитый чем-то тяжелым. Развязав ремни, маркиз быстро перевернул мешок вверх дном. На стол жирно хлынул темнофиолетовыми, огненно-красными, синевато-зелеными и бледно-желтыми струями крупный золотой песок и тяжелой лужицей разлился по дырявой клеенке.

Аленушка медленно, как зачарованная приблизилась к столу и так же медленно опустила руку на золото. Сначала она робко и нерешительно притронулась к драгоценному металлу, потом вдруг жадно и цепко захватила его в горсть. Пустила струйками между пальцами, пересыпала из ладони в ладонь. Она брала отдельные самородки, взвешивала их на ладони, долго держала в дрожащих пальцах один, наиболее крупный. А затем окунула в блестящий, туго расступающийся металл сперва кончики пальцев, а за ними и всю кисть до за-

пястья. Видимо, купаясь в золоте, она испытывала непередаваемое наслаждение.

Погорелко перевел взгляд на маркиза. Женственно тонкие губы дю-Монтебэлло улыбались удовлетворенно и уверенно.

Трапперу все стало ясно. Канадец отравлял ее душу, он манил ее к жизни праздной и бездельной, он уммышленно развращал ее.

Дю-Монтебэлло опустил вдруг пальцы в жилетный карман, вытащил самородок, похожий на грецкий орех (его самородок), и показал Аленушке. А затем маркиз заговорил оживленно и даже страстно. Руки его, горящие перстнями, взлетали в порывистых жестах. Видно было, что он просил, убеждал, доказы-

вал. Аленушка слушала с жадным блеском в глазах. Погорелко без труда догадался, что они говорят о его золоте.

Траппер глядел, не отрываясь, на маркиза, на его напомаженные, блестящие при свете свечи волосы, на синеватый глянец его гладко выбритых щек, на красный бархатный жилет, и в сердце Погорелко вдруг начала расти уверенность, что он где-то, когда-то видел этого человека. Это было давно, очень давно, быть может даже в той жизни, «на том берегу», но он видел раньше маркиза или человека, до мелочей похожего на него. Кого-то, сыгравшего в его жизни большую и нехорошую роль, напоминал ему маркиз. Но кого же, кого?..

И вдруг вспомнил. Вскрикнул даже от удивления и острой, колючей злобы:

— Антонелли!..¹⁾ У подлого итальянчика Петра Антонелли был такой же блудливый, избегающий встреч взгляд, такие же синие от бритья щеки, женственно тонкие губы и руки, унизанные перстнями. Даже жилет такой же вот, из красного бархата носил тот

¹⁾ П. Антонелли — провокатор. Втершись в кружок Петрашевского и оказавшись таким образом в центре организации, он выдал ее генералу Липранди.

шпион и предатель. Так вот кого нападает мне маркиз!..

Желание, могучее, но мгновенное как вспышка выстрела, овладело траппером, желание тотчас же убить маркиза. Он потянул уже из-за пазухи револьвер, но в этот момент Аленушка встала так, что загородила собою дю-Монтебэлло. Рука траппера невольно опустилась. Он отошел от окна и сел на сугроб.

Сколько он просидел так, зажав голову руками, он не помнил. Он не видел даже, как в окнах Аленушки погас свет. Лишь звук захлопываемой двери и скрип снега под ногами вернули траппера к действительности.

Погорелко так быстро и неожиданно выступил из темноты в полосу лунного света, что дю-Монтебэлло инстинктивно отшатнулся. Но маркиз не подал вида, что он удивлен или напуган. Он лишь быстро опустил в карман шубы правую руку.

— Слушайте, лживый вор! Если я хоть раз еще увижу вас в этом доме, то спущу курок вот этой штуки—взмахнул Погорелко револьвером.

Траппер говорил без злобы и угрозы, но с чем-то еще более страшным в голосе. Маркиз улыбнулся. И глядя не в глаза Погорелко, а выше, в его брови, сросшиеся над переносьем, словно сдвинутые в вечной упорной мысли, он ответил:

— А я бы вам не советовал подглядывать в окна. Не думаете ли вы, что вас не было видно?

Погорелко попятился. Этого он не ожидал. Значит и Аленушка видела, как он, словно влюбленный мальчишка или шпион, или как ревнивый дурак, подсматривал в ее окна. Что может быть унижительнее этого!

— Елена Федоровна просила меня передать вам, — ядовито, словно добывая траппера, сказал маркиз, — что ей не нравятся ваши дежурства под ее окнами. А потому идите-ка лучше спать.

Маркиз повернулся и спокойно зашагал по залитой лунной улице.

* * *

Траппер бродил без цели, без смысла, в одиночестве (Хрипун был отослан домой) по улицам Новоархангельска. Пе-

режитое за сегодняшний вечер потрясло даже его закаленные нервы. Несмотря на мороз, ему было душно и жарко. Он снял шапку и бросил безжалостно в сугроб меховой шарф из шкурок котика. Он вспомнил безгловую гримасу Аленушки при пожатии его руки, жадный блеск ее глаз при виде золота, и одиночество, великое одиночество северной пустыни опять грозным призраком встало над ним. Надежды на женскую нежность, на искреннюю любовь мелькнули метеором и рассыпались в прах... Траппера охватила жгучая жажда, которую нельзя было утолить водой или талым льдом, — дикое желание дурмана, палящего, удушающего опьянения. Он вспомнил, что у него дома стоит бутылка виски, и прибавил шагу.

XI. Первый удар.

Когда траппер ввалился во двор «Москвы», навстречу ему, неистово лая, бросился Хрипун. Собака отчаянно нервничала. Шерсть ее встала дыбом, и она рвалась к дверям дома. «Что с ним случилось» — подумал траппер.

А Хрипун рычал злобно и царапал от нетерпения лапами твердый снег. Лишь только Погорелко открыл дверь, собака быстро нырнула в нее, и вскоре сверху, уже из комнаты траппера донесся ее заунывный вой.

Погорелко быстро взбежал по лестнице. Огня в комнате не было, но его вполне заменял яркий свет луны, вливавшийся в окна. Хрипун сидел около порога и выл, подняв морду к чему-то темному, длинному, висевшему посреди комнаты. Не веря себе, Погорелко бросился к этому предмету, и руки его нащупали человеческое тело. Траппер испуганно отступил. Удушенный, потревоженный его прикосновением, тихо закачался...

Но кто же это? Кто?..

Погорелко вспрыгнул на табурет, быстро перерезал веревку, бережно опустил на пол тело, сорвав с шеи петлю. И лишь после этого зажег лампу.

Перед ним лежал на полу Громова Стрела. Погорелко в ужасе отвернулся. Индеец смеялся жутким мертвым смехом. Траппер схватил его за руку — пульса

не было; прикоснулся к лицу—оно уже похолодело.

Погорелко выпрямился и вдруг, вспомнив о чем-то, с лампой в руке бросился в соседнюю комнату. Айвики там не было. «Где же она? Убежала в ужасе, увидев повесившегося брата?»—недоумевал траппер.

Он вошел снова в свою комнату, выгнал продолжавшего выть Хрипуна на двор и сел, потирая лоб. Он растерялся и не знал, что предпринять. Мертвый смех Громовой Стрелы обезволивал его, и он бросил на лицо индейца подвернувшуюся под руки тряпку. Лишь после этого оглядел внимательно комнату. Разбросанные в беспорядке вещи красноречиво говорили или о борьбе или о спешных поисках чего-то. А вернее всего о том и о другом.

Неоформившееся еще подозрение закралось в мозг траппера. Он быстро поднял с полу петлю, снятую им с шеи Громовой Стрелы. Это был шнурок от мокасина, и притом от мокасина индейца. Значит он действительно сам повесился. Ведь не могли же его удавить на его собственном шнурке. Но что, какая неведомая причина заставила Громовую Стрелу повеситься?..

Из сеней донесся вдруг неясный шум. Погорелко взвел курок револьвера и направил его на дверь. Теперь уже было слышно, как в сенях кто-то топтал, стряхивая с ног снег. Траппер опустил револьвер: враг не делает столько шуму.

Дверь отворилась, и вслед за Хрипуном в комнату ввалился Сукачев.

— Филипп Федорович, милейший мой, здравия желаю!—загремел еще с порога заставный капитан.—Новостей у меня целый...

Он оборвал фразу, окинул взглядом комнату и воскликнул удивленно:

— Мати-богородица! Что это у вас за разгром, словно Мамай воевал!

— Видите вот, Громовая Стрела повесился,—ответил мрачно траппер.—Айвика пропала...

Сукачев быстро сбросил шубу и, опускаясь на колени перед трупом индейца, спросил деловито:

— Пульс шупали?

Погорелко в ответ лишь безнадежно махнул рукой. Македон Иваныч сдернул

тряпку с лица индейца, и мертвый смех снова ударил по натянутым нервам траппера.

— Почему он смеется?—тихо спросил Погорелко.

— Это их обычай,—ответил заставный капитан.—Я видел однажды, как индейский вождь хохотал во время пытки целых пять часов. И так, смеясь, он и отправился на тот свет. Этим они показывают свое презрение врагу, как бы издеваются над ним.

— Но ведь того вождя убили враги, а этот...

— Не сам он себе недоуздок на шею надел,—сказал твердо Сукачев.—Его обратили. Понятно? А затем, уже мертвого, его повесили. Подите-ка сюда поближе. Вот видите?

Погорелко, наклонившись, увидел на шее Громовой Стрелы два сине-багровых следа, при чем один был шире другого.

— Но кто же его убил?—крикнул в отчаянии траппер.

Заставный капитан почесал мрачно макушку.

— Ежели б я знал кто, для того сажень витой пеньки обеспечил бы, оглобля с суком!

И Сукачев, не обращая внимания на труп, словно сразу потеряв к нему интерес, быстро нагнулся и поднял с пола закопченную глиняную трубку.

— Это наверное Громовой Стрелы или Айвики,—сказал Погорелко.

— Самое верное,—согласился заставный капитан.—А что они курили?

— Только чистый кепик-кепик¹⁾

Заставный капитан ковырнул в трубке пальцем и, понюхав, положил ее на стол. Он весь насторожился, подтянулся, словно собака, попавшая на верный след, встал на четвереньки и заелозил по полу, внимательно разглядывая натоптанные следы от растаявшего снега. Погорелко смотрел на него с удивлением. Сукачев вдруг слегка вскрикнул и, поднявшись, передал трапперу какой-то блестящий предмет.

— Неизвестенный патрон!—удивился траппер.—И от моего шаспо...

1) Кепик-кепик — кора красной ивы, заменяющая индейцам табак.

— Я так и знал, что от вашего, — удовлетворенно сказал заставный капитан, отбирая у него патрон и кладя его на стол рядом с трубкой.

— А где же мое ружье? Оно висело над кроватью, — вскочил испуганно Погорелко. — Неужели украли?

Но длинноствольный шаспо нашелся подле его же койки. Казенник ружья был пуст. Траппер снова зарядил его и поставил поближе, чтобы оно было под рукой. А Сукачев между тем по натоптанным следам ушел в комнату индейцев и вскоре вернулся, неся в руках разорванную пронизку из зубов бобра, пустые ножны из оленьей шкуры, украшенные причудливым орнаментом вышивки, и пук сырмятных ремней, перепутанных, переплетенных и завязанных узлами.

— Эти вещи принадлежали ведь Айвике, да? — обратился к трапперу Сукачев, показывая пронизку и ножны.

— Да, я видел их несколько раз на Летящей Красношейке. Но откуда вы это узнали?

Заставный капитан не ответил и бросил пронизку и ножны на стол в общую кучу ранее найденных вещей.

— Ну-с, теперь мне все ясно, — заявил он.

— Но позвольте, Македон Иваныч! — удивился Погорелко. — Почему вам все ясно?

— Да дайте же мне рассказать по порядку, а не то меня взорвет! — нетерпеливо крикнул Сукачев. — Присаживайтесь поближе и слушайте.

Погорелко послушно подсел к столу.

XII. Лихая ночь.

— Дело было так, — начал заставный капитан. — Пинк с компанией решили во что бы то ни стало овладеть имеющимся при вас золотом, а потому за время вашего отсутствия сюда пожаловали незванные гости. Был здесь и маркиз. Я узнал это по следам городской обуви, которую он носит. Но этот лягушатник приходил, конечно, не один. Он захватил трех матросов с башибузукской фелюги

Из сеней довелся нечеловеческий ш. м. Дверь отворилась, и вслед за Хрипуном в комнату ввалился Сукачев.

капитана Пинка. Откуда я это знаю?— Мне сказала об этом вот эта носогрейка,—протянул он трапперу трубку, найденную на полу.—Вы, милейший мой, говорили, что ваши индюки курят только кепик-кепик, а в этой трубке остался еще виргинский табак. Значит трубка принадлежала американцу, который потерял ее во время потасовки. Теперь вам ясно? Продолжаю. Нападение было совершено таким образом. На приказание открыть дверь Громовая Стрела ответил отказом. Тогда замок был быстро взломан, и банда ввалилась в комнату. Громовая Стрела выстрелил, но ваш хваленый шаспо дал осечку.

— А эти сведения откуда?—спросил недоверчиво Погорелко.

Сукачев, не спеша, выбрал из кучи лежавших перед ним вещественных доказательств патрон и передал его трапперу.

— Поглядите-ка на капсюль.

Погорелко взглянул и смущенно пожал плечами. Маленький капсюль носил ясный отпечаток курка.

— Ну-с, дал ваш шаспо осечку, а второго патрона в казенник индюк загнать не успел. Навалилась на него банда эта. Стрелять эти дьяволы не решались — следы от пуль останутся, и на улице могут услышать, а в живых оставлять индейца тоже нельзя — свидетель, и потому заранее же заготовили петлю-удавку, которой многие из моряков, особенно китобой-гарпунеры, владеют не хуже ковбоев.

— Глядите, как дело было,—показал Сукачев на неподсохшие еще следы.— Индеец стоял вот здесь, около стола и, пока он неумело возился с затвором, один из моряков бросил ему на шею петлю и, дернув, тотчас же свалил его с ног. Затем на Громовую Стрелу надели трое. Маркиз-то конечно не пожелал ручек марать. Двое держали индейца, третий душил. С троими Громовая Стрела не смог справиться, а потому ему оставалось лишь одно — хохотать, чтобы с честью, по-индейским понятиям, положить свой живот. Вон он и сейчас еще зубы скалит... Индеец был уже готов, когда выбежала Айвика, — продолжал Сукачев.— Впопыхах она забыла про единственное оружие — нож, а пото-

му бандиты без труда одолели ее, связали вот этими ремнями и отнесли девушку снова в ее комнату. У бандитов, видимо, заранее было решено не трогать Айвику, а взять ее живьем в плен.

— Но зачем она им понадобилась? — спросил Погорелко.

— Неужели не понимаете?—удивился Сукачев.— Вот чудак-то, оглобля с суком. Да они ведь и приходили-то главным образом за Айвикой. Маркиз и Пинк догадались, что Громовая Стрела и Айвика имеют большое отношение к золоту. Они очень верно решили, что золотая жила, из которой вы черпаете умопомрачительные сокровища, указана вам тэнанкучинами. Ну вот и захватили в полон девушку в надежде выпытать от нее все касающееся золотой жилы. В крайнем же случае они будут держать ее при себе как заложницу. Они чай уже пронюхали, что она как-никак краснокожая принцесса. А потому ее братец при случае отвалит за нее немалый куш. Ну-с, связав эту самую принцессу, шайка принялась разыскивать золото. Мошенники упустили из виду одно обстоятельство, а именно то, что первое, чему учат индейцы своих детей, это способу выскальзывать из сыромятных ремней. И вот, пока душегубы обыскивали эту комнату, она в соседней комнате выскользнула из ремней, сорвав с себя лишь эту вот пронизку. А затем девушка выдернула свой нож, оставив на кровати ножны, которые вы тоже видите, и бросилась снова в эту комнату. Удивительная девушка! Одна бросилась на четверых мужчин и, видимо, хотела прорваться к выходу, чтобы разыскать вас. Девушку обезоружили, скрутили ее на этот раз веревками и вытащили в сени.

Траппер вдруг вскочил и забежал по комнате. Со стороны можно было подумать, что его мучает нестерпимая физическая боль.

— Нуте-с, мне собственно немного осталось досказать, — не спуская с Погорелко взгляда, продолжал Сукачев.— К этому моменту бандиты уже убедились, что у них произошла осечка. Золота-то они ведь так и не нашли. Пора было уходить и замести за собой следы. А главный след, главная улика — это

труп индейца. Начнется суд да дело, янки за такие шутки по головке не погладят, в общем влипнуть можно здорово. Как же быть? И решили они свалить все на вас. Сняли с мокассина индейца шнурок да и подвесили его. Для каждого при осмотре трупа будет ясно, что индеец сначала удушен, а потом уже повешен для скрытия преступления. А кто же мог это сделать? Конечно, вы. Кому какое дело до грязного индюка, кроме вас, притащившего его зачем-то сюда в Новоархангельск? Да и за Айвику еще вас шпиговать начнут. Спросят вас, куда девушку девали. А вы мне, милейший мой, вот что скажите. Каким образом бандиты выбрали время для нападения именно в ваше отсутствие? Как они могли узнать, когда вы уйдете и сколько времени в отлучке будете? Вот единственно, что во всей этой истории мне непонятно.

— Мне было назначено свидание одним человеком — нехотя ответил Погорелко.

— Каким это человеком? — оживился Сукачев.

— Да так... — замялся траппер, — одной женщиной.

— Какой такой женщиной? — уставился подозрительно на Погорелко соколиным своим оком заставный капитан. — Уж не той ли с космами, точно на рекламе для рождения волос, которую вы встретили сегодня днем при спуске русского флага?

Погорелко вспомнил светлокаштановый ураган над безмятежным лбом Аленушки и (он сам сознавался, что это ужаснейшая нелепица) обиделся на заставного капитана за «космы».

— Ну, а если бы и ею? — глядя волком, кинул он.

Сукачев лишь протяжно свистнул в ответ. Траппер посмотрел на него с удивлением.

— Чего вы на меня как медведь на градусник уставились? — рассердился вдруг заставный капитан. — Коли так дело обстояло, то ясно, пинковские ребята могли смело бить в шляпку гвоздя, не боясь хлопнуть себя по пальцам. Я и не знал, что вы путаетесь с этой мерзавкой.

Траппер порывисто вскочил. От громадного чувства, которое он семнад-

цать лет испытывал к Аленушке, еще многое осталось в его исковерканном сердце.

— Позвольте, Македон Иваныч! — срывающимся на истерический визг голосом крикнул Погорелко. — Какое вы имеете право...

— Ничего не позволяю, оглобля с куком! — вскочил тоже Сукачев, бодливо мотая огромной своей головой. — Ничего не позволяю! — грохнул он по столу кулачищем. — Ведь маркиз-то этот, пинковский компаньон, ее муж!

— Му-уж... — прошептал Погорелко и грузно опустился на табурет, положив устало на стол как на подушку голову.

— А вы только сейчас узнали? Что за чертоплешина, не понимаю. Да я об этом полгода назад знал.

— Она сказала мне, что всего неделю назад приехала сюда из Петропавловска, — произнес траппер, не поднимая со стола головы.

— Эк, ловкая баба! — искренно восхитился Сукачев. — Ну, до чего смела! Врала на себя как на мертвую. Да они уже полгода здесь в Новоархангельске болтаются. С первыми американскими чиновниками приехали. Я-то сюда в два месяца раз езжу меха Компании сдавать. Вот жулики-то переостатейные!..

Погорелко чувствовал холод и пустоту в сердце. Его Аленушка, его большая мечта, его мука семнадцатилетняя, оказалась «жуликом первостатейным». До сих пор, предполагая даже самое худшее, он все же считал ее лишь пустой, жадной до денег женщиной. Но то, что он узнал сегодня от Сукачева, не только мукой, но даже ужасом сдавило его сердце. Аленушка — жена маркиза. Значит она просто-напросто хотела украсть это золото. Значит она действовала как сообщница дю-Монтребэлло. Даже больше — задерживая его у себя в комнате, она выполняла часть своей работы как член шайки Пинк и К^о. Аленушка, девочка в пелеринке смолянки, — и рядом с ней низколобий Пинк и убийца Живолуп...

— А вы, милейший мой, не очень-то того... этого-то, — легла вдруг на руку траппера тяжелая ладонь Сукачева. — Потому что, ну, известно — женщина.

Погорелко поднял на заставного капитана просветленные, потеплевшие глаза.

— Спасибо вам, Македон Иваныч. Но все уже прошло. Было, правда. Э, да мало ли что бывает! А теперь ничего нет.

— Ну вот и молодчага! И-эх, разлюбезный мой!—нежно, как больного ребенка, утешал траппера Сукачев.

Они долго сидели молча, охваченные сильным чистым и суровым чувством мужской дружбы...

— Скоро десять, — щелкнул серебряной луковицей заставный капитан и перевел взгляд на окна. За стеклами, затянутыми словно белым сукном инеем, уже брезжил рассвет.—Ночь-то и прошла. А лихая была ночь... В два стемнеет, значит на сборы нам четыре часа остается. Для меня заглаза достаточно, а вам хватит?

— А вы куда собираетесь?—удивился Погорелко.—Чего ради вы-то в омут гонимой лезете?

— Закудыкали, — пути не будет!—обиженно откликнулся Сукачев.—Что же, я вас одного пушу? Вы опять чего-нибудь набедокурите. И не машите, пожалуйста, руками. Все равно увяжусь за вами. Я уже оплантовал все. Ко мне на факторию Дви поедом. Там отсижусь пока что. А здесь мои приятели да знакомые сб Айвике поразведают. Нападут на ее след, нам сообщат. Тогда мы де стоевать начнем. Понятно?—хлопнул он по плечу траппера.—Ну вот и собирайте свои Себехи. А я побегу с Сонюшкой прощусь да скажу своим краснокожим, чтобы умиак готовили. Действуйте, оглобля с суком...

XIII. На осадном положении.

После утомительного путешествия, добравшись наконец до фактории Дви, траппер свалился кулем на постель и заснул мертвым, плоским, без образов и красок сном. Не только измученный физически, но и опустошенный нравственно, он проспал весь остаток дня и всю ночь. Лишь утром второго после бегства из Новоархангельска дня он проснулся, с удивлением глядя на бревенчатый потолок фактории.

И память услужливо восстановила прошлое, ту пестрейшую вереницу событий, которыми были полны эти дни. Вспомнилась Аленушка, какой он видел ее в последний раз через окно,—внимательно слушающая вкрадчивую опасную речь маркиза. Но образ белой женщины тотчас же заслонила женщина краснокожая—Айвика. Он легко вообразил ее черные косы, тяжело свисающие по обеим сторонам лица, и вечно дымящуюся носогрейку, которую она потягивала с уморительно серьезным видом.

«Бедная маленькая Айвика! — заворочался беспокойно в кровати Погорелко.—Где она теперь? Жива ли? Когда же я получу весть о ней? Сукачев обещал, что при первом успехе его но сархангельские друзья дадут знать в Дви. Но хватит ли сил ждать?»

А затем мысль перешла на бегство из аляскинской столицы. Спешная погрузка умиака. Боязливые взгляды в сторону города, откуда каждую минуту могла появиться погоня. Золото было оставлено до лучших дней в лесах горы Сан-Хасинто: переноска и погрузка его отняли бы очень много времени. Они взяли с собой на всякий случай лишь несколько фунтов золотого песка, пересыпав его в удобные для переноски ящики из недубленной воловьей кожи с плетеными ручками. А затем плавание на умиаке. Они умышленно пошли каналом Опасности, проливом на севере от острова Баранова, известным сильными и опасными течениями. Даже паровое судно, посланное за ними вдогонку, не решилось бы итти каналом Опасности: запутанные мощные течения сбили бы его с курса и выбросили бы на берег. Лишь местные жители-индейцы смогли бы провести здесь судно, и то не большой пароход, а верткий гребной умиак.

Но все это в прошлом. А что в будущем? Неужели только ждать, ждать и еще раз ждать вестей из Новоархангельска? Да ведь от этого можно с ума сойти...

На лестнице послышались торопливые шаги заставного капитана, и вскоре он вбежал в комнату, возбужденно размахивая старинной длинной зрительной трубой.

— Спите еще, милейший мой? А к нам гости пожаловали! — крикнул Македон Иваныч.

— Какие гости? — опешил траппер.

С палисада они увидели, как из гички вышли трое и направились к фактории.

— Да вы взгляните-ка в окно, на бухту.

Погорелко подбежал к окну и тотчас же увидел бугшприт какого-то судна, так близко уже подошедшего, что издали казалось, будто блинд-ейль его цепляется за могильные кресты, стоявшие на берегу. Всмотревшись внимательно, траппер узнал характерные тонкие мачты и высокие борта «Белого Медведя».

— Догадался-таки чортов кэптен, где нас искать! — выругался Погорелко. — Словно собака след чует.

— Я его полчаса назад еще заметил, — сказал Сукачев. — Как увидел в море парус, так у меня сердце и ёкнуло. Взглянул в трубку — он.

— Что же будем делать? — спросил озабоченно Погорелко.

— Мы сначала поглядим, что они будут делать, — ответил заставный капитан. — Может быть старость подлила уже в мой мозг воды, как говорят индейцы,

а по-русски молвить — из ума я выжил, но только не понимаю, чего ради они сюда приперлись. Не дураки ведь они, должны понять, что золото мы не успели из Новоархангельска вывезти, Айвика же в их руках. Какого же им еще рожна нужно? Не наши же забубенные головушки им понадобились в самом деле. Ну, да ладно, поживем — увидим. Вы одевайтесь да выходите на улицу. А я побегу ворота от незваных гостей закрыть.

Выбежав на двор, Погорелко увидел, что Сукачев с деловым видом осматривает укрепления фактории, возведенные на случай восстания краснокожих. А укреплена фактория была действительно основательно и с наличием небольшого даже гарнизона могла бы выдержать серьезную осаду. Построенная по принципу блокауза, она была обнесена высоким бревенчатым палисадом, внутри которого и находились жилой дом, склады мехов, провизионные магазины и прочие постройки. В палисаде, на половине высоты были прорезаны длинные узкие бойницы для ружей.

— Чем не аул Ахты? — весело крикнул трапперу Сукачев. — Пусть-ка янки сунутся — начнут лбами землю доставать.

— Укреплено неплохо, — ответил траппер, — да что толку-то? Не можем мы пятеро — вы, я да трое сторожей-индейцев — отсиживаться здесь неопределенное время, отбивая атаки вдесятеро сильнее врага.

— Положим не пятеро, а только двое — рассмеялся Македон Иваныч. — У индейцев-то я сейчас же ружья отберу. Потому что, если янки догадаются их подкупить, то эти ребята нам же в спину стрелять начнут. А почему бы нам и двоим не отсиживаться? Провизии вдоволь, патронов тоже. Эва, удивили — вдесятеро больше! Мы на Кавказе один на двадцать ходили, вот как-с, милейший мой!

Траппер с восхищением смотрел на своего старого учителя.

— Вы, Македон Иваныч, надеюсь, не подумали, что я испугался. Мне просто показалось, что вы не учитываете сил врага. А с вами я и на сотню американцев пойду. Я ведь не забыл, что в эту опасную историю вывязываетесь исключительно из-за меня.

— Ну, будет разговоры разговаривать. Что я вас не знаю, что ли? Чай вы мой выученик. Слушайте! — насторожился вдруг капитан.

Со стороны моря донеслось характерное ворчание якорной цепи, вылетающей из клюза.

— Якорь бросили. Ну, пойдите гостей встречать, — полез первым на вал Сукачев.

С палисада они увидели злое в бурных море, гладкую как зеркало Дыйскую бухту, «Белого Медведя» посреди нее и шкиперскую гичку, уже отвалившую от правого борта шхуны. Гичка гирстала вскоре к мосткам около часовни, из нее вышли трое и направились к фактории.

— Кэптен Пинк с двумя телохранителями, — быстро определил Сукачев и, раскурив носовую рейку, усаживаясь поудобнее в ожидании «гостей».

Действительно, один из приближавшихся к фактории был шкипер Энтони Пинк. Его издали еще можно было узнать по чудовищной смолевой бороде, развеваемой ветром как черный пиратский флаг. Остановившись на дистанции, недостижимой для выстрелов с палисада, Пинк и его телохранители начали привязывать белый парламентерский флаг к стволу ружья.

— Эй, Пинк! Брось комедию с белым флагом! — проревел, сложив рупором ладони, Сукачев. — Подходи ближе — не тронем.

Шкипер, сняв шапку, приветливо помахал ею и теперь уже без опаски приблизился к палисаду.

— Ну, что скажешь хорошенького, а? — почти дружелюбно крикнул заставный капитан.

— Здравствуйте, мистер Мак-Эдон! Здравствуйте и вы, мистер Блекфит! — вежливо поклонился Пинк. — Очень рад видеть вас в добром здоровье. Как путешествовали?

— Ближе к делу! — крикнул раздраженно Погорелко. — Где Айлика?

— Первый раз слышу это имя. И прошу не перебивать меня. Не забывайте, что я теперь должностное лицо, — указал он на приколотую к борту его шубы серебряную звезду шерифа.

— Где ты ее украл, Пинк? — спросил серьезно заставный капитан.

Шкипер смущенно крикнул, но тотчас же оправился и заговорил официальным тоном:

— По приказу губернатора Аляски

Кэптен Пинк с двумя телохранителями.

генерала Галлера предлагаю отдаться в руки правосудия подданному Российской империи Бокитко, называющему себя Погорелко, именуемому также мистером Блекфитом, известному среди индейцев под кличкой Черные Ноги...

— Слышите, все ваши титулы откопали,—прошептал Сукачев.

— ... обвиняемому в убийстве подданного Соединенных Штатов индейца из племени тэнанкучинов.

— Положим, индейца-то ухлопали твои молодцы, а не мистер Блекфит, — сказал насмешливо Сукачев. — Но разве тебя переспоришь? Поэтому продолжай. Что у тебя там еще есть?

— По приказу губернатора Аляски... — завел было снова шкипер, но его перебил заставный капитан:

— Стой, Пинк, мы это уже слышали. Начинай с конца. Кого тебе еще приказано арестовать, меня что ли?

— Тебя, старина! — нежно улыбнулся шкипер. — Ты обвиняешься в...

— Стой, кэп! — поднял руку Македон Иваныч. — Мне совсем не интересно слушать, в чем ты меня обвиняешь. И удивляюсь я, охота тебе суды да свары затевать. Ты действуй. Коли ты теперь рука правосудия, то и вытащи нас отсюда. А то нашел чем грозить — губернатором!

— Ладно, вытащу! — рассмеялся шкипер. — А ты, старый медведь, лучше сам вылезай из своей берлоги, не то выкурю.

— Попробую! — тоже со смехом кричал в ответ Сукачев. — Я тебя повешу за бороду вот на этих кольях, и индейские сквау будут бросать снежками в твой голый зад.

— Слушайте, мистер Мак-Эдон, — заговорил вдруг серьезно Пинк. — Чего ради нам-то с вами ссориться? Если на то дело пошло, то я открою вам маленькую служебную тайну. У меня имеются инструкции, на основании которых я могу отпустить вас на все четыре стороны. Но вы за это должны открыть мне ворота фактории. Ведь в конце концов это территория Соединенных Штатов.

Сукачев, поняв наконец, что ему откровенно предлагать сделаться предателем, сначала вспыхнул, потом побледнел и потянулся уже было к ружью. Но сдержался и, ткнув траппера в бок локтем, прошептал шутливо:

— Сыграю я с ним сейчас шутку.

— Ладно, дружище, — деловито ответил он, — об этом стоит поговорить. Но ты сначала покажи мне бумагу на право нашего ареста. Втемную я не играю.

Пинк покопался за пазухой, вытащил сложенный вдвое лист толстой бумаги и, подняв его высоко в вытянутой руке, крикнул:

— Вот ордер на арест!

Сукачев с незаметной для глаза быстротой вскинул штуцер и, почти не целясь, выстрелил. Ордер на арест моментально исчез. Это было похоже на фокус. Пинк опустил руку, в которой держал бумагу, и осмотрел ее внимательно со всех сторон. Рука была целешенька, а бумаги нет.

— Пинк, не удивляйся! — грохотал пушечным своим смехом заставный капитан. — На твоём поддельном ордере не было печати, так вот я и приложил ее.

Шкипер разозлился не на шутку:

— Это покушение на жизнь должностного лица! Вы поплатитесь за это! Требую ответа, сдаётся ли вы добровольно? На размышления даю пять минут.

— Эй, продавец душ! — крикнул серьезно Сукачев. — А я даю тебе одну минуту на то, чтобы убраться отсюда. Как у вас говорится — полный ход назад. Нето я продырявлю не твою бумагу, а уже твою башку.

— Отказываетесь? — закричал, поспешно ретируясь, Пинк. — В таком случае я прибегну к силе оружия...

— Ну вот, милейший мой, — обратился к трапперу Сукачев. — Вы давеча спрашивали меня, что будем делать. Время-то и показало. Сражаться будем. И пусть только сунутся, мы им такой газават¹⁾ устроим, — до новых веников не забудут. Итак, фактория Дьи объявляется с сего часа на осадном положении.

— А вы назначаетесь её комендантом и начальником гарнизона, — улыбнулся Погорелко.

— Согласен. Вот только гарнизон-то маловат, — почесал Македон Иваныч по шапке затылок. — Ладно, однако, справимся чай и вдвоем! — выпрямился бодро Сукачев. — Будем сами за себя воевать.

И, спускаясь с вала, он забасил полузабытую кавказскую боевую:

Кабардинцы, вы не чваньтесь,
Ваши панцыри нам прах.
Лучше все в горах останьтесь,
Чем торчать вам на штыках...

¹⁾ Газават — священная война у мусульман.

XIV. Ночной гость.

— ...Ну, и пошли мы этим самым Тибердинским ущельем. Даже горцы прозвали его Гибельным Путем, потому как там только козе впору пробраться. А у нас обоз и пушки. Но раз приказ—ничего не поделаешь, пошли. Многие из солдатиков, конечно, в пропасть посрывались... Эх, служба царская! Однако добрались мы до горы, Хоцек называемой. А за ней, глядим, другая гора, еще выше, и у той, натурально, название другое—Карачаевский перевал... Что это? Никак собака твякнула?—насторожился Сукачев.

Оба чутко прислушались.

— Нет, ничего не слышно, — сказал Погорелко. — Ну, продолжайте, Македон Иваныч.

Траппер и заставный капитан коротали первую ночь осады в столовой фактории, около громадного, с избу, камина (каприз покойной мистрис Сукачевой), в котором ярко пылали целые сосновые бревна. С вечера еще они уговорились дежурить на валу по очереди, разделив ночь на две смены. Но не спалось обоим. Сукачев разжег камин, а Погорелко хотя и дежурный, но тоже забежал погреться. Американцы не подавали признаков жизни, не сходя даже на берег с «Белого Медведя» и отложив, видимо, на утро атаку. За траппера на валу остался дежурить Хрипун. На него можно было вполне положиться, — издали каучует приближающегося врага.

— Полезли мы и на Карачаевский перевал, — продолжал заставный капитан. — Я с пластунами свои вперед шел, в авангарде значит. И только мы добрались до макушки, — как а-ахнет! Матибогородица! Вся гора содрогнулась. Оказывается, горцы фугас взорвали. Сверху на нас камни, целые скалы, утесы может быть в тысячу пудов посыпались. Стою я за деревом и вижу — несется на меня камешек вот с эту столовую. Ну, думаю, в лепешку! Сажени до меня не оставалось, и вдруг... Хрипун залаял, честное слово! — воскликнул Сукачев.

Снова оба прислушались. Тикали мирно на стене часы. И больше ни звука. Мертвая тишина как в доме, так и на улице. Македон Иваныч хотел уже про-

должать свой рассказ, как вдруг со двора прилетел яростный захлебывающийся лай Хрипуна. А за ним заголосила и вся собачья свора, принадлежащая Сукачеву. Оба, схватив ружья, вылетели из столовой.

На дворе, залитом лунным светом, бесновалась собачья стая. Псы остервенело бросались на ворота, чуя за ними врага. Погорелко прикладом проложил себе дорогу к воротам и, открыв смотровую форточку, выглянул. У громадного, в обхват, воротного стояка притаилась человеческая фигура.

— Эй, кто там? Стрелять буду! — крикнул траппер, высовывая в форточку дуло ружья.

— Это я, Черные Ноги,пусти меня, — донесся слабый голосок.

— Айвика! — крикнул неистово Погорелко и, забыв об осторожности, распахнул широко калитку. Девушка вошла во двор фактории, шагнула навстречу трапперу и покачнулась. Погорелко едва успел подхватить ее.

— Ты убежала от них, Айвика? Ты ранена? — спросил испуганно траппер.

— Нет, Черные Ноги, я устала, я не ела два дня...

— Да чего вы ей допрос-то учиняете? — рассердился Сукачев. — Волоките ее в столовую, рюмку «бэнэдыктыну» дайте. А я побегу кофе сварю.

— Каким же образом удалось тебе бежать со шхуны? — полчаса позже, когда Айвика уже поела и напилась горячего кофе, спрашивал ее Погорелко.

— Белые люди сами отпустили меня и показали, где ты находишься. Я и пошла.

— Но как же? Разве они...

— Когда белые люди задушили Громовую Стрелу, — перебила траппера Летящая Красношейка, — они напали на меня и связали. Но я выскользнула из ремней и бросилась на них с ножом. Ты не думай, Черные Ноги, я билась очень хорошо. Но их было трое, а я одна... Они связали меня и отвезли на большую каное, похожую на ту, на которой ты пригез нас сюда. Но только еще больше, во много раз больше. На каное со мной обращались хорошо и сразу же дали мне еду. Но я сказала, что не буду есть до тех пор, пока меня не от-

пустят к тебе, Черные Ноги. Тогда пришел ко мне очень смешной белый человек. У него вот здесь, — девушка показала на подбородок, — было столько волос, что их можно было бы заплетать в косы. Этот смешной человек начал говорить со мной. Он требовал, чтобы я сказала, откуда ты, Черные Ноги, привез тяжелые желтые камни, которые называются золотом. Он спрашивал еще, где ты спрятал то золото, которое привез в великое стойбище руситинов — Ситху. Я ответила ему, что я женщина и мне не известны дела мужчин. Белый человек очень сердился, стучал ногами и говорил, что если я не скажу ему, то он прикажет меня пытать. Тогда я сказала белому с волосами на лице как у собаки, что мой брат Красное Облако занимает место на верхнем конце костра Великого Совета племен, что он вождь тананкучинов и что он сожжет на костре каждого, кто будет меня пытать. Но белый человек много смеялся. А что я сказала смешного?

Су ачев и Погорелко невольно улыбнулись, услышав эту наивную угрозу.

— Когда белый человек с волосами на лице ушел, мне снова принесли пишу, и я снова сказала, что не буду есть до тех пор, пока меня не отпустят к тебе, Черные Ноги. А потом белые ушли, я осталась одна, и пол под моими ногами закачался. Это каноэ белых поплыло по Большой Ссленой Воде. Пол качался до тех пор, пока я не заболела. Потом я уснула... А сегодня вечером пришла ко мне белая женщина. О, она была очень некрасива! У нее слишком белое лицо и тонкие губы. Не знаю, за что вы, белые люди, любите их. Наши женщины во много раз красивее. Но она была ласкова со мной.

Погорелко вдруг насторожился. До сих пор, слушая рассказ Айвики, он лишь улыбался. А девушка продолжала:

— Она была со мной ласкова, почти как мать. Она сразу заговорила о тебе, Черные Ноги, и спрашивала, здоров ли ты был последние дни и где я встретилась с тобой. Она тебя любит, Черные Ноги. Я поняла это по ее голосу, который дрожал, когда она называла твоё имя. А ты любишь ее, Черные Ноги? — ревниво посмотрела на него девушка.

— Ты ошиблась, Айфика, — ответил, избегая ее взгляда, траппер. — Эта белая женщина не любит меня, и я тоже не люблю ее. Но о чем еще она говорила с тобой?

— Белая женщина сказала, что тебе грозит большая опасность. Я спросила, какая опасность. Она сказала: «Белые люди сердятся на него за то, что он не говорит, где нашел желтые камни. Они хотят его убить за это». Я зляла ее за руки и много-много просила: «Спаси Черные Ноги, скажи, чтобы его не убивали». Но женщина твоего племени отвечала: «Нет, я не могу». — «Придумай, как его спасти, — начала я просить ее по-другому, — ты придумай, а я спасу». Она ответила: «Хорошо. Я уже придумала. Ты знаешь, где лежат желтые камни, скажи мне, я скажу белым людям, и Черные Ноги останутся жив». Я ответила ей, что не могу сказать, что мой брат Красное Облако взял с меня клятву. Тогда она вывела меня наверх и показала большой вигвам. «Вон там живет сейчас Черные Ноги. Если не переищишь мне, пойдем, и ты увидишь его. С ним в вигваме еще только один человек, а злых (елых) людей очень много, и у них у всех огненные трубки. Говори скорее, откуда он привез золото. Торопись, иначе будет поздно. Завтра утром белые люди убьют его»... Что мне было делать? — переводя глаза с одного белого на другого, растерянно спросила девушка. Волнение ее было так велико, что она казалась перестала дышать.

Мужчины подавленно молчали, опустив голову. Они уже догадывались о конце.

— Что мне было делать? — повторила девушка. — Молчать, чтобы тебя убили? Я не могла молчать... И чтобы спасти тебя, Черные Ноги, я сказала... — Лицо ее при этих словах озарилось ликующей радостью. — Я сказала все и спасла тебя!..

— Что ты сказала, Айвика, белой женщине? — спросил тихо Погорелко.

— Я сказала так: «Белая женщина, я была в пещере, которую мы зовем Злой Землей, только один раз и я не найду дорогу к ней. Черные Ноги тоже не найдет, не убивайте его за это. Возьмите у него кусок коры, простой березовой коры, которая без языка расскажет вам, как найти пещеру Злой Земли.

Эту кору он всегда носит на своем теле». Вот как я сказала. Белая женщина погладила меня по лицу и сказала, что я сделала хорошо, что Черные Ноги теперь не убьют. Я обрадовалась и хотела поцеловать ее волосы. Но она подумала наверное, что я кусаюсь, как собака, и оттолкнула меня с криком. Я смеялась: какая она трусливая! А потом пришел наверх тот белый, у которого много волос на лице и совсем нет волос на голове. Он сказал, чтобы я шла к тебе, Черные Ноги, и передала бы тебе слова многих белых людей. Я принесла эти слова. Вот они: «Отдай нам березовую кору, и мы не тронем тебя. Иди тогда, куда хотел». Я сказала все.

Айвика смолкла, сложив руки на коленях. Девушка смотрела вопросительно на траппера, удивляясь, почему не награждает ее нежной похвалой человек, ради которого она изменила клятве и родному племени. По лицу ее вдруг прошла пелена тень беспокойства. Она перевела удивленно взгляд на заставного капитана и робко спросила:

— Почему у вас зимние лица? Разве я плохо поступила?

Сукачев густо крикнул и растерянно отвернулся. Айвика встала и, сложив на груди ладони, подошла к Погорелко:

— Скажи ты, Черные Ноги, разве я плохо поступила?

— Ты очень плохо поступила, Айвика,—сказал строго траппер.—Я не могу отдать березовую кору белым людям. А они, зная теперь, что у меня есть кора, которая без языка рассказывает, как пройти к пещере Злой Земли, будут охотиться за мной как волки за карибу.

— Я хотела спасти тебя, Черные Ноги...—еле слышно сказала Айвика.—Кривой Медведь, скажи, разве я плохо поступила?

Сукачев посмотрел на нее с лаской и состраданием в глазах, хотел что-то сказать, но лишь махнул рукой и снова отвернулся.

— Ты очень и очень плохо поступила, Айвика,—продолжал Погорелко, и голос его звучал уже сурово.—А что ты скажешь брату, когда вернешься к племени? Ведь ты выдала белым людям

тайну тэнанкучинов. Белые люди пойдут теперь в поисках золота в земли тэнанкучинов и прогонят твоё племя с его охотничьих угодий. Твои соплеменники умрут с голода. Вот что ты сделала, Айвика!

— Я хотела спасти тебя, Черные Ноги...—как в бреду повторяла она.

— Филипп Федорыч,—вскочил вдруг заставный капитан.—Не смейте так говорить с этим ребенком! Неужели вы не понимаете, что она сделала это, потому что... ну, известно—женщина. А вы...

Сукачев замолчал, не находя слов, и снова сел, нервно теребя усы. Погорелко отмахнулся безнадежно и отошел к окну. Айвика проводила его взглядом, в котором было нечто большее чем любовь. В глазах ее светилась рабская преданность и готовность к самопожертвованию.

— Я поняла теперь, что поступила плохо. Я погубила тебя, Черные Ноги, и своё племя...—пустым безжизненным голосом сказала она, отходя от стола.

Сукачев поднял голову и посмотрел внимательно на девушку, отошедшую к камину. Она стояла, как-то странно выставив локоть правой руки.

— Нож!—вскрикнул вдруг испуганно заставный капитан.—Она взяла со стола ваш нож!..

Оба бросились к Айвике. Но было уже поздно. Девушка подалась всем корпусом вперед, словно наваливаясь на свою правую руку, и тотчас же, откачнувшись назад, упала на руки подбежавшего Погорелко. В груди ее, с левой стороны, почти из подмышки торчала рукоять ножа траппера, тонкого стилета с трехгранным лезвием...

* * *

В кромешной тьме уже зашла луна. Траппер и Сукачев киркой и лопатой рыли могилу для Айвики здесь же, во дворе фактории, рядом с могилой жены заставного капитана. На похоронах присутствовали только трое: третьим был Хрипун, серьезный и печальный, как люди. Холмик мерзлой земли придавили тремя тяжелыми камнями...

XV. «Барыня» заговорила.

Погорелко, набивавший на кухне патроны, услышав крик Сукачева, выбежал во двор. Заставный капитан расхаживал по валу с длинной подозрительной трубкой, которую он держал на плече, как солдат ружье. Лицо Македона Иваныча лучилось довольством.

— Начинается баталья! — крикнул он трапперу. — Ну, теперь держись, оглобля с суком!

Поднявшись на вал, Погорелко увидел большой парусный баркас, наполненный вооруженными людьми, уже пристававший к берегу.

— А ведь это охотники за котиками, — сказал траппер, — ребята, которые тоже редко дают промах.

— Хотя бы сами черти, — улыбнулся Сукачев. — Все равно отступать некуда. — И он невольно оглянулся на черную громаду Чилькута, обледеневшая вершина которого блестала, как алмаз, вставленный в перстень.

Охотники поспешно высадились и, будучи еще вне выстрелов из фактории, кучкой направились к палисаду. Человек пять остались в тылу, поднявшись на прибрежный холм.

— Эх, мне бы сюда сейчас мой шестерик штуцерных ¹⁾ из старослуживых пластунов, — вздохнул Македон Иваныч, — я бы эту ораву в полчаса разогнал.

Погорелко, который всматривался в людей, оставшихся в тылу, вдруг порывисто схватил сукачевскую зрительную трубу и направил ее на холм.

— Это в некотором роде штаб, — засмеялся Сукачев. — Там чай все главари собралось.

Траппер действительно рассмотрел черную бороду Пинка, Живолупа, сложившего руки на длинном стволе винтовки, и, наконец, до блеска выбритого дю-Монтбэлло, глядевшего из-под ладони на факторию. Рядом с маркизом стояла стройная женщина, одетая в изящ-

ный спортивный костюм. Погорелко вздрогнул и поднял выше трубу. Он увидел круглую барашковую шапочку и белый башлык с золотыми кистями, такие памятные по недавней встрече. А из-под черного каракуля шапки вихрился ураган светлокаштановых волос. Аленушка с искренним детским любопытством смотрела на охотников, приближавшихся к фактории.

Погорелко резко опустил трубу, схватил ружье, и прежде чем Сукачев успел помешать ему, выстрелил, поймав на мушку лицо, нежно белевшее под черным ободком каракуля. Пуля бесильно зарылась в снег на полпути до холма.

— Даром патрон пропал, — проворчал Сукачев. — Ведь до них более версты.

Но взглянув на Погорелко, капитан рассердился на себя за свой недовольный тон. Этот кряжистый седой человек, носивший в глазах скрытую боль незабытой еще утраты и старческую тоску по нежности и ласке, понял какое чувство заставило траппера бесцельно выпустить пулю.

— Ну-э, начнем что ли, благословясь! — обратился он к Погорелко деланно беззаботным тоном. — Вам первый выстрел.

Траппер молча приложился и спустил курок. Шедший передовым великан-охотник покачнулся, схватился за плечо и, повернувшись, быстро зашагал обратно.

— Одним жуликом меньше! — крикнул, тоже выстрелив, Сукачев. Но не попал. Охотники, развернувшись широкой цепью, залегли, пользуясь каждой складкой местности. Вскоре заговорили и их ружья.

С палисада им отвечали только два ружья: четырехлинейный шаспо, бухавший как гром, откровенно и яростно, да короткоствольный льежский штуцер, жаливший по-осиному, коварно и неожиданно. Но эта пара ружей стояла десятка других. Вскоре еще двое охотников — один прихрамывая, а другой придерживая перебитую руку, — потянулись в тыл.

Нападавшие попробовали было наступать. Ползком на животе, изредка стреляя, охотники начали приближаться к фактории. Наверное также они подползали и к тюленьим или котиковым лежби-

¹⁾ В первое время после изобретения нарезного оружия вооружить им пехоту было невозможно. Поэтому в русской армии нарезные штуцера давались только лучшим стрелкам, которые и распределялись по шести человек на роту. Отсюда — «штуцерной шестерик».

шам. Но теперь перед ними были не безобидные морские коты. Выстрелы с палисада вскоре отогнали их назад.

Тогда охотники переменили тактику. Они облюбовали большой холм, усеянный на вершине гранитными осколками, стоявший прямо против палисада. Оттуда свободно можно было бы обстреливать не только двор фактории, но и вал, так как холм возвышался и над палисадом. У этой стратеги-

ду ожесточенную хотя и беспорядочную стрельбу, дабы отвлечь на себя внимание защитников фактории. А в это время пятеро охотников начали пробираться

Девушка откинулась назад, упала на руки под ежащего Погоре ко. Из ее груди торчала рукоять ножа траппера.

ческой высоты имелся лишь один недостаток—открытые подходы, с тыла же на холм взобраться было невозможно. Учтя все это, нападающие открыли по палиса-

даду ожесточенную хотя и беспорядочную стрельбу, дабы отвлечь на себя внимание защитников фактории. А в это время пятеро охотников начали пробираться

ся к холму. Но Сукачев быстро разгадал их план и взял холм исключительно под свой обстрел. Пятёрка пытавшаяся взобраться на холм, вынуждена была отойти, при чем одного из них, повидимому тяжело раненого, унесли на шхуну на руках.

Эта неудачная попытка с захватом холма окончательно охладила пыл наступающих. Они отошли на дистанцию, недоступную выстрелам, и, усевшись на снег, закурили трубки.

— Ура-а!—закричал радостно заставный капитан, размахивая ружьем.— Наша взяла! Первая атака отбита!

Охотники, услышав крик Сукачев, выпустили по палисаду в бессильной злобе пару бесполезных выстрелов. Македон Ив ныч погрозил им кулачищем и, блестя возбужденно глазами, обратился к трапперу:

— Вот уж узнает о нашей баталии государь и чай страх как на меня осердится. «Ну, скажет, и капитан Сукачев! То генерала моего по морде бил, из батальона убег, а теперь с американцами войну завел. Подать,—крикнет его сюда на расправу!» Шалишь, ваше величество, руки коротки! На-ка, выкуси шиш!

Старик, нюхнувший снова боевого пороха, был радостен как ребенок.

Со стороны отбитого неприятеля до фактории донесся вдруг многоголосый галдеж. Охотники о чем-то ожесточенно заспорили. Видны были отдельные пары людей, стоявших друг против друга в вызывающих позах. А вслед за этим Сукачев и траппер увидели смолевую бороду, словно ветром переносимую с сугроба на сугроб. Это сбеспокоенный Пинк спешил к охотникам.

— Ээа, глядите,—засмеялся заставный капитан,—сам генерал пылит к своим верным войскам.

С приходом Пинка галдеж усилился, но потом сразу смолк. Один из охотников побежал к берегу, прыгнул в баркас и поплыл к шхуне. Через четверть часа баркас вернулся снова, наполненный не менее как пятнадцатью вооруженными людьми. Вновь прибывшие, встреченные радостными криками, присоединились к действующему отряду.

Взглянув через бойницу на неприятеля, Поорелко увидел, что у них начались какие-то странные маневры. Отряд разбился на три равные группы, которые вытянулись в длинные цепи с небольшими интервалами между отдельными стрелками. Цепи эти встали одна за другой. С вала хорошо было видно, как

между стрелками металась черным вихрем борода Пинка. По какому-то сигналу тронулась первая цепь. Вторая дала ей отойти на известную дистанцию и тогда только пошла. Третья колыхнулась, лишь выдержав ту же дистанцию.

— Ах, оглобля с суком!—крикнул Сукачев.—Да ведь они по всем правилам тактики наступать хотят. Ну и ну! Волнами будут двигаться. Две цепи стреляют, одна наступает.

— Да, это будет девятый вал,—сказал Погорелко.

— Пустяки, Федорыч!—бодро откликнулся Сукачев.—Как говорится, «иль на щите иль под щитом»...

Две задние цепи уже открыли огонь, рассыпав два залпа. Выстрелы не затихали ни на минуту, и теперь уже защитникам фактории нельзя было высунуться из-за палиада. На четвертом залпе острой щепкой, отбитой пулей от бревна, ранило левую кисть Погорелко. Он наскоро перетнул платком руку и снова припал к бойнице.

— Глядите-ка, Филипп Федорыч, Пинк сам своих ребят ведет!—крикнул между выстрелами Сукачев.—В чем другом, а в храбрости ему нельзя отказать.

— Где он? Вы его не трогайте, Македон Иваныч!—заволновался траппер.—Вы его мне оставьте. Мне с ним за многое надо расквитаться.

Вглядевшись в наступавшие цепи, Погорелко отыскал вскоре Пинка. Шкипер двигался на фланге одной из цепей. Траппер выбрал момент, когда кэп переползал от одного укрытия к другому, и, прицелившись особенно тщательно, выстрелил. Пинк ткнулся в снег. Но ранен он, или убит, или просто спрятался—нельзя было понять. О результате своего выстрела Погорелко узнал лишь четверть часа спустя, когда к сугробу, за которым лежал Пинк, подполз один из охотников и выволок оттуда, впрягшись в ноги шкипера как в оглобли, его неподвижное тело.

— Наповал!—крикнул радостно Погорелко.

Но к удивлению его, очнувшись в безопасной зоне, Пинк поднялся и, навалившись тяжело на двух подбежавших охотников, заковылял к берегу.

— Уполз-таки, чертило морское! — пожалел Сукачев. — А вы не горюйте милейший мой. Памятка-то у него все же осталась. А досить всегда успеете.

Охотники, несмотря на ранение глаза, не ослабили наступательного порыва. Они уже оценили преимущества новой своей тактики, и волны их набегали с ритмичностью морского прибоя. Очередная главная цепь была уже не более как в трехстах шагах от холма — цели их наступления.

«Самое большое через час все будет кончено, — подумал без всякого страха, скорее с усталым безразличием Погорелко. — Успеть бы, пока не убили, сжечь план Злой Земли...»

— Язви те мухи! Нашел! — крикнул вдруг, захохотав, Македон Иваныч и даже подпрыгнул легкомысленно, вызвав этим ожесточенную трескотню неприятельских выстрелов. — Ну и отчубучим же мы штуку!

— Что вы нашли? В чем дело?

— Секрет! — продолжал смеяться заставный капитан. — Военная тайна. Эх, дали бы они нам только маленькую передышку.

Передышка вскоре была дана. Лишь только передовая цепь порогнялась с холмом, охватив его с обеих сторон, стрельба погасла. Задымились труски. Охотники, лежа на снегу, отдыхали перед решительной схваткой.

— Бегите за мной! — крикнул Сукачев и первый спустился с вала. — Недоумевающий траппер кинулся за ним.

К его удивлению, заставный капитан свернул в кухню и подбежал к громадной лохани, куда выбрасывались всякие объедки, предназначавшиеся для собак.

— Ото вигайте скорее! — крикнул Македон Иваныч, упираясь в сок лохани.

Лоханка была выдвинута из угла. Под ней лежала старинная бронзовая пушка, от столетнего безделья покрывшаяся плесенью.

— Вот она, «барыня»! — крикнул весело Сукачев. — Пятнадцать лет мы с ней не видались. Последний раз по красномундирникам палили. А теперь снова придется ее потревожить.

— Вы думаете стрелять из этой музейной штуки? — удивился траппер. — Да ведь ее от первого выстрела разорвет.

— Ни в коем случае. Я ее норы знаю. Ну, потащили.

Они пригласили пушку веревками к толстой длинной жердине, вскинули концы на плечи и, сгибаясь под тяжестью, потащили на вал. В палисаде крепкими ударами двух топоров были выломаны несколько бревен, эта дыра должна была заменить пушечную амбразуру. Пока Погорелко таскал на вал маленькие боченки с крупнозернистым охотничьим порохом и мешки с волчьей картечью, заставный капитан привязал «барыню» к низкому салазкам, изображавшим лафет. Американцы, уже занявшие холм, не стреляли, видимо заинтересованные суетней на валу.

Порох в канал пришлось насыпать суповой ложкой. Зарядили «барыню» картечью, свинцовыми пулями и ржавым железным ломом. Вся эта смесь была завернута в мешок и в таком виде занесена в канал. На пыж Македон Иваныч изорвал старый валенок. После зарядки заставный капитан сам принялся за наводку. Делал он это с увлечением. Американцы, разглядев наконец на валу какое-то сродие жуткого вида, спохватились и начали бить с холма залпом.

— Готово! — крикнул Македон Иваныч, размахивая тлеющим пальником, — чтобы его раздуть. Ну, теперь я за их головы дам не больше чем за тавлинские папахи.

Искомандовав сам себе: «Первое пли», он прикоснулся пальником к подсыпке. «Бырыня» рывкнула звонко и басомито. Дым густым облаком окутал вал. Но Погорелко все же увидел, как орудие испуганно подскочило, словно в ужасе от собственного крика, и ударило Сукачева по ногам. Заставный капитан куборем слетел с вала.

— Не знаю, попало ли кому-нибудь, — сказал он хмуро, почесывая уши бленные ноги, — а вот мне так уж попало.

Первый выстрел не причинил вреда неприятелю. Картечь не донесла даже до холма. Но зато моральное действие было огромно. Американцы смолкли, услышав громкой вскрик «барыни». А потом открыли лихорадочную, беспорядочную, а потому и безвредную стрельбу.

Вскарабкавшись, прихрамывая, на вал, Сукачев посмотрел на действие своего

«Барыня» рванула звонко и басовито. Заставный капитан кубарем слетел с холма.

артиллерийского огня и пнул обиженно «барыню» в бронзовый бок.

— Ты что же это? Стара стала, слаба стала? Своих бьешь, а врагов не трогаешь?

Заряжая пушку во второй раз, Македон Иваныч всыпал в ее глотку лишних две ложки пороху:

— Лопай досыта. Только плюнь как следует.

Но теперь, прикоснувшись фитилем к затравке, Сукачев отыгнул предусмотрительно в сторону. Снова облако дыма и металлический звенящий звук выстрела. И снова «барыня» встала испуганно на дыбы. Верхушка холма словно туманом застлалась сухой снежной пылью, взбитой картечью. Нижние цепи, явно нервничая, слали залп за залпом. Но холм молчал, как будто раздумывая, стоит ли продолжать эту опасную игру. После третьего выстрела, тоже осыпавшего холм с инцовым и железным градом картечи, охотники, засевшие на вершине, не выдержали. Бегом, на спине, на боку, на задку скатились они вниз. Холм был снова свободен от неприятеля.

— Ну, что я говорил! — как ребенок радовался Македон Иваныч, нежно по-

глаживая ржавую спину пушки. — «Барыня» не выдаст, хоть и стара она шельма.

Заставный капитан, разохотившись, дал еще один выстрел картечью по нижним уже цепям, но неудачный. А затем, убежав снова на кухню, привсклок в мешке три чугунных ядра. Ядра эти служили до сих пор грузом для отжимания квашеной капусты. И все же эти мирные кухонные предметы нагнали панический страх на американцев. После выстрела видно было, как ядро описывало в воздухе огромную параболу. Американцы же, думая, что это взрывчатые гранаты, беспорядочным стадом отхлынули назад, к берегу. Особенный ужас нагнало на охотников третье и последнее ядро, дальность полета которого, благодаря удачному рикошету, увеличилась почти вдвое. Прочертив на снегу огромную борозду, ядро с треском ударилось в прибрежный холм, недалеко от баркаса. Несколько охотников с перепугу залезли по пояс в воду.

— Ну-с, посмотрим, что теперь будут делать янки, — ехидно улыбнулся заставный капитан и, закулив носогрешку, сел на «барыню» верхом.

Американцы попрежнему толпились на берегу. С бака шхуны взвилась вдруг дымовая ракета, выросла в стройную полосу, на момент застыла, словно утомленная, в высоте и беззвучно рассыпалась, растаяла в воздухе. С поспешностью, выдававшей радость, охотники бросились к баркасу, сели и быстро отвалили.

— Похоже на то, что нас до завтра не будут беспокоить,—сказал Погорелко.—Значит у нас целая ночь передышки. Это неплохо.

Охотники высадились из баркаса, и он тотчас же был поднят на боканцы. Затем на палубе началась ~~беготня~~ беготня. У брашпиля на носу встали наготове люди. Шхуна поднимала якорь и ставила паруса. Мокрая цепь поползла в клюз, показались облепленные илом и водорослями лапы якоря.

Траппер опустил зрительную трубу.

— Ничего не понимаю. Ведь они уходят. Неужели Пинк все-таки сдох от моей пули? Не в его характере не доводить игру до конца.

Сукачев молчал, нахмутив недовольно лоб.

«Белый Медведь» тронулся, поспешно отлаивившись от берега на середину огромной Дыйской бухты и здесь, сделав лихо поворот оверштаг, лег на другой галс. Часть парусов упала, шхуна, став теперь к берегу штирбортом, легла в дрейф.

— Ага!—сказал только Сукачев и принялся бурно сосать трубку.

В борту шхуны открылся вдруг полупортик, до сих пор искусно скрытый люком, из которого, вытянув шею, выглянуло блестящее новенькой сталью орудие.

— Вот вам и уходят!—прогорчал Македон Иванович.—Не-ет, Пинк до конца будет играть. Но что это за чертовщину направляет он на нас?

Орудие скушаяще медленно повернуло тонкое свое горло и устало на факторию черным, холодно внимательным глазом. Ослепительно желтое в сгущавшихся уже сумерках пламя сверкнуло у борта шхуны, осветив ее всю до последнего шкота феерически ярким светом. Звук выстрела, неожиданно мягкий и глухой, упал плавно на бухту и на

снежную равнину. А затем послышался сверлящий приближающийся свист и новый грохот где-то рядом, на дворе фактории. Снаряд разорвался внутри пустого мехового склада, разбросав крышу до стропил, но, к счастью, не зажег высушенного морозом дерева.

— Та-ак,—протянул Сукачев, поспешно выколачивая о каблук трубку.—Ч встаете армстронговскую работу? Нарезы, продолговатый снаряд и все такое прочее. Хороша штука, нашей «барыне» не родня. Но заметье, Пинк все козыри в игру пустил. Если узнают, что у него на борту армстронговское орудие,—ему не поздоровится. Но он идет и на риск.

Погорелко не ответил. Он думал о другом, об Аленушке. Что она делает в эту минуту? Конечно стоит на палубе «Белого Медведя» и, стиснув поручни, смотрит сюда, на факторию. Но что испытывает она? Жалость ли к нему, сожаление ли о своем поступке или просто радость, злобную радость?..

Снова звук выстрела мягко всколыхнул снежную тишину. Снова свист летящего снаряда. Пламя разрыва сверкнуло перед самыми глазами траппера, опалило его смрадным жаром и отбросило в сторону. Но он поднялся невредимый, машинально выгребая забившийся за воротник снег. И тотчас же увидел Сукачева. Заставный капитан стоял на коленях, склонив обнажившуюся седую голову, а по лицу его густо текла кровь.

— Что с вами, Македон Иванович?—бросился к нему Погорелко.—Вас ранило?

— Пустяки!—ответил Сукачев, оттаптывая снегом кровотоечение.—Камнем иль льдышкой кожу на лбу поцарапало. Но еще парочка-другая таких же метких выстрелов, и от нас одни глючья останутся. Ведь у меня в сарае пудов пятьдесят компанейского пороха. Выше Чилькута швырнет, оглобля с суком...

В томительном ожидании катастрофы проходили минуты. Но «Белый Медведь» молчал. Помешали ли стрельбе опустившиеся сумерки, или же Пинк решил, что он уже доказал бессцельность дальнейшей борьбы с ним, но выстрелов больше не было...

(Окончание в следующем номере)

Биологический рассказ А. Буткевича

I

Плач кампании. — Союз науки и жизни. —
«Король попугаев». — Птицы-термометры. —
Инкубатор в скрубе.

Мы в Квинсленде, в дебрях Австралии. На конях, едем — я, Рихард Семон, профессор зоологии Иенского университета, и спутник мой Джон, землянин Форстера, открывшего редкую деюкодышащую рыбу — рогозуба, — пробираемся на ферму отца Джона, где думаем создать базу для исследования края. Несмотря на кратковременное знакомство, мы с Джоном друзья. Чудесный парень, незаменимый проводник и товарищ! Бодрый, жизнерадостный, прекрасный знаток этих мест, Джон проявляет необычайный интерес к науке. Любознательность его не знает пределов. Вот и сейчас он допытывается, что побудило меня посетить далекую Австралию.

— Вашу Австралию, Джон, можно сравнить со сказочным сонным царством. В этой стране, рано отрезанной от сообщения с другими материками, жизнь частью замерла, частью пошла в своем развитии необычайными своеобразными путями. Получился какой-то музей биологических древностей и диковинок. Какую сеую старину открывают нам сумчатые или еще более древние однопроходные — эти удивительные утконосы — водяной и сухопутный, млекопитающие, которые кладут яйца подобно пресмыкающимся и птицам. Изучение утконосов занимает одно из первых мест в моей австралийской программе.

— Их много в окрестностях нашей фермы.

— Вот по приезде и примемся за них.

— А сейчас, во время нашего путешествия, неужели мы будем упускать случаи? Давайте наблюдать и изучать все, что встретится.

— Что же, идем! Вот между прочим, что меня поразило с первых шагов в

Австралии, так это необыкновенное богатство, разнообразие и красота ее птичьего населения.

— Прекрасно! Открываем поход! На птиц, так на птиц! — весело воскликнул Джон. — Но только я хотел бы, профессор, предварительно заключить с вами маленький договор.

— В чем дело, Джон? — удивился я такому торжественному вступлению.

— Дело в том, что я — неуч, простой любитель природы, а вы — ученый. Я прожил всю жизнь в этой стране, у меня богатейший запас опыта и наблюдений, но все мое богатство — мусорная куча, пока оно не освещено светом науки. Однако этот мусор превратится в алмазы и заиграет всеми цветами радуги, если вы, профессор, подойдете к нему с факелом научного знания.

— К чему столько красноречия, милый друг? — перал я излишняя Джона. — Как будто до сих пор мы не делились товарищески своими знаниями? Впрочем я готов подтвердить тот тесный союз науки и жизни. Привалю только к нему одно пожелание.

— Какое?

— Раз мы товарищи по общему делу, то не величайте меня больше «профессором». Пусть я буду для вас просто Рихардом.

Мы обменялись крепким братским рукопожатием.

— А вот, смотрите. В качестве свидетеля нашего союза птичий мир высылает красивейшего своего представителя.

Джон указал на стену густого мрачного «скруба» — этой низкорослой непроходимой австралийской заросли, — на сером фоне которого, сверкая на солнце яркими красками, медленно проплывала какая-то птица.

— «Король попугаев», как мы его называем, — пояснил Джон. — Самый крупный из них. Всего три краски: голова, грудь и брюшко огненно красные,

спина и крылья темнозеленые, хвост черный. Но какая красота! Слово блестящий драгоценный камень в однообразно унылой оправе скруба. Правда, только самец такой яркий, самка бледней, невзрачней.

— Таково общее правило для птиц, Джон. Ведь это в нашем обществе кокетничают и рядами женщины. У птиц наоборот: кокетничают и оперением и голосом самцы. Природа одела самку поскромней, чтобы сделать ее незаметней для глаза хищника: ведь с гибелью матери гибнет и потомство. Скромный наряд самки — это защитный наряд.

— Но я знаю птиц с ярким оперением и у самок, — возразил Джон.

— В большинстве случаев это или стайные птицы, которым защитная окраска не нужна, так как они отбивают хищника общими дружными усилиями, а яркая окраска нужна как зрительная сигнализация для отстающих от стаи особей, — или же это птицы, высиживающие птенцов в каких-нибудь укромных, скрытых от взоров врага местах — дуплах, расселинах скал и т. п.

Опустив поводья, мы шагом продвигались вдоль опушки скруба, как вдруг внимание мое привлекла какая-то темная масса, чернеющая среди зарослей.

— Что это за куча? Муравейник — не муравейник, слишком велика...

— Хотите полюбопытствовать? — загадочно улыбаясь, спросил Джон и остановил лошадь.

Мы соскочили с коней и, привязав их на опушке, двинулись по направлению к странной куче. При нашем приближении две больших, величиною с крупную индюшку, птицы выскочили из-за кучи и сросились прсчь. Я машинально вскинул ружье, но не успел выстрелить, как обе птицы скрылись в чаще. Мы осмотрели кучу. Приплюснутая сверху, она имела около четырех метров в диаметре и около двух — в высоту. Состояла она из лесного перегноя, травы, листьев, мелких веток, грибов, словом, всевозможных органических веществ.

— Постройка еще не закончена, — заметил Джон.

— Постройка? — изумился я.

— Ну, конечно. Не вы ли сами спугнули строителей?

— Как? Эти птицы нагребли такую кучу? Для чего она им?

— Для кладки в нее яиц. Сгребание куч птицы начинают весной, в августе, а к концу австралийского лета, то есть в конце декабря, они кладут в них яйца, зарывая их на глубину от трех четвертей до одного метра. Развивающаяся в этих надземных парниках теплота заменяет тепло насадки.

— Инкубатор! — воскликнул я.

Джон указал на стену густого мрачного «скруба».

— Да, у нас птицы сами изобрели этот аппарат и наблюдают за правильной его работой. Родители ежедневно навещают кучу и регулируют температуру: холодно яйцам — подбаливают тепленького материала, жарко — разгребают и проветривают, а когда придет время, помогают птенцам вылупиться и извлекают их на свет из глубины кучи.

— Неужели такое мощное сооружение — дело лап одной пары?

— Это до сих пор не выяснено. Но, судя по тому, что в одной куче случилось находить более тридцати яиц, надо думать, что здесь работает целая компания.

— И как вы называете этих птиц?

— Сорные, или скрубные куры.

— Как представитель науки я беру на себя смелость окрестить эту птицу именем, лучше характеризующим ее поразительные инстинкты. Назовем ее «птица-термометр».

— Да здравствуют «птицы-термометры»!

II

Встреча с эму. — Страус запугал коня. — Покровительственная окраска. — Фермер-ворчун. — Живой будильник. — Схватка птицы со змеей. — Человек — жертва кроликов. — Клоун поневоле. — Яйцо, которое не съест вчетвером.

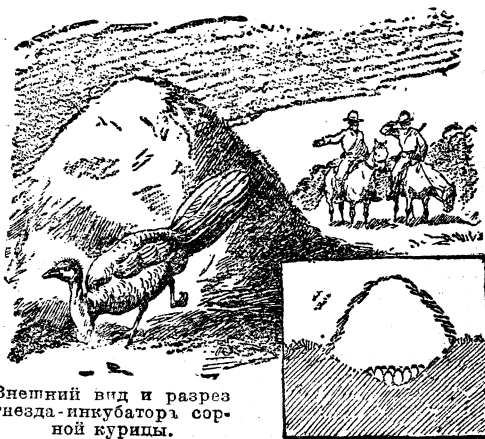
Когда мы пересекли скруб и вынырнули из его чащи на поляну, перед нашими глазами выросли силуэты двух громадных птиц. Мы невольно задержали коней. Растерявшиеся птицы видимо колебались: пуститься ли им наутек или остаться на месте. В конце концов любопытство взяло верх над страхом — птицы осторожно приблизились к нам шагов на пятнадцать и стали, вертя головой, с интересом нас разглядывать.

— Эму — австралийский страус, — шепнул Джон. — И с целым выводком. Смотрите.

Действительно, около десятка маленьких эму, продолговатых, величиной с курицу, копошились вокруг матери.

— Почему они не боятся нас?

— Потому что ни колонисты, ни туземцы их не трогают. Эму свободно разгуливает среди наших стад, заходит иногда в наши дворы и загон и очень легко приручается.

Внешний вид и разрез гнезда-инкубатора сорной курицы.

Мы двинулись вперед рысью, когда вдруг услышали за собой топот и, оглянувшись, увидели, что самец-эму гонится за нами.

— Что это? Он нас преследует?

— Нет! — отозвался Джон. — Это у эму такая глупая привычка: он не может видеть быстро движущегося предмета без того, чтобы не броситься за ним. Расскажу вам интересную историю, разыгравшуюся года два назад у нас на ферме. Отец, уезжая в город, оставил в загоне пугливую лошадь. Случайно забрел в загон наш ручной эму. Лошадь испуганно метнулась от него прочь. Это послужило сигналом к началу преследования. И чем бешеней носилась по загону лошадь, тем энергичнее наседали на нее эму. Работник, наблюдавший эту сцену и безуспешно пытавшийся остановить дикую скачку, бросился наконец за мной. И когда мы прибежали в загон, то застали такую картину: на земле, вся дрожа, с выпученными от ужаса глазами, в мыле и поту, задыхаясь, галаяла лошадь, а вокруг нее, с гордым видом победителя расхаживал эму. Потом мы всячески пытались от него отделаться, но как далеко ни угоняли и ни увозили его, он неизменно возвращался обратно.

— А чем объяснить, — обратился ко мне после минутного молчания Джон, — что взрослые эму одноцветной темной окраски, а их малыши — пестрые, с белыми продольными полосами?

— Пестрота здесь очевидно защитная, или покровительственная окраска. Хищнику, окидывающему с высоты зорким

взглядом степь, конечно легче заметить на ее фоне темное пятно чем пестрое, под цвет степной растительности. Что же касается разницы в окраске взрослого и маленького эму, то она объясняется так называемой возрастной, или родовой изменчивостью. Вы ведь знакомы, Джон, с биогенетическим законом Геккеля?

— Кажется знаком. По этому закону каждый организм в своем зародышевом или младенческом развитии повторяет вкратце всю историю своего рода.

— Ну, так вот, пестрая окраска детеныша эму доказывает, что сами эму были когда-то пестрыми. Замирая на месте и припадая к земле, они терялись среди пестрого ковра степи и тем спасались от хищников. Что же заставило эму переменить окраску? Так как фон степи остался тот же, здесь могут быть только два объяснения: или исчезли опасные для них хищники, или сами эму в своем развитии сделались настолько крупной и сильной птицей, что им стали уже не страшны бывшие враги. Ну, а беззащитные малыши продолжают сохранять покровительственную окраску. Мне вспоминается, Джон, еще один яркий пример такой возрастной изменчивости, но на этот раз уже в зависимости от изменения среды. Во время посещения зоологического музея профессор показал нам, студентам, чучело какого-то зверька, величиной с кошку и очень на нее похожего: «Вот новорожденный кошачьей породы. Догадитесь, что это за зверь». Так как новорожденный был крапчатый, посыпались отгадки: пантера, ягуар, леопард. Оказалось, это был львенок. Львы когда-то были крапчатыми, потому что жили, подобно леопардам и другим пятнистым сородичам, в лиственных лесах, где солнечные лучи, проходя сквозь ветви и образуя блики, дают пятнистый фон. Эту свою пятнистую защитную окраску львы потом, перейдя жить в пустыню, сменили на желтую, под цвет песка.

Увлеченные беседой, мы не заметили, как стемнело.

— Мы переночуем на ферме у приятеля моего отца, — сказал Джон. — Старичок приветливый, хотя немножко и ерчун.

«Ку-ку! Ку-ку!...» — раздалось невдалеке от нас.

— Что за история! — удивился я. — В первый раз слышу, чтобы кукушка куковала ночью.

— Это не кукушка. Сова такая. Кукушка наша — птичка дневная, наряженная... с фазаньим хвостом.

Вдали блеснул огонек.

— Странно, — соображал Джон. — Наши колонисты встают и ложатся с солнышком. Чем это занят так поздно старик?

Мы застали хозяина за налаживанием капкана в курятнике.

— Хорек ко мне в курятник прошлой ночью забрался, — пояснил он. — Хорошо, я услышал. Одну только курицу успел задушить. Сегодня опять пожалует. Ну, да жив не уйдет... Вот, своей дряни всякой хоть отбавляй, — продолжал он ворчать, — а тут еще этих кроликов проклятых из Европы привезли догадались. Размножились тут, окаянные, на свободе-то. Отбоя нет. Все жрут — посева, траву, овощи. Прямо наказание божеское. И никак не пере едешь: и бьем, и давим, и травим, а их все сила несметная — потому плодущие.

— Вот вам, Джон, — сказал я, — любопытнейший пример нарушения равновесия в борьбе за существование. Кролик — беззащитное существо, а врагов у него множество. И вот, чтобы не исчез кроличий род, природа наградила его необычайной плодовитостью. В этом выразилось приспособление его к среде. Но среда меняется. Кролик перевозится в Австралию, где врагов у него почти нет — разве только удав да динго, — а пищи вволю. И вот в Европе кролик — жертва человека, а в Австралии человека можно назвать жертвой кролика. В Европе кролик исчезает, разводится искусственно, здесь же он дичает и делается бичом человека.

Когда мы ложились спать, я обратился к хозяину с просьбой, разбудить нас завтра с восходом солнца.

— Не беспокойтесь, не проспите — Судильник разбудит.

— Какой будильник? Где же он? — оглядывался я по сторонам.

— Часов ищите? Не ищите — нет их у нас. У нас свой будильник... живой,

И хозяин перемигнулся с Джоном. Мой друг лукаво усмехнулся.

— В чем дело, Джон? — заинтересовался я.

— Сами увидите, то-есть услышите, — и Джон завернулся в одеяло.

Наутро я вскочил как ошпаренный, не понимая спросонок, где я и что со мною. Чей-то дьявольский хохот врывался в открытое окно из соседней рощи и наполнял комнату. Первые лучи солнца золотили стену.

Порхая с ветки на ветку, птица что-то зорко высматривала внизу. Взглянув в этом направлении, мы замерли на месте от ужаса. Недалеко от нас, по стволу упавшего дерева ползла черная ехидна — ядовитейшая из австралийских змей. Яшка наконец решился и, бросившись как стрела на шею змеи, долбанул ее в голову. Змея засвистела и, широко раскрыв пасть с раздвоенным языком, пыталась ужалить врага. Но хохотун быстро и ловко увертывался, отскакивал и снова

На земле валялась загнанная лошадь, а вокруг нее гордо расхаживал эму.

— Что, хорош будильничек? — улыбался Джон. — Здесь эту птичку не даром называют «часами колонистов». С ее хохотом начинают работать, с ее же хохотом и кончают. Может быть хотите познакомиться?

— Еще бы... и даже поблагодарить.

Мы вышли из дома и направились к роще.

— Вон он, наш Яшка-Хохотун, — указал мне Джон на небольшую птицу из породы зимородков.

Яшка в это время уже перестал хохотать и был чем-то сильно взволнован.

налетал, продолжая наносить змее в голову меткие удары острым как кинжал клювом. И с каждым ударом движения змеи становились медленнее и слабее, пока наконец последняя конвульсия не пробежала по ее телу.

— Готова! — воскликнул Джон и, схватив палку, сросился к змее. Тут только увлеченная борьбой птица заметила наше присутствие и, вспорхнув, уселась на сучке над нашей головой.

Когда Джон пытался поднять змею на палку, тело ее вдруг изогнулось, и перед моим лицом очутилась страшная пасть.

— Жива! — в диком ужасе вскрикнул я, отскочил неловко назад, запутался в сучьях и растянулся во всю длину на земле.

Громкий насмешливый хохот приветствовал мое падение. К первому голосу тотчас же присоединился второй, за ним третий и так должно быть до дюжины. Вся роща как сумасшедшая заливалась смехом, и смех этот был до того заразителен, что хохотал и Джон с подпрыгивающей на палке змеей, и я сам, поднявшись с земли и потирая колени.

— Тьфу, чорт! — воскликнул я, когда веселье несколько поутихло. — Ваш Яшка не только будить, но и уморить со смеху может. Кажется ни один клоун никогда не выступал с таким успехом у публики, как я сейчас.

— Если верна австралийская статистика, — говорил Джон, таща на палке мертвую змею, — у нас за год приходится около пятисот укусов на три миллиона жителей.

Когда мы с украденным у Яшки трофеем предстали перед хозяином, последний чрезвычайно обрадовался.

— Да, да, она самая, — бормотал он, разглядывая змею. — Представьте, все время околачивалась вокруг нашего дома, раз даже в печь залезла для отдыха. Только вот она одна наша защитница, — и хозяин погладил мурлыкавшую подле него кошку, — спасала нас своими когтями от непрошенного гостя. Да, что же я! — вдруг вспомнил он. — Вы с трофеем, да ведь и я тоже.

С этими словами он вышел из комнаты и через минуту вернулся, держа за длинный хвост какого-то пестрого зверка.

— Хорек, сумчатый хорек, — отрекомендовал он нам свою добычу.

— Странный хорек! — подивился я. — Скорее похож на большую крысу.

Сели завтракать вчетвером: мы двое и хозяин с хозяйкой. Младший сын еще спал, старший был уже в поле с рабочими. Завтрак состоял из вяленого кролика — злейшего врага хозяина, простокваши, сыра, масла и... одного яйца, но яйца величиною с детскую голову.

— Яйцо эму, — представил мне его Джон.

Мы вчетвером так и не осилили этого яичка. Оно равнялось вероятно десяткам

двум куриных яиц, и скорлупа его настолько толста, что из нее здесь выделывают прекрасную посуду.

III

Лагерь летучих собак. — Живой вихрь. — Килегрудые и плоскогрудые. — Из ползунов в летуны.

Хозяин дал Джону некоторые указания относительно дальнейшего пути.

— Можно было бы значительно сократить ваш путь, — нерешительно добавил он, — но дорога тут неважная, болотистая, да к тому же лесом через «лагерь» придется проезжать.

— Лагерь? Чей лагерь? — спросил я старика.

— Собак летучих. Это такие мыши летучие — с собачьей мордой. Они тут облюбовали лесок один, с квадратный километр будет, ночью на кормежку вылетают, а на день со всей округи в лесок слетаются, спят, подвесившись вниз головой на ветках. Тоже соседство не из приятных, — спясть заворчал он. — Правда, зверки полезные — насекомых уничтожают, но зато и до плодов иногда добираются. Ночью-то как устережешь? Да случается и гнезда птичьи разоряют, яйца выпивают.

— Обязательно, Джон, едем через «лагерь», — заявил я, лишь только мы покинули ферму. — Посмотрим, как ведут себя днем летучие собаки. К слову сказать, удивительная страна ваша Австралия! Все здесь шиворот наизыворот: хорьки в виде крыс, мыши вроде собак, медведей не отличишь от ленивцев, звери несут яйца и детенышей в сумках таскают, птицы — то без крыльев, то шерстью обросли, то будильниками служат, то термометрами, кукушки выглядят фазанами, совы кричат кукушками... Какое-то столпотворение вавилонское!

Местность понижалась. К фикусам и пальмам все чаще стали примешиваться эвкалипты, эти любители влаги. Вязкая болотистая почва звонко хлюпала под копытами лошадей.

— Смотрите! — указал мне Джон.

На сучьях деревьев, среди листвы, словно плоды на ветках, чернели тела летучих собак. Уцепившись когтями за ветви, они висели мордочкой вниз. На некоторых особенно излюбленных де-

ревьях они красовались целыми гирляндами. Их было здесь много тысяч. В просветах между вершинами деревьев можно было видеть реявших в небесах ястребов и других пернатых хищников, высматривающих, когда колебание листьев предательски обнажит черную точку, чтобы камнем на нее обрушиться.

— Не пугайтесь! — предупредил меня Джон и, быстро вскинув ружье, выстрелил в одну из маячивших перед ним темных точек.

Мгновенно гигантская живая туча скрыла от глаз свет. Черный вихрь закружился вокруг нас. Что-то бешено металось кругом, хлестало в лицо, цеплялось за нас и за коней. Воздух наполнился своеобразным режущим звуком, диким верещанием, словно тысячи напильников скребли по стеклу.

Перепуганные кони, храпя и брызжа болотной тиной, живо вынесли нас из этого ада. Потрясенный «лагерь» остался позади, и, оглянувшись, мы видели лишь отдельные тени, носившиеся между ветвями деревьев в поисках, где бы им вновь прицепиться.

Когда кони пошли спокойной рысью, я обратился к Джону:

— Продолжим беседу. Какие у вас еще вопросы?

— Мне хотелось бы знать: произошли ли летающие птицы от бегающих, или наоборот, бегающие от летающих?

— Когда-то об этом ученые спорили, но скоро пришли к заключению, что бегуны произошли от летунов. Часть

птиц, спустившись на землю, стали бегунами, развив ноги за счет ослабления крыльев. В науке бегуны получили название плоскогрудых, а летуны — килегрудых. Мощные крылья летунов должны приводиться в движение соответственно сильными мышцами, которые должны получить прочную опору в костяке птицы. И вот местом прикрепления летательных мышц и служит киль — костяной выступ в виде пластинки вдоль грудины. У бегунов вследствие атрофии крыльев почти исчезли и летательные мышцы, а с ними и киль: грудина стала плоской.

— Но если летуны не произошли от бегунов, то от кого же они произошли? Откуда вообще взялись птицы?

— Птицы произошли от пресмыкающихся.

— Как! Чтобы ползающий гад мог взлететь на воздух? Не может быть!

— Однако это так. Конечно и тут своя длинная история. Не гиганту же бронтозавру, в шестнадцать тысяч кило весом, подняться на воздух. Среди многочисленных «завров» были и маленькие, питавшиеся насекомыми и ходившие на задних лапах; передние их лапы постепенно превратились в крылья. У природы было маленькое колебание: какой выбрать летательный аппарат — крыло перепончатое или пернатое? Перо, как известно, победило. И вот родоначальником пернатых, первым оперившимся гадом считается ископаемый археоптерикс — пероптица, или птица-ящер. Летун он был плохой: слишком обременяло его наследие пресмыкающегося: недостаточно легкие кости, костяной зубатый клюв, длинный, в двадцать позвонков хвост, двойная голень и т. п. Он не столько летал, сколько планировал с деревьев, куда взбирался с помощью когтей, сохранившихся у него на крыльях.

— Чтобы окончательно завоевать воздух, — продолжал я, — первой птице пришлось выполнить две задачи. Во-первых разгрузиться от лишней тяжести, прежде всего от тяжести скелета. Кости становятся тонкостенными, освобождаются от костного мозга, костяной клюв заменяется роговым, зубы как самые тяжелые из костей выбрасываются совсем, голень делается одиночной, хвост сокращается до восьми позвонков, спо-

Змея, раскрыв пасть, пыталась — ужалить хохотуна.

сшихся между собой. Одновременно идет и сокращение внутренних органов: желудок маленький, но сильный, приспособленный к мало объемистому, но питательному корму — зерну и насекомым, кишечник коротенький, мочевой пузырь совсем упразднен, — чтобы не таскать с собой мочи, жидкие выделения выбрасываются вместе с твердыми каждые восемь-десять минут, — вместо двух яичников — один левый. Второй задачей явилось уменьшение удельного веса. Высокая температура тела птицы дала ей возможность окружить себя тройным рядом резервуаров с нагретым воздухом: полые трубчатые кости, полые перья и наконец специальные подкожные воздушные мешки.

— Все это чудесно как сказка, — задумчиво отозвался Джон. — Но может быть тут и в самом деле есть доля фантазии. Как, например, можем мы доказать, что археоптерикс действительно является родоначальником современной птицы?

— Вопрос ваш, Джон, пришелся как нельзя более кстати, чтобы лишний раз убедиться, какую незаменимую услугу может оказать биогенетический закон в тех случаях, когда возникают сомнения, подобные вашим. Зародышевое и младенческое развитие данной особи повторяют родовое. Значит, если в роду современной птицы, хотя бы эму, имелся археоптерикс, то в портретной галлерее, какая развертывается перед нами в этапах развития зародыша, должен предстать и археоптерикс. Возьмите яйца эму в различных стадиях насиживания и смотрите. И что же? Вот он, археоптерикс, точка в точку: и зачатки зубов, и двойная голень, и ящеровый двадцатипозвоночный хвост, и даже когти на крыльях. Все это конечно исчезнет ко времени появления детеныша эму на свет. Но вот что любопытно: есть такая птичка «гао-синь», которая и на свет появляется с когтями на крыльях. Правда, у взрослой «гао-синь» этот отзвук ее далекого прошлого исчезает.

— А знаете ли, — вдруг спохватился Джон, — ведь мы уже почти дома. Что значит увлечься наукой! Не заметили, как доехали... Пришпорьте коня, и ночевать будем у нас на ферме.

Хозяин держал за хвост сумчатого хорька.

IV

Оригинальный жених. — Повесть о том, как «дикари» обратили миссионера на путь истинный.

Когда на другой день по приезде на ферму мы с Джоном вышли к завтраку, навстречу мне поднялся из-за стола высокий молодой человек, рыжеволосый, с ясным открытым взглядом голубых глаз.

— Позвольте вас познакомиться, — представил мне его Джон, — Патрик О'Нейл — жених моей сестры, бывший миссионер.

— Как же так? — растерялся я. — Судя по фамилии, ирландец, католик, очевидно патер, и... жених?

— Не только патер, а еще и монах, — улыбнулся на мои недоумения Патрик. Только вместе с миссионерством я сбросил и монашество и рясу. Сейчас — свободный австралийский гражданин и счастливейший из смертных.

— Если это не тайна, может быть вы как-нибудь расскажете мне, как совершилось это превращение?

— Охотно, и даже, если хотите, сейчас. Начну с краткой своей биографии. Родители мои были ирландские фермеры-арендаторы. Во время постигшего нашу страну ужасного голода отец отправился искать счастья за морем и пропал без вести. Старший брат ушел на заработки в Англию, где, работая углекопом, был задавлен обвалом шахты. Мать с двумя детьми за невзнос арендной платы была

выброшена на улицу лордом-землевладельцем и погибла с сестренкой от голода и лишений. Меня, круглого сироту, приютил у себя местный монастырь. С детства мечтал я о приключениях в далеких странах, и в связи с развившимся у меня религиозным фанатизмом мечты эти постепенно вылились в непреклонное решение — посвятить себя миссионерской работе среди «дикарей». Готовясь просвещать других, я приобрел все знания, необходимые для успеха моей будущей деятельности. Рисовалась она мне в самых радужных красках.

Горько усмехнувшись, Патрик продолжал:

— Однако действительность разбила все мои ожидания. Вы знаете конечно, что всякая религия включает в себя известное миросозерцание и вытекающие из него нормы поведения, то-есть этику. Так вот, по приезде в Австралию я к своему удивлению убедился, что в отношении поведения нам не только нечего дать туземцам в смысле примера, но самим нужно учиться у них. Мы, культурные христиане, в отношении этих «дикарей-язычников» проявляли столько дикости, произвела и насилий, что наш пример мог только развращать их. Ведь вся наша колониальная политика — организованный открытый грабеж. Туземцы честны, миролюбивы, и столкновение между отдельными племенами — сущие пустяки по сравнению с нашими бесчеловечными войнами. Правда, среди них есть людоеды — едят своих покойников, убитых врагов, но и людоедство это безобидное: ведь поедают только мертвых и то с голоду, а не живых из корысти, как у нас. Ибо разве не людоедство — убийство лордом моей матери с сестренкой и убийство хозяином шахты моего брата-углекопа из-за грошовой экономии в подпорках.

По лицу ирландца пробежала тень.

— Теперь одрой стороне религии — миропонимании. Если все мои попытки упростить христианскую догматику водворяли лишь сумбур в умах моей паствы, то для меня самого это упрощение явилось подлинным откровением. Освобождая религиозные «истины» от их мишурной оболочки, я убеждался в их абсурдности. Я пытался бороться с «духами»,

которыми наиболее развитые племена туземцев населяли природу. Наиболее отсталые верили только в привидения и тени умерших. И что же получилось? — На место изгнанных «духов» были немедленно же поселены привезенные мною боги. И иногда меня посещала еретическая мысль: да стоит ли свеч эта игра, эта смена богов?

Мне пришлось конечно столкнуться с колдуном племени. Соперничать со мной, вооруженным знанием, творящим чудеса врачевания и техники, ему было естественно не под силу. Он сдался, но не без борьбы и не без злобы к сопернику; однако мне удалось дружеским отношением и подарками примирить его с собой. Победа эта меня очень радовала, но радость моя оказалась преждевременной. Сам я оказался колдуном из рук вон плохим. Всякий служитель культа понимает, что для поддержания авторитета религии, особенно среди такой невежественной паствы как моя, необходима известная доля шарлатанства. А я был слишком честен. Старик-колдун при всяких бедах и неудачах племени валил все на злых «духо» или гнев покойников. А я совестился ссылаться на козни дьявола или наказание за грехи и, делая ставку исключительно на доброту и всемогущество божие, неизбежно должен был проиграть. Если бог добр и всемогущ, то чем мог я объяснить несчастья, постигавшие племя? Очевидно я не умел ему угодить, очевидно мои молитвы были недействительны. Недовольство мной росло, и все чаще стали повторяться случаи возвращения к старому колдуну.

Немало подрывали мою работу и мои собратья, соседние миссионеры. Стараясь «во славу Божию» или вернее в свою собственную побольше накрестить дикарей, они выдавали крестившимся пустяковые подарки, а так как я считал недостойным заманивать подкупом в свою веру, многие из моего племени стали бегать к соседним миссионерам, нередко крестясь у них обманом по второму и третьему разу.

Но положение мое стало уже совершенно невыносимым, когда в мой приход приехал методистский проповедник. Началась борьба церквей. И нет той гнусности, которой не пустил бы в ход

против меня мой конкурент. Обман, лицемерие, доносы, шпионство, взаимная

ненависть стали раздирать мою дотоле мирную общину. Я поспешил покинуть этот ад. Я отказался не только от миссионерства, я сбросил рясу, порвал с церковью и поступил простым рабочим сюда, на ферму. И вы не поверите, как свободно и легко мне сейчас живется, словно я вновь родился, словно впервые увидел красоту мира...

Голос рассказчика оборвался от волнения.

— А теперь, — добавил он, успокоившись, — у меня к вам просьба, господин профессор. Я слышал, что вы с Джоном занимаетесь научными изысканиями. Примите и меня в свою компанию. После

Черный вихрь закружился вокруг нас.

четырёх лет кошмарного миссионерства и года физической работы на ферме мой мозг жаждет пищи. Надеюсь, наука окажется более благодарным полем для приложения моих способностей, чем религия.

V

Союз для изучения утконосов. — Эволюция процесса размножения. — Ехидна как переходный тип.

Приступая к изучению утконосов, наш тройственный союз наметил своей штаб-квартирой ферму отца Джона. Утконосы — как водяной, так и сухопутный — встречались в окрестностях фермы в достаточном количестве, и наблюдать их нравы среди природы можно было во время небольших экскурсий. Доставку же живого материала для ближайшего изучения мы решили поручить туземцам. Охотников явилось двое. Относительно сухопутного утконоса (ехидны, или муравьиного ежа) мы быстро пришли к соглашению, но когда речь зашла об утконосе водяном, туземцы протестующе замотали головой.

— Они отказываются погнать руки об эту дрянь, — перевел мне их слова Джон. — Туземцы водяного утконоса никогда не ловят и ловить не будут и не умеют. За ехидной они постоянно охотятся: ее мясо — самое лакомое их блюдо, а мясо водяного утконоса ствительно воняет прогорклым рыбьим жиром. Но мы сумеем и сами его поймать.

— А теперь, — обратился ко мне Джон по уходе туземцев, — вы должны рассказать нам, почему эти зверьки так интересуют ученых.

— Чтобы это стало вам ясным, мне придется познакомить вас с эволюцией процесса размножения у позвоночных, так как в смысле размножения утконосы являются переходным типом от пресмыкающихся к млекопитающим. А способ размножения и связанное с ним отношение родителей к своему потомству играют громадную роль в общем развитии животного. Вот, например, рыба: самка мечет икру, самец находит ее и оплодотворяет. Оба равнодушны к дальней-

шей судьбе потомства. Огромное количество икры гибнет, но зато она мечется миллионами. Бесчувственность рыбы и соответственно ее глупость вошли в половицу.

От рыб произошли земноводные. Здесь оплодотворение происходит немедленно по выделении икры, и из родителей к нашему удивлению именно самец проявляет заботливость о потомстве. Он помещает икру самке на спину, и у той от раздражения вокруг икры развивается сумка, где икра и вынашивается. У некоторых видов земноводных, как например у сумчатой квакши, эта сумка остается на всю жизнь. Вот откуда берет начало и сумчатость млекопитающих. Соответственно более внимательному уходу за потомством уменьшается пло-

довитость, но зато с ростом чувствительности растет и умственное развитие. Лягушка умнее рыбы.

От земноводных произошли пресмыкающиеся. Размножение переносится из воды на сушу. Икру заменяет яйцо, снабженное богатым запасом питатель-

Килегрудные и плоскогрудные.

ного материала. Головастики мог питаться из воды, здесь же все необходимое для своего развития зародыш должен черпать из яйца. Засоты о потомстве развиваются, но еще слабо. Крокодилица, засыпая свои яйца песком, предоставляет солнцу их высиживать; время от времени она проведывает их, помогает молодняку выбиться из скорлупы, отводит его в воду и тем самым считает свои родительские попечения исчерпанными. Яйца при их сравнительной беспризорности легко делаются добычей хищников.

Пресмыкающиеся дают от себя две ветви. Первая — это млекопитающие, вторая, отделившаяся позже, — птицы, у которых размножение яйцами достигает совершенства. Мы имеем здесь тесную, дружную семью, насиживающую птенцов собственным теплом, самоотверженно защищающую гнездо, вскармливающую и воспитывающую молодежь.

Что сделало млекопитающих хозяевами земли? — Главным образом переход от внешнего размножения к внутреннему, от яйца к внутриутробному

развитию плода, иначе сказать, тесная связь матери с детенышем. Внутриутробное развитие, обеспечивая наибольшую сохранность плода и вместе с тем до минимума понижая плодовитость, обостряет чувство материнской любви и приводит в конце концов к длительному и внимательному воспитанию детенышей. А в воспитании, в этой передаче старшими младшему поколению всего своего опыта, всех навыков и знаний — главный залог прогресса. Ты только представь себе, Джон, человека в младенчестве, подкинутого к обезьянам, лишенного человеческой семьи, общества, образования, книг — всего, что мы называем культурой, ведь он вернулся бы в первобытное состояние, к стадии своего обезьяноподобного предка. Теперь вы понимаете, друзья мои, кто такие эти жалкие зверки утконосы. Не говоря уже о том, что это дожившие до наших дней представители первичных млекопитающих, то-есть наших древнейших предков, — это величайшие в мире животных пионеры, пустившие на убыль яйцо ради внутриутробного развития, это создатели преемственной связи между родителями и детьми, связи, давшей млекопитающим победу над их историческими врагами — пресмыкающимися.

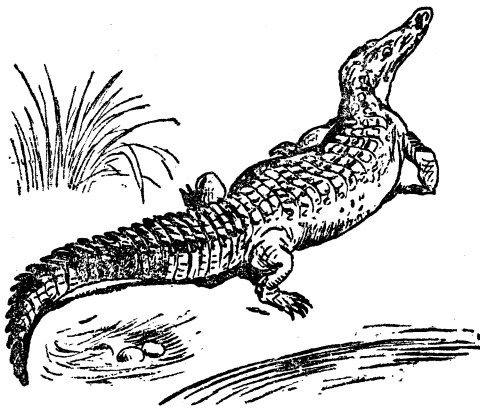
В эпоху господства на земле гигантских ящеров первичные млекопитающие были жалкими крохотными зверками, не крупнее зайца. Загнанные в норы, они вели ночной образ жизни, потому что день был захвачен их грозными противниками, гревшими на солнце свое холодное тело. Мало-по-малу в тиши подполья эти слабые существа развивали в себе те эволюционные силы, которые привели их к победе. Питаясь кореньями и личинками насекомых, они были всегда сыты, тогда как их прожорливые враги часто голодали. Лени, неуклюжести и тупоумию ящеров они противопоставили подвижность, ловкость, хитрость, ум. Разъединенные, враждующие между собою гиганты в конце концов должны были отступить перед сплоченностью слабых, источником которой являлась семья. Семья, воспитание явились решающей силой, ибо в то время как одни разбрасывали свои яйца на произвол стихий и хищников, другие бережно вына-

шивали молодое поколение, вооружая его всей мощью своего опыта. И вот результаты борьбы: пресмыкающиеся насчитывают в настоящее время всего четыре отряда — ящериц, крокодилов, змей и черепах, да и те не богаты видами. Наоборот, млекопитающие дали шестнадцать ветвей-отрядов с необозримым числом видов.

— А в чем выразилась переходность в размножении утконосов? — спросил Джон.

— Переходный тип, как вы уже знаете, соединяет в себе отличительные черты старого типа с намечающимися чертами нового. Старое здесь что? — Яйцо пресмыкающегося. Оно явно вырождается. Это сказывается, во-первых, в его малых размерах: оно величиной с грецким орех и содержит в себе меньше питательного материала, чем это нужно для полного развития зародыша; во-вторых, оно одето не твердой скорлупой, а мягкой пленкой, и в-третьих, оно не кладется сразу после своего образования, а задерживается в яйцевом матери, купается в ее соках, которые питают зародыш, просачиваясь сквозь тонкую пленку яйца. Это уже новая черта — намечающееся питание зародыша матерью, зачаток внутриутробного вынашивания. Снесенное яйцо помещается ехидной в сумку, которая к тому времени развивается у нее на брюхе, и там до вывода детеныша насыщается теплом матери. Выйдя из яйца недоноском, детеныш донашивается в сумке, питаясь материнским молоком.

Дальнейший этап — переход к законченному внутриутробному развитию —

Крокодилица засыпает яйца песком

являют нам сумчатые. Здесь яйцо уже исчезло, но тесной связи с матерью еще не образовалось. Детеныш после четырех недель пребывания в матери, где он купается в ее соках, выбрасывается наружу крохотным недоноском и помещается в сумку, где проводит сорок недель до полного своего развития, присосавшись наглухо к материнскому соску.

VI

Охота за водяным утконосом. — Чем объясняются утиный нос и кротовьи лапы. — Закон конвергенции. — Костюм по сезону. — Нападение на виноградики. — Ночное побоище. — Шуба из опоссумов.

В ожидании, пока туземцы принесут нам ехидн, мы втроем, захватив собаку, отправились на охоту за водяным утконосом. Вышли мы с фермы до восхода солнца и двинулись к реке.

— Утконос, — рассказывал нам по дороге Джон, — любит широкие реки с медленным течением и илистым дном, богатые растениями и животными. На их берегу роет он свои подземные норы с двумя выходами — одним подводным, другим подземным. Видите, вот все эти дыры — ходы в его логово. Их так много потому, что утконос каждый год делает себе новую нору. Ловить его силками, поставленными у наружных выходов, очень трудно: он редко ими пользуется, и служат они ему больше для вентиляции. К тому же невозможно отличить старую покинутую нору от новой. Подобно выдре он может долго оставаться под водой. Своим плоским утиным клювом он роется в речной тине, разыскивая личинки насекомых, червей, улиток и самую лакомую свою пищу — ракушек. Но добычу он не глотает, а набивает ею обширные защечные мешки. С этим запасом он выплывает на середину реки и, неподвижно распластавшись на поверхности воды, увлекаемый медленным течением, наслаждается пиршеством; мягкое он глотает прямо, а ракушек разгрызает как орехи и выплевывает скорлупу. Но не думайте, что в своем блаженстве он забывает об опасности. Маленькими глазами он зорко следит за берегами, и чуть заметит что-нибудь подозрительное, моментально ныряет в глубину. Нужно обмануть его бдитель-

ность. Спрячьтесь в эти кусты с собакой, а я стану на виду с ружьем. Смотрите теперь вверх по реке. Вон что-то темное плывет по течению, вроде обломка доски... Это утконос... Внимание!

Заметив вдалеке фигуру Джона, утконос насторожился. Но фигура не движется. Как будто все спокойно. Однако из осторожности не мешает нырнуть. Едва утконос исчез под водой, Джон перебежал поближе к берегу и снова замер в том же положении. Вынырнувший утконос окидывает взглядом окрестность: опять та же фигура и опять не подает признаков жизни. Но все-таки нырнем еще раз. Еще перебежка. Джон у воды, на расстоянии выстрела. Вот из реки показывается бурое тело. Выстрел гулко раскатывается. Тело трепещет на воде.

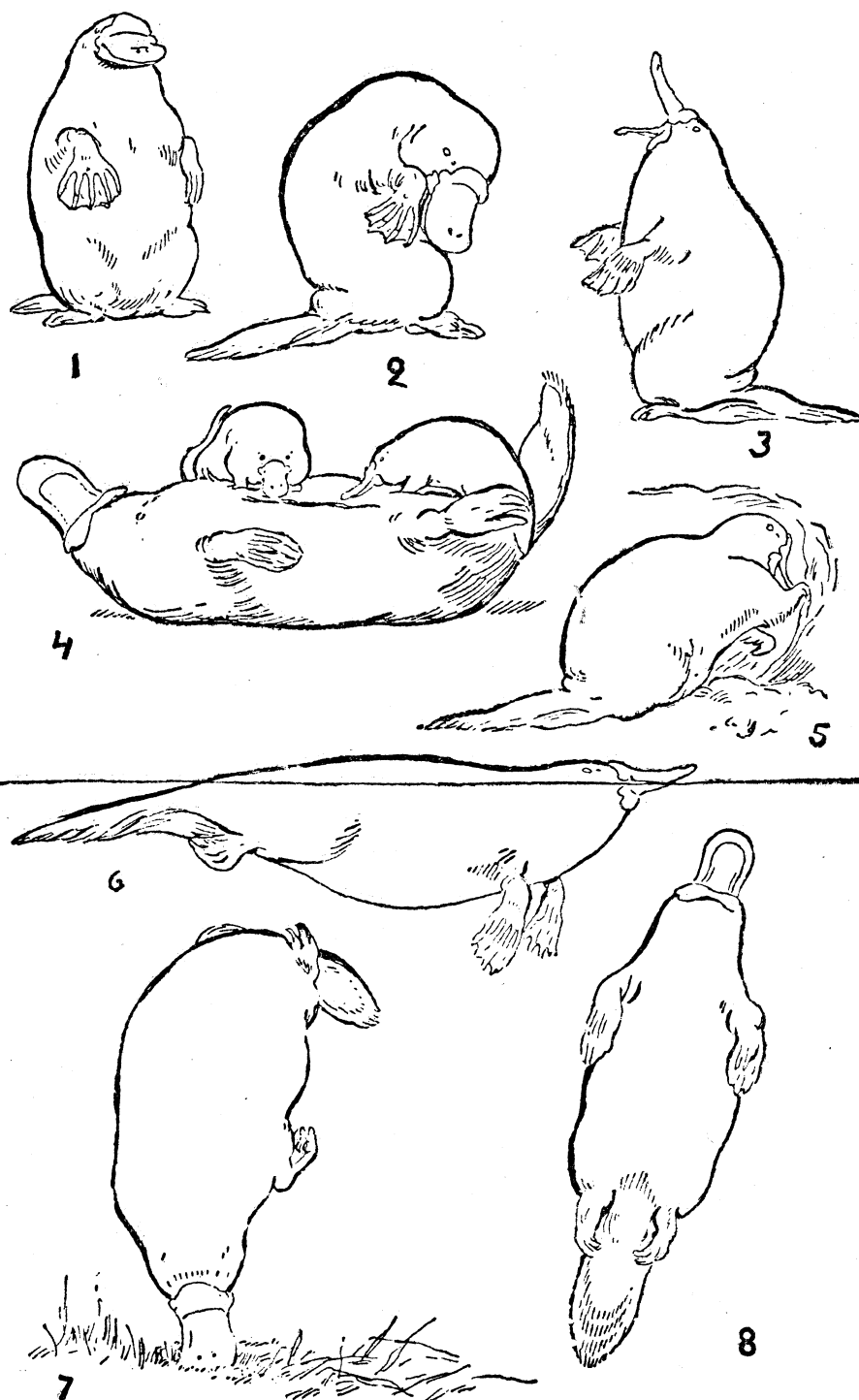
— Норма, пилы! — кричит Джон.

Собака стрелой бросается в реку, быстро рассекает воду и через минуту возвращается с добычей.

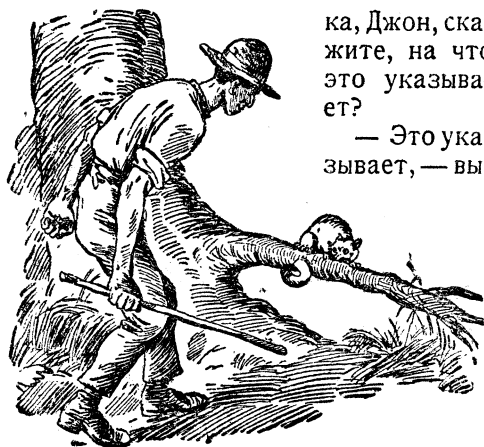
Мы усаживаемся в тени и внимательно рассматриваем зверка.

— Нос совсем утиный, — замечает Патрик. — Уж не происходят ли млекопитающие от птиц?

— Это сходство носа не одного вас, Патрик, но и некоторых ученых наталкивало на эту соблазнительную, но ошибочную мысль. Конечно млекопитающие и птицы — родня, но родня по своему происхождению от одного корня — пресмыкающихся. И вскрытие даст нам доказательства родства посерьезнее утиного носа. Но для сходства носа мы находим другое объяснение — в законе конвергенции (сближения признаков). Закон этот говорит нам, что у самых различных животных одинаковость среды, условий жизни, питания и передвижения вызывают сходство органов, которые им служат для этого орудием. И утка, и утконос имеют длинный плоский клюв, удобный для разыскивания пищи в тине, лишенный зубов, ненужных при глотании мягкой пищи, с тем однако отличием, что у утконоса имеются на внутренней стороне челюсти роговые наросты, не позволяющие ракушке выскользнуть при ее разгрызании. Но у новорожденного утконоса видны зачатки зубов, которые потом исчезают. Ну-

Различные позы утки: 1. Стоит на задних лапах. 2. Чистит брюшко. 3. Устал и зеваает. 4. Кормит детенышей, прижавших к молочным полям. 5. Копают норку. 6. Плышет по течению. 7. Ищет в иле пищу. 8. Поднимается со дна на поверхность.

Охота на опоссума.

ка, Джон, скажите, на что это указывает?

— Это указывает, — вы-

ступенности. Мы имеем здесь приспособление органа, полученного от предков, к изменившимся условиям среды и образу жизни.

— Хороший мех у зверка, — заметил Патрик, поглаживая утконоса.

— Тоже важное приспособление к среде. Волосняной покров помогает млекопитающим сохранять постоянную температуру и, смотря по сезону, то редеть, линяя, то густеть, прорастая подшерстком, регулирующим теплоотдачу. Меховая одежда немало содействовала торжеству млекопитающих над пресмыкающимися, которые, не развивая собственного тепла и заимствуя его от солнца, должны были или с наступлением холодов погружаться в оцепенение, или ограничивать распространение исключительно жарким климатом. Их чешуя — это покров, накаливающийся лучами солнца, а мех — покров, сохраняющий внутреннее тепло. Приспосабливая свою одежду к климату, одеваясь то поплотнее, то полегче, млекопитающие распространились по всему земному шару.

По возвращении с охоты нам бросился в глаза озабоченный вид отца Джона.

— Случилось что-нибудь? — спросил Джон.

— Да, на виноградник опоссумы напали, первый набег этой ночью сделали. Порядочно пощипали.

— Да разве виноград уже поспел? — спросил я.

— Только что завязался. Но именно в это-то время опоссумы им и лакомятся. Как только он начинает наливаться, они его больше не трогают.

— Посторожить придется, — решил Джон. — Повадятся таскаться — тогда прощай и виноград и вино.

— Посторожим, — согласились мы с Патриком.

— Расскажите нам, Джон, — попросил я, — как справиться с этим врагом. Ведь ваш опоссум очевидно родня американского опоссума, известного в науке как единственное сумчатое вне пределов Австралии?

— Вероятно родня. Животное величиной с большую крысу или небольшого кролика, живет в эвкалиптовых лесах, где днем спит в дуплах или под поваленными деревьями.

палил единым духом Джон, — что было время, когда утконосы были зубатыми и питались пищей, которую надо было не глотать, а жевать, теперь же согласно биогенетическому закону эта черта предков появляется в зародышевом развитии животного.

— Браво, Джон! А вот вам еще более яркий пример конвергенции. Чьи лапы напоминают вам эти короткие, сильные, обращенные когтями наружу лапы утконоса?

— Лапы крота, конечно, — отозвался Джон.

— И еще медведки, — добавил Патрик. — Это насекомое когда-то на нашем монастырском огороде причиняло громадные опустошения, подъедая корни у высаженной капустной рассады.

— Вот видите, все эти разнообразные животные благодаря одинаковому подземному образу жизни имеют и одинаковые орудия для быстрого рытья земли. Или еще пример из водной жизни: приспособлениями для передвижения в воде должны явиться конечности, подобные веслам, каковы плавники рыб. Но вот млекопитающее кит, спускаясь с земли в воду, обтягивает свою пятипалую конечность перепонкой, превращая ее в ласт, похожий на плавник рыбы. То же самое изменение продельвает со своим крылом и пингвин, переходя от летания к плаванию. Рыба, птица и млекопитающее имеют сходные по работе плавательные органы, внутреннее строение которых различно в зависимости от наслед-

— Значит ведет, как и древние его предки, первичные млекопитающие, ночной образ жизни. И вероятно, как и они, всеяден.

— Совершенно верно. Охотится ночью, питается насекомыми, яйцами, птенчиками, но главная его пища — растительная — листья эвкалиптов. Они придают его мясу неприятный вкус. Война с опоссумами простая: бей палкой! Дело в том, что от врага он не бежит, а замирает на месте и старается слиться с темным фоном. Поэтому главное, что требуется от охотника, — это внимание. Конечно, чем ночь темнее, тем охота труднее.

На наше счастье ночь выдалась ясная, с полной луной. Вооруженные палками и мешками, мы заняли позиции на границе виноградника, обсаженного стеной фруктовых деревьев, я — в центре, Джон с Патриком — на флангах. Здесь должен был разыгаться авангардный бой. Прорвавшегося сквозь нашу линию неприятеля предстояло истреблять уже в винограднике.

Мы притаились, и внимание наше сосредоточилось на чернеющей невдалеке эвкалиптовой рощице, откуда ожидался враг. Ждать пришлось недолго. Полянка перед нами стала оживать. То тут, то там из травы выскакивали и снова ныряли в нее темные тени. Слышались шорохи. Вот у моих ног что-то юркнуло. Оглядываюсь. Ничего. Все тихо. Но памятуя урок Джона, присматриваюсь и замечаю, что ствол рядом стоящей яблони внизу неестественно вспух. Взмахиваю дубиной и бью по подозрительному утолщению. Писк... и первая добыча готова. Опускаю ее в мешок.

Подвиги мои продолжались. Судя по доносившимся до меня ударам, товарищи от меня не отставали. Тревога охватила врага. Началось беспорядочное отступление.

При начинающемся рассвете мы подсчитали трофеи: у меня — двенадцать, у Джона — одиннадцать и у Патрика — девять. Я побил рекорд.

— Какой чудный мех! — воскликнул я. — Нежный, пушистый, легкий.

— Знаете что? — вдруг просиял Джон. — Нам, австралийцам, мех не нужен: для нас самый подходящий костюм — это ко-

стюм Адама. А нашему европейскому гостю предстоит сражаться с морозами. Соорудим ему шубу из опоссумов.

— Слишком много шкурок понадобится. Опоссумы ведь маленькие, — смущенно возразил я.

— Пустяки. Не больше восьмидесяти штук. А у нас есть уже почти половина. Остальное набьем в две ночи.

Мне оставалось только поблагодарить моих друзей за подарок.

VII

Нравы ехидны. — Незаслуженное название. — Птицезвери. — Бегство пленницы. — Чернокожие ученики. — Бедность языка. — Щимпанзе, австралиец и европеец как различные этапы эволюции. — Обреченные на вымирание.

Через неделю явились туземцы с двумя пойманными ехиднами. Отцов сопровождали их сыновья, подростки лет двенадцати. Они оказались бывшими учениками Патрика, и мы были свидетелями трогательной встречи детей с любимым наставником.

— Занятия мои с детьми, — сказал он, — единственное светлое воспоминание из времен моей миссионерской деятельности. Дети привязались ко мне и не хотели отпускать.

— Что же вы нам ничего не рассказали о вашей педагогической работе среди дикарей? Ведь это крайне интересно.

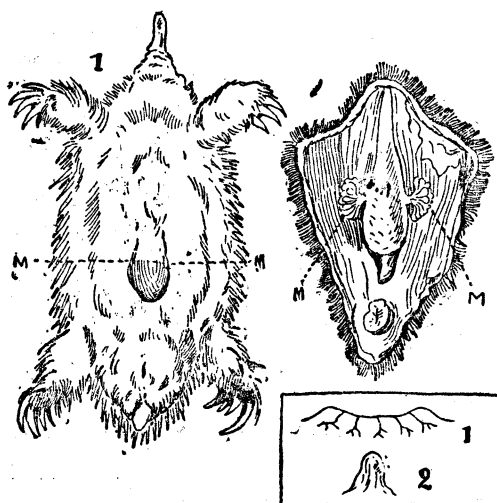
— Когда-нибудь расскажу. А сейчас займемся зверьем.

У одной ехидны в голени передних лап мы обнаружили сквозные раны.

— Дело в том, — перевел мне Джон объяснения дикарей, — что эта ехидна, привязанная на время ночовки к дереву за передние лапы, ухитрилась сбросить с ои путы. Бегство было замечено, бег-

Подобно муравье ехидна погружает язык в муравьиную кучу.

Брюхо ехидны. 1. М.—внешний вид «молочной железы». 2. М.—внутренняя полость млечного поля. В квадрате: 1. Млечное поле. 2. Сосок млечкопитающего.

лянка поймана, и на этот раз пути были прoderнуты сквозь лапы.

— Что за варварство! Запретите им, Джон, проделывать такие жестокости и дайте им мешки для доставки животных. Эту искаленную мы сбросим на вскрытие, а другую посадим в клетку и будем наблюдать.

Так и сделали. Первую ехидну захламорформировали, вторую посадили в большой досчатый ящик, забив сверху гвоздями. Ехидна покорно подчинилась своей участи.

Внешний осмотр животного дал следующее: зверок около тридцати пяти сантиметров длины, покрыт иглами, образовавшимися из спайки волосков, утиной формы клюв вдвое уже, чем у водяных утконосов, и в нем длинный кнутообразный язык.

— При помощи острого длинного клюва и такого же языка, — говорит Джон, — ехидна во время своих ночных странствований вылавливает червей и насекомых из нор, расщелин скал, из-под коры. Подобно муравьеде погружает она в муравьиную кучу язык и, облепленный муравьями, втягивает его обратно, почему и получила прозвище «муравьиного ежа». Несмотря на величину и свирепость австралийских муравьев, толстая кожа служит ехидне надежной от них защитой. Трудно понять, чем заслужила она название ехидны, скорее всего своей

несколько ядовито плутоватой физиономией. Название это тем более неудачно, что заставляет смешивать ее с черной ехидной, ядовитейшей из наших змей. Сильные лапы ехидны позволяют ей необычайно быстро, прямо на глазах преследователя зарываться в землю.

При вскрытии мешка ехидны мы нашли там чуть живого, сантиметра в два детеныша, очевидно недавно вылупившегося из яйца. Тут же, на брюшной поверхности мешка было расположено «млечное поле», питавшее детеныша молоком.

— Оно называется «млечным полем», — пояснил я, — потому что здесь отдельные млечные железы не соединены как у выших млечкопитающих в одну массу молочной железы, на вершине которой находится сосок, объединяющий в себе все млечные протоки. Соска здесь нет, железы разбросаны по площади «поля», и детеныш не сосет, а слизывает капельки молока, выступающего из отверстий в железах. Во внутреннем строении ехидны имеется ряд черт, общих с птицами. Так, в плечевом пояске имеется соединение ключиц, напоминающее такое же образующее вилку соединение у птиц, почему утконоса и ехидну называют иногда вилкообразными животными. Но наука закрепила за ними название однопроходных, подчеркивающее еще более интересную черту их строения. У них имеется такая же как у птиц клоака, то-есть расширение конца прямой кишки, куда у птиц за отсутствием мочевого пузыря открываются мочеточники. У ехидны в эту же клоаку открываются и органы размножения, так что через один проход идут и моча, и кал, и яйцо. Кроме того, так же как и у птиц, у ехидны имеется один левый яичник. Как видите, ехидну и водяного утконоса не без основания называют вдобавок ко всем их многочисленным кличкам еще и птицевзвьями.

Когда на следующее утро мы пришли в сарай проведать нашу пленницу, доски, которыми мы забивали ящик, оказались развороченными. Ящик был пуст, и нора, прорытая под стену сарая, указывала нам путь бегства нашей узницы.

— А ведь какой тихоней вчера прикинулась! — с досадой заметил я.

— Дневная апатия у этих животных всегда сменяется необычайной ночной энергией, — сказал Джон. — К тому же нет животного, более свободолюбивого чем ехидна. Дорожа своей свободой и жизнью, она поразительно осторожна. Можно прожить по соседству с ехидной годы, ни разу ее не увидев. Она скользит бесшумно, как тень, и при малейшем подозрении на опасность при помощи своих лап буквально проваливается сквозь землю. Боязливая, недоверчивая, упрямая, ехидна трудно поддается приру-

всех оттенков восприятий. Вы могли показать какой-нибудь цвет малышу, и он среди множества образцов немедленно находил соответствующий, а названий для цветов на их языке имелось только три: черный, белый, пестрый. Бедность речи являлась главным тормозом преподавания. Например, туземец ведет счет: «гарро» — один, «боо» — два, «коромде» — три, «вогаро» — четыре; пять получается от соединения «боо» с «коромде», а за пятью уже «мейан» — множество. И когда нужно углубиться в это «множество», ту-

Три этапа эволюции: шимпанзе, австралопитек, европеец.

чению, и нужно много времени, чтобы она хоть немного привыкла к своему хозяину. Поэтому не сокрушайтесь, Рихард. Лучше мы совершим небольшую экскурсию в места, где они водятся, и понаблюдаем их в натуре. Ехидна в неволе — это уже не ехидна.

Вечером Патрик поделился с нами своими впечатлениями от педагогической работы среди туземцев.

— Мне пришлось, — сказал он, — параллельно вести занятия и с детьми колонию и с детьми туземцев. Чернокоржие превосходили белых в развитии органов чувств: их глаз был зорче и наблюдательнее, слух — острее, нюх — тоньше. Все, касающееся предметов окружающей природы, словом все конкретное — формы, краски, звуки, запахи — усваивалось ими даже лучше чем белыми. К сожалению необыкновенно скудный язык не позволял им передавать

земец берет палку и делает на ней нарезки. Знак заменяет слово. И вот, вращаясь в сфере привычных простых предметов и явлений, черные малыши чувствовали себя как рыба в воде. Но как только дело доходило до отвлеченного мышления, картина резко менялась. Большие шли вперед, расширяя свой умственный горизонт, чернокоржие же превращались в безнадежных тупиц.

— Знаете ли, Патрик, — заметил я, — ваши наблюдения еще раз блестяще подтверждают взгляд современной науки на эволюцию человека. Как вам известно, наука производит и обезьяну и человека от одного общего предка. И так как обезьяна — ветвь нисходящая, регрессирующая, а человек — ветвь восходящая, прогрессирующая, то расхождение, громадное между взрослыми, будет все уменьшаться по мере приближения к общему корню; поэтому согласно био-

генетическому закону малыши обезьяны и человека, в особенности некультурного, будут иметь множество общих черт. В одном зоопарке мне пришлось следить за обучением шимпанзенка, и он живо напомнил мне ваших чернокожих ребят. То же великолепное различие цветов и форм. Так, из множества геометрических фигур он выбирал именно ту, которую ему показывал воспитатель. И та же неспособность к отвлеченному: считать он не мог выучиться даже до трех. Та же ловкость движений и выразительность мимики и жестов и еще большая скудость речи: речь нечленораздельная, хотя и богатая интонациями. В лице этого шимпанзенка перед нами живой образ нашего предка, легендарного обезьяночеловека — питекантропа. Он — начало; продолжение — это австралиец; европеец — наивысшая стадия.

Но почему же австралиец замер на одном и том же этапе, почему эволюция идет мимо него? Природа оказалась ему баловницей-матерью, которая его ублажала и усыпила. Он приспособился к среде, пришел с ней в своего рода неподвижное, застойное равновесие. А европеец, толкаемый испытаниями ледникового периода, шел вперед, развивая в себе преобразующую среду силу воображения. Ибо только эта сила сделала человека из игрушки стихий хозяином Земли. Воображение создает идеи, те идеи-силы, которые человека влекут вперед и вперед.

Вы, Патрик, в рассказе о своем миссионерстве превозносили некультурного австралийца и очернили цивилизованного человека. И то и другое не вполне справедливо. Моральная чистота австралийца — это невинность ребенка. Он миролюбив, потому что ему не из-за чего бороться. Он не лжет, потому что не умеет; не обманывает, потому что не воображает выгод обмана. Австралиец не вынесет прививки яда цивилизации. Он осужден на вымирание.

VIII

Чутье ехидны. — Прощальная экскурсия. — Цветущий эвкалипт. — Брачная беседа. — Ехидна в муравейнике. — Лесная идиллия.

Туземец снова принесли нам двух ехидн, на этот раз в мешках. Один из

них рассказал нам любопытную историю. От места поимки ехидны он прошел несколько километров и, расположившись на ночлег, забыл проверить, надежно ли завязан мешок. Наутро мешок оказался пустым. Туземец решил вернуться на место охоты. И что же? Нашел там свою ехидну мирно спящей под кучей листьев. Как разыскала она обратно дорогу, ведь следов ею не было оставлено? Джон предположил, что она руководилась чутьем, так как ехидны издают резкий запах, который помогает им разыскивать друг друга.

Джон был прав, предвидя, что из наших наблюдений за ехиднами ничего не выйдет. Днем они лежали как мертвые, ночью возились над устройством побега. В конце концов мы их выпустили.

— Лучше совершить экскурсию и наблюдать их на воле, — предложил Джон. — Пусть это будет нашей прощальной прогулкой, раз вы уже решили нас покинуть, Рихард.

Я собирался до наступления зимы посетить наиболее интересные острова Полинезии.

— Природа хочет устроить вам торжественные проводы, — сказал Джон на другое утро, собираясь в экскурсию. — Эвкалипты расцветают.

— Так что же из того?

— А вот увидите.

Захватив ружья и все необходимое, мы пешком двинулись к «гнезду ехидн», как называл Джон место, где они особенно часто встречались.

Путь лежал через эвкалиптовую рощицу, откуда когда-то вели атаку на виноградник опоссумы. На обращенной к нам северной стороне рощи у эвкалиптов еще только набухали почки. Но когда мы вышли на южную сторону, перед нашими глазами развернулось ослепительной красоты зрелище. Стоящий на опушке, на солнечном пригреве громадный эвкалипт был весь в цвету, и так как он расцвел первым, то прилек к себе все медолюбивое население округи. Главную его массу составляли попугаи лори, перья и клювы которых переливались всеми оттенками зеленого, желтого, красного и голубого. Кроме них тут были разноцветные птицы-мухи, колибри, пчелы, осы, всевозможные

жучки и мушки. Все это кричало, щebetало, пищало, жужжало, порхало, кружилось, сияло в лучах восходящего солнца. Это был сверкающий всеми красками живой фейерверк, звучащий всеми голосами леса и луга гимн природы. И гигант-эвкалипт, уходящий вершиной в небо, казался громадным пылающим факелом.

Мы долго любовались волшебной картиной.

— А какое впечатление произвел бы на эту пеструю компанию ружейный выстрел?—спросил я.

— Только впечатление возмутительного неприличия. Ручаюсь вам, что никто бы с пира не улетел. Поднялся бы оглушительный гвалт, протест против такого вопиющего нарушения праздничного настроения.

Наконец мы у цели—в стране ехидн. Место довольно дикое—скалы, множество расщелин и пещер, куда легко можно скрыться. Немало и муравейников, лакомой поживы для муравьиного ежа. Близ одного из таких муравейников мы залегли в кустах с подветренной стороны—полюбоваться, как будет пировать ехидна.

Вот она появляется на сцену, приближается к куче и решительными взмахами утиного носа словно ударами меча проламывает в ней солидную брешь. Высыпают муравьи. Ехидна сбмакирует в эту кишашую массу язык и втягивает в себя добычу. Крупные муравьи облепляют ее целиком, взбираются на каждую ее иглу, и все тело ее скоро представляет сплошную копошащуюся массу. Глазки ее светятся удовольствием, длинноносая мордочка приобретает благодушно насмешливый вид, словно зверок хочет сказать: «Да, я то вас ем, а вы

то, как ни старайтесь, меня не проберете...»

Мы заночевали в лесу. Я проснулся на заре. Товарищей нет, очевидно ушли на охоту. Лежу тихо, не двигаясь, и слышу где-то близко шорох. Приглядываюсь и сквозь кусты вижу, как на соседнюю полянку осторожно пробирается мать-ехидна с двумя детенышами. Малыши уже в том самостоятельном возрасте, когда щенята или котята бросают сосать мать, но время от времени из баловства, по старой привычке являются потеревить ее соски.

Мать ложится на спину. Сумка за необходимостью уже почти атрофировалась, от нее остался лишь узкий ободочек. Сосков нет, заменяющее их млечное поле открыто. Малыши взбираются к матери на брюхо и начинают тыкать носиком в млечные железки. От раздражения в железках выделяются капельки молока, которые, скатываясь, задерживаются в желобочках, образуемых валиками сумки. И вот из этих «корытц» малыши начинают преуморительно лакать язычком молоко. Я приподнялся, чтобы лучше их рассмотреть... Подо мной хрустнул сучок, и видение мгновенно исчезло. Ни ехидны, ни малышей—словно я видел сон...

После недельной прогулки мы вернулись на ферму. Сборы мои в дорогу были не долги. Я ехал налегке, оставляя все свои коллекции на ферме, в расчете снова туда вернуться. Джону очень хотелось меня сопровождать, но приближающаяся жатва и необходимость помочь отцу в уборке урожая остановили его. В утешение я обещал ему писать обо всем интересном, что придется увидеть в моих странствованиях по островам Полинезии.

КАК это было

Тайны Кузькина острова

Рассказ-быль А. Линевского

Обитатели деревни, привыкшие к моим этнографическим занятиям, не раз общались мне с таинственным видом:

— А не один ты у нас. Вот в Андроновых Выселках какой-то тоже бродит, молотком камни бьет, а ребятам деньги платит, чтобы мерили ущелья. Вот бы и тебе наших ребят нанять. Ребятенки без дела бегают, а у ты, известно, деньги казенные, жалеть некуды.

Говорилось это чуть не в каждом доме. Приходилось объяснять, что их «ребятенки» не могут участвовать в записывании этнографического материала. Однако все объяснения были напрасны, и родители с недовольным видом бубнили:

— А вот в Андроновых Выселках товарищ твой наймывает, и тебе б не зря было.

Через несколько дней прибегали сообщать:

— А твой товарищ уж на Егорову гору зашел и там ребят наймывает, а ты чего денег жалеешь?

Однажды, плывя на лодке к одной из деревень, намеченных мною для обследования, я натолкнулся на неведомого «товарища». Около гранитного мыса, вдававшегося в реку, маячила лодка, а в ней одинокая фигура. Четко доносились удары молота, и то-и-дело слышались крики; на берегу стояла еще одна фигура, а от нее тянулась к лодке измерительная лента.

Подплыв к лодке, я оказался лицом к лицу с человеком, из-за которого мне столько раз навязывали неграмотных ребят для ведения этнографических записей. Беглый взаимный осмотр сразу показал нам, что мы примерно одноклетки и одного и того же общественного положения. Словом, подходим друг к другу.

— Мне про вас эги три недели все уши прожужжали, — сказал я с улыбкой.

— И мне тоже.

— Вас в низовьях все ребята с нетерпением ждут, все приготовились быть рабочими.

— А зато вас все старухи и старики дожидаться не могут. Одна старуха ревмя ревет: вдруг не дожидется и помрет. «Не чаяла, не гадала, — говорит, — что и у меня для городских товар найдется».

Мы оба расхохотались. «Деревенский телеграф» действовал исправно. Геолог попросил меня подождать минут десять, чтобы вместе отправиться в деревню. Торопиться было некуда, и я с интересом стал наблюдать за новым для меня делом.

Работа геолога заключалась в следующем. В реку заходила гранитная гряда, — ему надо было узнать ее положение под водой. Поэтому от самого берега на одинаковом расстоянии в дно вбивались колья, размеченные на метры и полуметры. Пройдя речной грунт, кол упирался в гранит. Ряд таких промерных пунктов давал абрис гряды.

Я насмешливо следил за новым товарищем. То ли дело собирать разного рода поверья, преданья и приметы и постепенно воссоздавать диковинное мирозерцание старины! Вскоре я убедился, что геолог думал примерно так же, смеясь над коллекционированием, как он выражался, «бессмысленных бредней старины».

Геолог уже несколько дней жил в деревне, поэтому я поневоле очутился в положении гостя. Проголодавшись и терпеливо выбирая кости из разваренной щуки, мы перебирали новости, передаваемые о нас «деревенским телеграфом». Дело геолога представлялось деревенской массе если не хозяйственным, то по крайней мере толковым. Думали, что он ищет золото, и хотя и сомневались — где, мол, тут золоту быть? — а все же теплилась смутная надежда: а вдруг да найдется золото! Мое же дело было со-

всем безнадежно. Богачам казалось, что я выискиваю, кто и как прежде жил и не сохранилось ли у кого царского золота; степенным хозяевам иной раз делалось за меня досадно: человек приезжий, городской, а все сидит около стариков да старух, самых что ни на есть никчемных людей. Лишь очень немногие решили, что цель моей поездки — написать «историю». Эти пересуды доставили мне и Владимиру (так звали геолога) много веселых минут. Затем перешли на взаимные расспросы, потом говорили про Ленинград, о собираемых материалах и т. д. Уснули мы поздно.

На следующее утро Владимир уехал на реку, а я начал знакомиться с населением, передавая старикам и старухам поклёны и разного рода наказы от их сверстников из дальних деревень: выполняя эти поручения, я постепенно пробивал обычную скорлупу недоверия.

Так прошло несколько дней. Геолог работал, торопясь закончить свое дело: река должна была скоро замерзнуть — начинался ноябрь. Я же переходил от одного любителя и знатока старины к другому. По вечерам, за ужином, между мною и Владимиром происходило соревнование: кто из нас собрал за день наиболее интересный материал.

На пятый день моего пребывания в деревне хозяйка, подавая нам обед, с ужасом на лице заявила:

— Ягод вам сегодня не будет, а коли уж придет нужда, можно сбегать к соседке.

Оказалось, что ее «ребятенки» ездили за ягодами на Кузькин остров, лежащий на большом озере близ деревни, и чуть живы домой вернулись — их едва не съел какой-то зверь.

Наши расспросы оказались напрасными. Вначале никто не мог описать внешнего вида зверя, но мало-помалу по припоминаниям

ребят чудовище стало походить на нечто среднее между тигром и носорогом. Мы посмеялись и вскоре забыли о таком дикийнном для побережья Белого моря звере.

На утро следующего дня, захватив провиант, мы вместе с местным пионером Петькой поплыли по озеру на Кузькин остров, о котором накануне слышали чудеса.

На Кузькином островке мы нашли прекраснейший ягодник, кое-где болота, редкие сосны и березняк. Коралловыми гроздьями алела брусника, было великое множество и других гостинцев северного леса — грибов. Наелись мы досыта, а затем решили заняться осмотром нашего временного владения.

Владимир не без ехидства предложил разойтись в разные стороны, а затем рассказать друг другу о своих находках. Он — про природу, а я — о человеке — вернее, о его следах. Было очевидно, что Владимиру на этот раз будет удача — нетрудно было найти на острове раз-

Я говорил не меньше часа, прочитав лекцию о жизни Севера в давно прошедшие времена.

ные биотиты, олигоклазы, микролины и прочие минералы. Волей-неволей я принял вызов. Петька ушел с Владимиром, а я побрел в противоположную сторону.

По компасу я пересек остров с запада на восток, а потом поперек — с севера на юг. Как ни щупали глаза, но кроме низкорослого леса я ничего не видел. Приходилось возвращаться с голыми руками на посмеяние лютому противнику моего любимого дела.

На обратном пути я подошел кущелью, зажатому между двумя гранитными массивами. Такие места всегда дают что-нибудь интересное, в крайнем случае красивый вид. Не прошел я и двадцати метров, как над моей головой на скале увидел два куска дерева. Их слишком прямые очертания сразу сказали, что это следы пребывания человека. Вскрабавшись на скалу, я увидел очень большой деревянный крест, древесина которого истлела и превращалась между пальцами в порошок. Глубоко вделанный в дерево медный крест зеленел окисью меди. Был ли это просто отгосок широко распространенного старого обычая Севера всюду ставить кресты, или это обозначало что-нибудь другое?

Распутывание сложнейших дел Шерлока Холмса было пустяком по сравнению с моей задачей. Ведь кресту было не менее сотни-другой лет, и сколько десятков раз на островке сменялся растительный покров, уничтожая следы работы человека! Медленный, очень внимательный осмотр местности скоро оправдал себя.

В том месте, где гранитный массив расходился на два крыла, в одной из каменных стен было выдолблено значительное углубление. Под толстым слоем перегнойя я нашел осколки породы, говорившие об ударах железной киркой. К нише примыкали две стенки из полустлелых бревен. Следовательно здесь когда-то была избушка. Благодаря корням брусники и других растений, со всех сторон уцелели земляные насыпи, окружавшие стенки, — вероятно для тепла. Внутри, у входа, сохранился каменный очаг, какие еще до сих пор делают наши северные промышленники. В каждом из уцелевших углов был врезан в дерево

или медный позеленевший образ или такое же распятие старообрядческого типа.

Жил ли здесь охотник-промышленник? Новый осмотр тотчас же дал ответ. Загадку разрешила лавка, на которой он спал. Она состояла из четырех бревен. На одном из концов ее лежал вдавившийся в дерево большой камень. Случайно? — Нет. Он когда-то служил подушкой: камень, почти целиком ушедший в трухлявое дерево, имел искусственную выемку как раз по форме человеческой головы. Жесткая же подушка была у этого пустынного!

Естественно явилась мысль: чем же он жил? Если он был отшельником, каких очень много жило с XIII по XIX век на окраинах нашего Севера, то он не имел права есть мяса. Оставались лишь ягоды и рыба. Никаких следов бывшего земледелия не сохранилось. В каких-нибудь трехстах метрах от кельи оказалась речка. Пройдя в обе стороны по ее берегу, я понял, что это очень узкий проток озера, разделяющий островок на две части. Как я вскоре убедился, рыба из озера заходила сюда.

Вернулся к келье. Новые поиски опять дали находку: семь выдолбленных в скалах углублений, которые были прикрыты каменными плитами. Конечно здесь хранились запасы пищи пустынного.

Присев у обвалившегося входа, я стал восстанавливать суровую картину жизни отшельника. Гонимые царями блюстители «старой веры» бежали из Средней России поодиночке или небольшими группами и селились по бесчисленным глухим островкам крайнего Севера. Келья одного из таких беглецов вероятно и была передо мной...

Торжествуя победу над задорным геологом, я засвистел в свисток. Послышался ответ. Через некоторое время появились Владимир с Петькой. Мне удалось разыграть роль удрученного неудачей. Геолог, торжествуя, минут пятнадцать морил меня рассказами о местных породах, показывал отбитые куски, сообщал примерное процентное содержание кварца, эпидота и прочих минералов. Наконец выдохся и ехидно спросил:

— Ну, а ты что нашел в своей области?

С трудом сдерживая радость, я потащил товарища к месту моей находки.

Первое, что бросилось в глаза, было длинный хвост и задние лапы.

Говорил не меньше часа, прочитал лекцию о жизни Севера в давно прошедшие суровые времена. И снова этнография восторжествовала над геологией. Он честно признался, что моя находка интереснее, чем процентное отношение олигоглаз к микролину, уже давно ему известное из предыдущих работ. Молчаливый Петька лишь поживался от холода и, шмыгая рукой под носом, впивался в каждое мое слово. То один, то другой задавали мне вопросы; я отвечал; снова расспросы. Незаметно наступил вечер.

Пришлось итти на берег, чтобы отыскать вытасченную из воды лодку и достать из нее провизию. Лодка вскоре нашлась, но провизия из нее исчезла. Кроме остатков рыбы и развороченного мешка ничего не оказалось.

— Сшамано? — растерянно спросил Владимир.

— Похоже на то, — жалобно пискнул Петька.

Минуты две мы молча переворачивали мешок, осматривали кусочки рыбы и дыру в мешке.

— Митькой звали! — с искренней грустью процедил сквозь зубы геолог, указывая на уцелевшие рыбы хвосты.

— «По усам текло, а в рот не попало», — вспомнилась мне популярная концовка сказок.

Очень сведущий в геологии, Владимир оказался беспомощным ребенком в следопытстве. Кварцы и биотиты не помогли ни на йоту распутать происшедшее. Между тем Петька шмыгал охотничьей собачонкой по скалам. Дождавшись признания Владимира в полной его беспомощности, я принялся разматывать клубок загадки.

Во-первых, это дело не человека — лежащие ружье с патронташем оказались на месте. Жестяная

банка с сахаром, выкинутая из мешка, не была открыта. Почти целиком съеденной оказалась лишь вареная рыба, при чем вор достал ее через прогрызенную в мешке дыру. Значит, в наше отсутствие приходил зверь и притом хищный. Олень не стал бы зубами прогрызать мешок.

— Бенгальская тигра! — с комическим вздохом сделал заключение геолог.

— Которая может нас загрызть этой ночью... — умышленно мрачным тоном откликнулся я.

Владимир, кажется, струхнул. Сгустившиеся сумерки поздней осени, близкая к нулю температура и, в довершение всего, неизвестный хищник — все это не располагало к ночовке на Кузькином острове. Ехать же назад не позволяли сумрак и поднявшееся на озере волнение, — робинзонада приобретала для геолога неприятный привкус.

Прибежал Петька, и мы все трое принялись за устройство костра, чтобы сварить чай вместо пропавших обеда и ужина. Во время этой церемонии меня заботил вопрос: как быть с ночлегом?

По всем данным незваным гостем была рысь, которая весной легко могла забежать по льду на островок, застрять здесь на лето, поесть всю живность, а теперь сголодухи, чего доброго, напасть на нас сонных. А может и не одна рысь, а пара.

Защита от всех хищников — огонь. Охотники-зыряне давно научили меня устраивать костер, не требующий всю ночь никакого присмотра. Я решил развести с четырех сторон по костру, лодку опрокинуть вверх дном и спать под ней.

Владимир пытался выдумать свои способы, но тут стал накрапывать дождь, быстро охладивший его рвение. Мы срубили на опушке высохшую на корню сосну, перерубили ее на чурбаны и начали перекачивать тяжелые обрубки к берегу. Часа через два мы натаскали двенадцать обрубков на ровную площадку. Теперь уже нетрудно было устроить четыре костра. Таким образом было обеспечено тепло на всю ночь. Как более слабый Петька был занят другим, подсильным ему делом. Он настлал под лодку еловых сучьев, затем вдоль наложил мха, и постель была готова.

Правила товарищества потребовали положить Петьку посередине — как одетого хуже нас. Я, не будь дурак, заполз первым в логово, а неудачливому геологу осталось крайнее место. На всякий случай он положил рядом с собой ружье. Уже лежа, малый стал бубнить, что надо по очереди караулить. Как первому поднявшему этот вопрос, ему пришлось и первому нести дежурство.

Когда я засыпал, мне пришло в голову попытаться кое-что узнать о нашем непрошенном хлебнике. Были все данные, что он снова пожалует к нам на поживу. Поэтому я растормошил ребят, и мы, черпая туесом (берестяная посуда) песок, насыпали его широкой полосой между нами и лесом. Если бы зверь прошел по этой полосе, то он оставил бы нам свои следы.

Среди ночи я вскочил от громоподобного звука, со сна жестоко ударившись о дно лодки. Оказалось, Владимиру слышалось нето мяуканье, нето рев и, не вылезая из-под лодки, он поспешно выстрелил.

Результат как для меня, так и для него оказался плачевным. У меня гудело в голове, а он отбил себе плечо, умудрившись спустить зараз оба курка. Охая и крикая, растирая пострадавшее плечо, он незаметно для себя все в новых вариантах рассказывал о ночном реве.

Спать больше не пришлось. Один лишь счастливец Петька умудрился не проснуться даже от выстрелов. Мы же, несчастные, принялись кипятить чай, ради сытости делая его приторно сладким; впрочем кислый деревенский хлеб отбивал приторность наших «щей». Чтобы не уснуть, варили чай до самого рассвета.

Владимир все время бубнил, что как только настанет утро — нужно будет ехать обратно.

Но парню не везло. Вместе с солнцем появился такой ветер, что геолог волей неволей отложил мысль об отъезде. Итти со мной продолжать обследование островка Владимир наотрез отказался. Я ушел вместе с Петькой, предоставив ему отсыпаться.

Нам опять посчастливилось. Островок дал новые следы человека. Они говорили о доисторических насельниках этого края. Груды камней на лесной полянке повидимому были остатком какого-то сооружения. Обойдя вокруг сооружения, я увидел с западной стороны лестницу, ведущую на его вершину. Сбоку сооружение имело вид неправильного треугольника.

Поднялся по лестнице. Она была сложена из крупных, более или менее ровных плит (но без следов обработки). По лестнице я дошел до площадки, образующей вершину усеченного конуса. Не только бросилась в глаза старательность выкладки плит. На площадке лежал жерновообразный камень. На нем было положено кольцо из крупных глыб белого снежного кварца. Вероятно это был жертвенник.

Помню, как слепило глаза только что поднявшееся солнце. «Некогда, — думалось мне, — по этой лестнице кто-то подымался и стоял на моем месте»...

Зачем нужно было воздвигать такое сооружение?

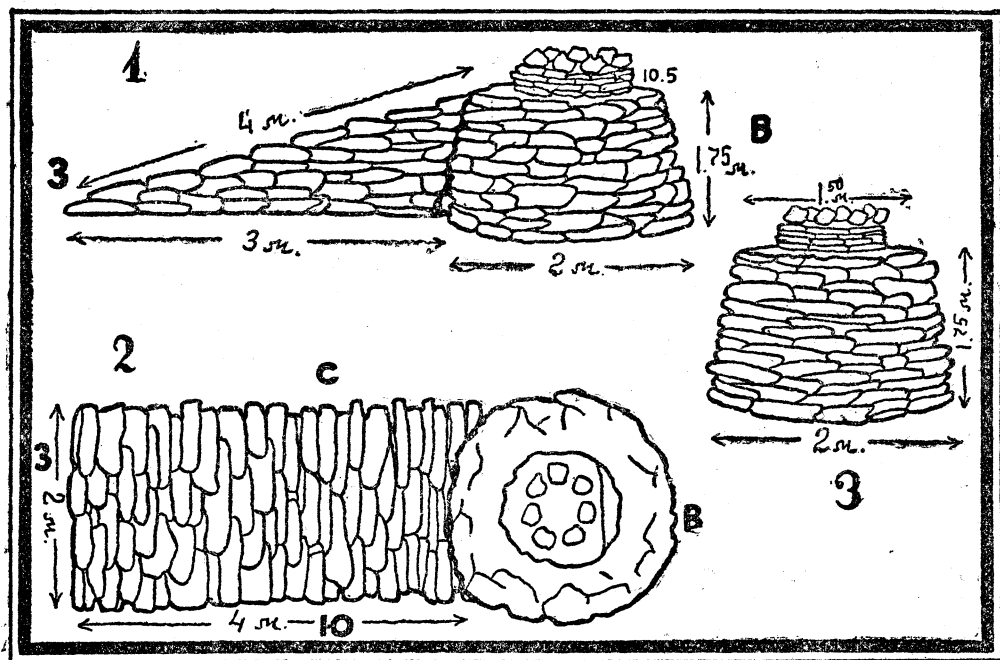
Петька куда-то исчез, и я, никем не тревожимый, напрягал память, стараясь

припомнить какую-нибудь параллель из числа северных памятников. Так и не вспомнил, потому что археология нашего Севера находится еще в зачаточном состоянии. Пришел в голову лишь тот факт, что лопари до сих пор чтут белые кварцевые камни, в особенности если они напоминают человеческую фигуру или голову.

Солнце било прямо в глаза. Я жмурился и невольно улыбался, радуясь иду-

дела. Нужно было внимательно изучить всю окружающую местность, чтобы понять, почему памятник возник именно на этом, а не на каком-нибудь другом месте. Разрешив этот вопрос, я тем самым решал важнейшую задачу — чем являлось это сооружение в древние времена.

Помог компас, еще больше — карта, но главную помощь дала окружающая местность. Кузькин остров ближе всех осталь-

Жертовник доисторических насельников Беломорья на Кузькином острове. 1. Профиль жертовника. 2. План жертовника. 3. Вид с восточной стороны.

щему от него теплу. Только я не кланялся солнцу и не приносил ничего в жертву, хотя углубление в середине белоснежного кольца вполне подходило для этих целей.

Я окликнул Петьку, и мы начали детально обследовать сооружение. Вскоре я принялся за составление чертежей. Затем я показал Петьке, какие нужно срубить деревья и кустарники, чтобы заснять памятник с разных сторон. Ведь только фотография можно считать вполне научным документом, чертеж служит главным образом пояснительным дополнением.

Но обмер, зарисовка, чертежи и фотографирование — это только половина

ных островков лежал к вытекающей из озера реке. Река впадала в Белое море, откуда приходили в озеро метать икру семга и некоторые другие крупные рыбы. Невольно вспомнились параллели. Взять хотя бы Байкал, где знаменитый Шаманский Камень стоит как раз у истоков Ангары — единственной реки, вытекающей из озера. Мелькнула мысль: с Шаманского Камня надеялись магическими приемами приманить добычу из байкальской пучины в реку, а здесь быть может пытались тем же способом приманить желанную рыбу из беломорских глубин через реку в это озеро...

Вдруг раздался оглушительный выстрел. Мы с Петькой бросились на бе-

VI ГОД ИЗДАНИЯ

«ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ», ВСТУПАЯ В ШЕСТОЙ ГОД СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ, попрежнему будет стремиться давать своим читателям увлекательные материалы для чтения в форме романов, повестей, художественных очерков и рассказов, построенных на интересном занимательном сюжете.

«ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ» стремится вместе с тем к тому, чтобы приключения и занимательность не являлись самоцелью, а лишь средством приближения читателя к знаниям в области социалистического строительства, страноведения, краеведения и естествознания.

«ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ» особенное внимание уделяет такому материалу, который знакомит читателя с жизнью далеких стран нашего Союза, с естественными богатствами страны, промыслами, охотами и особенностями быта народов, населяющих его национально-географическое объединение. ■ ■ ■ ■ ■

**№ 1930 ГОД
ОТКРЫТА**

НА ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ, НАУЧНОЙ ФАН-
ТАСТИКИ, КРАЕВЕДЕН. и ОХОТЫ

**ВСЕМИРНЫЙ
СЛЕДОПЫТ**

САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ И
ЕДИНСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЭТОГО ТИПА

«ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ» устраивает с этой целью ежегодно собственные краеведческие экспедиции, в которых принимают участие наши лучшие краеведы-беллетристы, очеркисты и художники, а также присоединяет их по возможности к различным научно-исследовательским экспедициям, организуемым советскими научными учреждениями.

«ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ» тесно связан через своих сотрудников с Центральным Музеем Народо-ведения, с Центр. Бюро Краеведения и Комитетом Севера, пользуясь их научной консультацией и материалами.

«ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ» постоянно выдвигает из самой читательской массы новые литературные дарования, устраивая для этой цели ежегодно литературные конкурсы и уделяя особенное внимание авторам-краеведам с периферии.

«ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ» в 1930 г. попрежнему использует 4-ю страницу своей обложки под таблицы, которые на этот раз будут посвящены теме: **ОЧАГИ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР**. В 24-х художественно исполнен. таблицах будут даны моменты древней и современ. культуры следующих стран: Индии, Мексики, Афганистана, Южной Америки, Персии, Атлантиды, Тибета, Монголии, Индо-Китая, Японии и Китая.

УСЛОВИЯ

I АБОНЕМЕНТ: 12 книг журн. «ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ» и 12 №№ журнала «ВСЕМИРНЫЙ ТУРИСТ»
12 месяцев 4 руб. 50 коп.
6 » 2 » 50 »
3 » 1 » 40 »
1 » — » 50 »

ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА
ПРИ ПОДПИСКЕ — 3 РУБ. 50 КОП., К 1-му МАЯ —

ПОДПИСКА

«ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ» дает в 1930 г. в качестве приложения полное собрание фантастических романов, повестей и рассказов знаменитого современ. английского писателя

ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА

В это собрание сочинений, состоящее из 24 книг, войдут следующие произведения УЭЛЛСА: Биография Г. УЭЛЛСА. Романы: Когда спящий проснется. Первые люди на луне. В дни кометы. Война в воздухе. Человек-невидимка. Остров доктора Моро. Пища богов. Борьба миров. Люди-боги. Освобожденный мир. Таинственный остров. Машина времени. Грядущие дни. Морская дева. Мистер Бледсуорти. На острове Ремполь. — До 40 рассказов, среди которых: Украденные бациллы. Необычайный случай с глазами Дэвидсона. Человек, который может творить чудеса. История Платнера. Под ножом. Звезда. В пучине. Остров, и другие.

Каждая книга будет выходить объемом 128—160 стр.

В ОТДЕЛЬНУЮ ПРОДАЖУ КНИГИ ЭТОГО ИЗДАНИЯ НЕ ПОСТУПАЮТ И ПОДПИСКА НА ЭТИ ИЗДАНИЯ

— ОТДЕЛЬНО НЕ ПРИНИМАЕТСЯ —

Это общедоступное издание фантастики Уэллса является ценным вкладом в библиотеку каждой семьи, школы, клуба, избы-читальни.

«ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ» дает сверх того в 1930г.

12 номеров ежемесячного журнала **ВСЕМИРНЫЙ Турист**

который является естественным дополнением к «Следопыту», давая художественные путевые очерки и описания маршрутных путешествий по СССР.

ПОДПИСКИ:

II АБОНЕМЕНТ: 12 книг журн. «ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ» и 24 книги Г. УЭЛЛСА

12 месяцев	8 руб.	— коп.
6 »	4 »	25 »
3 »	2 »	25 »
1 »	— »	80 »

ПЛАТЕЖА ПО II АБОНЕМЕНТУ:

2 РУБ. 50 КОП. И К 1-му СЕНТЯБРЯ — 2 РУБ.

Г О Д О В Ы Е ПОДПИСЧИКИ

внесшие при подписке по II-му абонементу полностью подписную плату — за доплату в

РУБЛЬ 1 РУБЛЬ

получают

12 НОМЕРОВ 12

иллюстрированного журнала

ВСЕМИРНЫЙ Турист

Подписчики, внесшие полностью годовую подписную плату на **«ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ»** и подписавшиеся на **«ВОКРУГ СВЕТА»** непосредственно в Издательстве или его Отделениях до 20 декабря, получают дополнительную бесплатную премию — книгу **ДАНИЭЛЯ БЕРСО — «РАБЫ КОНГО»**

Подписчики, подписавшиеся в Издательстве и его Отделениях, будут получать журнал и приложения в бандероли с наклейкой адреса.

ПОДПИСКУ и **ДЕНЬГИ** направлять почтовым переводом по адресу: Москва, центр, Никольская ул., дом 10/2, ГОС. АКЦ. ИЗДАТ. О-ВО **«ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА»**.

В Москве подписка принимается: в Городск. Отд. Изд-ва — Никольская, 10, от 10 до 6 ч. веч. и в магазинах Изд-ва «Земля и Фабрика» — Столешников п., 9, Пушечная, Лубянский пассаж, пом. 25/60, Тверская, 26. По первому требованию по телефону 2-24-63 Издательством направляются уполномоченные для приема подписки.

Подписка принимается также во всех Отд. Изд-ва, книжных магазинах Госиздата, во всех почтовых конторах, книжных шкафах К-ва Печати и во всех конторах центр. издательства, принимающих подписку на периодические издания. □ □ □

регк Владимиру. Мерещилось нападение неизвестного хищника, даже мелькнула мысль, что такой горе-охотник как Владимир мог жестоко пострадать от раненного им хищника...

Выбежав на берег к лодке, я невольно остановился на месте. Парень с ружьем в руках чуть заметно двигался к лодке и вдруг, бросив его на землю, замер как столб. Когда мы с Петькой добежали до него и взглянули по направлению его неподвижного взгляда, то первое, что бросилось в глаза, было длинный хвост и еще дрожащие в предсмертных судорогах задние лапы большого до жути тощего кота.

— Рублей на тридцать-тридцать пять будет, — деловито пробормотал Петька.

— Что ты! — отмахнулся сконфуженный Владимир. — Ни один дурак и полтинника не даст за такую шкуру.

— Шкуру и дурак задаром не возьмет, а тебе за лодку денежки выложить придется.

Только теперь я увидел, что волчья картечь, выпущенная из двух стволов, продырявила весь нос лодки; если бы Владимир выстрелил на более близком расстоянии, то лодку разнесло бы на куски.

То, что Владимиру придется платить три-четыре червонца, заботило меня меньше, чем мысль: как доехать на продырявленной лодке? Чтобы добраться до противоположного берега озера, надо было проплыть около трех километров. Выручил Петька: повел нас собирать смолу. Из дощечек мы положили за-

плату на пробоину и тщательно залили ее смолой.

Пристыженный Владимир весь день старательно помогал мне в обследовании островка. Мы нашли еще кое-какие следы доисторического человека: насыпи из камней — повидимому над могилами, — затем непонятные сооружения из крупных валунов, тянувшиеся в один ряд, и круглые чашеобразные кучи правильной формы. По моей указке оба мои приятели тщательно обмеривали памятники и по очереди нажимали грушу у наставленного мною фотоаппарата. Весь день прошел в научной регистрации следов доисторического человека.

Вечером вернулись в деревню. Таинственный зверь, так сильно испугавший детей нашей хозяйки и трагически окончивший существование по вине Владимира, оказался деревенским котом. Как-то летом один из крестьян вместе с ребятами поехал на Кузькин остров за черникой. Дети захватили и кота, а потом он убежал вглубь острова и не вернулся обратно. Все окончилось благополучно — Владимир уплатил тридцать рублей и приобрел кличку (правда, заглазно) Кузькин Охотник.

На-днях Владимир в одной из научных организаций Ленинграда делал обстоятельный доклад о своих геологических изысканиях. По окончании доклада посыпались вопросы. Я не утерпел и ехидно спросил: не приходилось ли ему встречать между прочим каких-либо хищников? Парень побагровел от смущения, но на вопрос почему-то не ответил.

ГЕРБЕРТ ДЖОРДЖ УЭЛЛС

Очерк

Среди современных английских писателей, пользующихся мировой славой, Уэллс занимает исключительное место, благодаря своеобразию своих тем и особенностям их разработки. Интерес к жизни общества составляет главную двигательную силу всех произведений Уэллса, независимо от того, делает ли автор предметом своих наблюдений современность или переносит действие в прошлое и будущее. Неизменно исходит он от социальных форм жизни и выдвигает на первый план не личности героев, а группы, коллективы и организации. Жилка публициста и социального реформатора бьется в этих произведениях и своеобразно окрашивает жанр утопического романа.

В самом деле, каждая из утопий Уэллса говорит не просто о том, каков будет грядущий социальный строй, а главным образом о том, каким он должен быть на основании воззрений автора, недовольного отдельными сторонами современной действительности. Однако взгляды Уэллса отражают его классовую принадлежность, а потому его социалистическая концепция сильно отдает буржуазным реформизмом.

Происходя из мелкобуржуазной среды, Уэллс прожил много лет в упорной борьбе за существование, — посывал и аптекарским учеником, и приказчиком, и младшим учителем провинциальной школы, пока не добился стипендии для завершения образования в Лондонском университете. Там он изучил естественные науки и упорным чтением пополнил пробелы своих знаний. Деятельность журналиста и сотрудника газет связала его с живой действительностью и наложила печать на его творчество.

Уэллс практически изучил все стороны жизни мелкой лондонской буржуазии и вплотную подошел к кругу социально-политических идей, волновавших этот класс английского общества. В начале девяностых годов прошлого века английская буржуазия видела выход для либерализма в фабианстве, принципы которого усвоил и Уэллс, считавший себя одним из самых левых либералов Англии. Фабианцы проповедывали весьма умеренный социализм и полагали, что изменение некоторых пунктов

английской конституции в демократическом духе явится спасением для общества, приведенного капиталистическим строем в тупик социально-политических противоречий. Характерной чертой фабианцев было отрицание решающей роли классовой борьбы в истории эволюции социальных форм. Уэллс, постепенно преодолевший многие из принципов фабианства и в противоположность Б. Шоу позднее пришедший к более четкому представлению о социализме, все же не сдвинулся до сих пор с мертвой точки фабианцев в вопросе о значении классовой борьбы.

Все эти элементы мирозерцания Уэллса нашли яркое отражение в его творчестве, которое можно разделить на два жанровых плана: романы из современной жизни и романы утопические и фантастические. В первых Уэллс рисует в реалистических тонах, не лишенных известной карикатурной краски, картины жизни Англии в эпоху кризиса капиталистической системы, очевидцем которого он был. Поэтому он влетает в традицию диккенсовского реализма современные ему социальные мотивы. На этом фоне он пытается дать зарисовки наиболее характерных фигур современников, из которых многие сделались каноническими литературными типами: Льюишэм, Пандеро, Бритлинг, Клиссольд, а из женщин Анна-Вероника и Христина-Альберта.

Однако классовая узорность автора полагает известный предел значимости этих персонажей: они годятся для характеристики весьма небольшого периода истории английского общества и вряд ли проложат путь себе к бессмертию.

Гораздо интереснее другой тип романов Уэллса. Утопический роман дал автору возможность использовать все силы его поистине беспримерной фантазии и ярко выявить способность реалистически точно рисовать детали неведомого будущего на основе современных научных данных, как бы продолжая линию сегодня без перерывов в таинственное завтра. Уэллс с необычайно художественной убедительностью умеет рассказывать о таких технически законченных и научно допустимых

достижениях в области точных знаний, которые современниками могут быть подвергнуты критическому анализу. У него эти научно-художественные предпосылки основываются не на каком-нибудь логическом скачке, как у Жюль Верна, а на глубоко продуманных выводах из современных научных достижений. Вот почему некоторые научно-художественные фантазии Уэллса оплодотворяли труды ученых. Подобно Эдгару По, делавшему всего одну едва заметную натяжку, чтобы обставить выводы из нее сотнями реальных подробностей, Уэллс свое утопическое допущение подкрепляет таким множеством убедительных конкретных данных, что не возбуждает сомнений в правильности первоначальной предпосылки. Этим он и отличается от всех своих многочисленных предшественников-утопистов, из которых далеко не многие являются его литературными предками.

Утопические и фантастические романы с очень давних пор неизменно вращались вокруг двух главных тем: общественно-политический строй будущего Земли и сношения с другими планетами, на которых жизнь протекает совсем в иных формах, рисуемых или с целью осмеяния земных или как повод к изображению идеалов автора. Здесь возможны бесчисленные варианты. Если Томас Мор в XVI веке нарисовал основанный на всеобщем труде идеальный коммунистический строй острова Утопии, находящегося где-то на Земле, то Сирано де-Бержерак, Фонтенель и другие уносились фантазией на Солнце и Луну, чтобы с высоты их осудить неурядицы земной жизни. Если оптимистические «Вести ниоткуда» Вильяма Морриса переносят читателя в кажущийся автору идеальным социалистический строй будущего Земли, то сатиры Самуэля Бэтлера «Гудибрас» бичуют современные автору социальные нелепости в фантастических, извращающих действительность до гротеска, формах.

Таким образом в фантастико-утопическом английском романе можно усмотреть два направления. От Свифта до Бэтлера идет линия беспощадного осмеяния цивилизации — линия социальной сатиры, от Т. Мора до В. Морриса тянется линия осуществления положительных социалистических идеалов. В вопросе о роли машин и процессов механизмирующей техники лежит основное расхождение между авторами. Моррис уничтожает машины и железные дороги в будущем строе социализма. Беллами («Через сто лет») строит свою утопию на торжестве техники.

Уэллс занял центральное место на стыке всех традиций фантастико-утопического романа. Неутомимую изобретательность Свифта он сочетает с проницательностью В. Морриса, красочность описаний французской традиции от Рабле до Жюль Верна — с четкостью и уверенностью позитивных конструкций Мора, Литтона и американца Беллами. Но больше всего он обязан С. Бэтлеру, указавшему ему путь к использованию научных данных в фантастическом романе.

Иногда Уэллс прибегает к приемам, разработанным авторами уголовно-детективных ро-

манов, построенных на мотивах злоупотребления научно-техническими достижениями. Но от банальности этого уклона Уэллса спасает его огромная действенная фантазия, которой тесно в рамках типично детективного жанра и которая просится на космический простор. Отсюда и та тематика мирового масштаба, которая так выгодно отличает Уэллса от Конан-Дойлей всех типов, калибров и направлений.

Первым романом Уэллса была «Машина времени» (1895), сразу же выявившая все положительные и отрицательные стороны его таланта. В этом произведении налицо весь арсенал приемов и воззрений Уэллса. Необычайное научно-техническое изобретение в виде машины времени позволяет уноситься в прошлое и будущее, а настоящее обрисовано лишь беглыми штрихами. Фабианство Уэллса этого периода прозрачно сказывается в социальной характеристике потомков буржуазии и пролетариата и в обрисовке отношений, существующих между элитами и морлоками. Критика общественного строя, лишь намеченная в этом произведении, широко развертывается в духе того же фабианства в следующих произведениях этой линии — в романе «Остров доктора Моро» (1896), рисуящем результаты биологических экспериментов ученого, и в романе «Человек-невидимка» (1897), повествующем об ученом химике, сумевшем придать своему телу прозрачность и сделать его невидимым для окружающих.

В эти же годы возникают и рассказы, основанные на материале из области химико-медицинских открытий. «Украденная бацилла» (1895) — чуть ли не самый яркий сборник таких рассказов. Перед читателем проходит пестрая фантазмагория: анархист, который крадет у бактериолога холерные вибрионы, чтобы отравить целый город, но допускает ошибку при воровстве и сам падает ее жертвой; орхидея, сосущая кровь; летающая собака, угрожающая жизни астронома; художник, борющийся с нарисованным им же чортом; доисторическая птица, вылупляющаяся из огромного яйца, и т. д.

Другую тему Уэллс нашел в фантастике межпланетных отношений. Интригующий вопрос о жизни на Марсе он обставляет привычной уже мотивировкой медицинского и технического характера. «Борьба миров» (1898) знакомит читателя с марсианами, как они представляются воображению Уэллса, и нагромождает невероятные события на почве столкновения жителей этой планеты с людьми Земли, которые не в силах сопротивляться более совершенным существам. Однако и на могущественных марсиан имеется управа в виде бактерий, которые губят торжествующих завоевателей.

Мотив биохимической сущности всего живого крайне характерен не только для творчества самого Уэллса, но и для уровня научных знаний той эпохи. В этом отношении любопытен рассказ «Пища богов». Химический состав какого-то порошка обуславливает гигантский рост всех живых существ, которые им питаются. На этой почве и развертывается фабула рассказа.

Закономерно и постепенно выростал Уэллс из круга научно-приключенческих романов до более широких социальных воззрений. Преодолев к концу XIX века узость фэбианства, Уэллс крепче связал себя с идеями С. Бэтлера и В. Морриса, в социалистическое мировоззрение которых он начинает вносить значительные поправки, выявляющие исключительную роль механической культуры и торжество техники. Однако «социализм» Уэллса одинаково далек как от примитивного «евангелия коммунизма» Т. Мора, так и от стройной системы научного марксизма.

В эту эпоху Уэллс еще неясно представлял себе жизнь будущих поколений после социальной революции, неизбежность которой он не мог отрицать; он видел ее основные пружины не в победе пролетариата над буржуазией, а в простом устранении угнетателей независимо от их классовых признаков. Это положение иллюстрируется в первом социально-утопическом романе — «Когда спящий проснется» (1889). Здесь Уэллс переносит своего героя в обстановку пышного расцвета технической культуры через двести лет. Однако никакие технические усовершенствования не устранили социального неравенства людей, а мир оказался накануне социального переворота, в котором принимает участие и гибнет герой романа Грэхем.

Дойдя до социального переворота, Уэллс должен был сделать и следующий шаг. Но он ему был труден, и автор некоторое время не находил форм для воплощения своей фантазии о грядущем послереволюционном строе. Этим объясняется переход Уэллса к той особой полубеллетристической полутрактатной форме, в которую он облек свою «Новейшую утопию» (1905), снабженную пояснительным предисловием. Вслед за этим произведением является «В дни кометы» (1906) — первое предсказание надвигающейся, но еще отдаленной войны. Уэллс с изумительной проницательностью рассказал о войне между Германией и Англией, подобно тому как он же задолго до современного торжества авиации предсказал роль воздушных аппаратов в своей «Войне в воздухе» (1908). В третьем «всенем» романе «Освобождение мира» (1914) он с поразительным провидением говорит о роли газов. Все эти произведения пропитаны духом пацифизма и полны художественных предостережений против опасности, грозящей всей старой культуре.

Война на время отвлекла Уэллса от утопической тематики. Но он вернулся к ней, когда стихли раскаты орудий. Социальная обстановка потрясенной Европы располагала к уходу в царство утопий, и Уэллс вновь приступил к построению своего фантастического мира в ряде произведений.

В 1923 году вышел новый доподлинно утопический роман Уэллса «Люди-боги». Жители

новой Утопии опередили старую культуру на три тысячелетия и после сложной эволюции форм бытия и сознания пришли к социалистическому строю, который является чем-то вроде «социализма гильдий». Вопросам воспитания и морали отводится в этом романе просторное место, при чем все стороны жизни регулируются здесь исключительно научными методами, до психоанализа включительно.

Сам Уэллс почувствовал неполноту своей конструкции. В ней оказался ряд пробелов: неизвестно чем заполнен промежуток в несколько тысячелетий между последней революцией и достижениями «людей-богов». Частично на этот вопрос Уэллс ответил в последнем по счету утопическом романе — «Сон» (1924), в котором герой Сарнак, живущий через 2000 лет после нашей эры, засыпает и видит себя в обстановке XIX века. Подобно автору он переживает империалистическую войну. Когда его убивают, он просыпается в обстановке своего блаженного времени и ликует, как спасенный от «ужасов мрачного прошлого».

Этим романом заканчивается пока список фантастико-утопических произведений Уэллса, без сомнений наиболее одаренного творческим воображением писателя из всех, живущих в наше время.

Редакция «Всемирного Следопыта» решила дать в качестве приложения к своему журналу на 1930 год собрание нижеследующих фантастических романов и рассказов Уэллса в двенадцати томах: «Когда спящий проснется». — «Первые люди на луне». — «В дни кометы». — «Война в воздухе». — «Человек-невидимка». — «Остров доктора Моро». — «Пища богов». — «Борьба миров». — «Освобожденный мир». — «Люди-боги». — «Таинственный визит». — «Машина времени». — «Грядущие дни». — «Морская дева». — «Мистер Блек уорти на острове Рэмпол». — «Украденная бацилла». — «Необычайный случай с глазами Дэвидсона». — «Человек, который может творить чудеса». — «История Платнера». — «Под ножом». — «Новейший укрепител». — «Что произошло с мистером Элевзем». — «Звезда». — «Пираты морских глубин». — «Бабочка». — «Сокровище в лесу». — «Под жерлом домны». — «Потерянное наследство». — «Кокетство Джэн». — «Печальная история драм. рецен». — «Клад мистера Бришера». — «Каникулы мистера Ледбеттера». — «Джимми». — «Гогль-бог». — «В пучине». — «Правда о Панкрате». — «Остров». — «Хрустальное яйцо». — «Мистер Скальпель в царстве фей». — «Обсерватория на Аву». — «Муравьиная империя». — «Бог-динамо». — «Сделка со страусами». — «Индийское снадобье». — «Яблоко». — «Уг. Доми и Уйя». — «Странная орхидея». — «Торжество таксидермии». — «Из окна». — «Искушение Хэрингая». — «Летающий человек». — «Человек, делающий бриллианты». — «Налет на Хэммернонд-парк».

Из великой книги природы

СМЕРТОНОСНЫЕ РАСТЕНИЯ.

Как известно, огромное количество ядов, применяемых в медицине,—растительного происхождения. На обширной территории Советского Союза встречается немало растений, тающих смерть в благоухании красивых цветов, в соблазнительных на вид плодах, в свежей зелени листьев, в соке стеблей и даже в подземных корнях. Нередко ядовитые растения украшают скромными или яркими цветами живописные перелески и тенистые леса (вороний глаз, ландыш) или таятся на зыбучих болотах и в тихих речных затоках. Гладь пустынь разнообразят ядовитые деревья — анчары, на влажных лугах и огородах произрастают белые воронковидные венчики дурмана и мак, среди полей поселились опасные головня и куколь, а по забытым зарослям сорняков — коварная белена, жгучая крапива, молочай с ядовитым соком...

В горных местах Крыма и Кавказа встречаются пышные кустарники белладонны, или «сонной травы». Чернофиолетовые ядовитые плоды этого растения содержат алкалоид атропин, применяемый при глазных заболеваниях. Этим его свойством воспользовались испанские и итальянские модницы, чтобы по вечерам искусственно увеличивать зрачки глаз и придавать им яркий блеск. Отсюда и произошло название растения, так как «белла донна» по-итальянски значит «прекрасная дама». Зеленые недозрелые коробочки мака содержат млечный сок, дающий при затвердевании сильнейшее наркотическое средство — опиум. В медицине этот наркотик применяется для успокоения болей, тогда как на Востоке (Китай, Япония, Индия) опиум курят в смеси с некоторыми благовонными веществами. Действие опиума навсегда разрушает человеческий организм. Блудный жизнерадостный человек, втянутый в курение опиума, очень скоро превращается в развалину и преждевременно сходит в могилу.

К числу растений с ядовитыми плодами относится... обыкновенный картофель. Конечно теперь никто не употребляет в пищу надземных плодов этого полезнейшего корнеплода. Зато население Западной Европы, впервые познакомившееся с картофелем, привезенным из Южной Америки, испытало на себе последствия отравления его ягодами-плодами...

Интересно, что ягоды некоторых растений, например крушины ломкой, охотно поедаются дроздами и другими птицами, хотя считаются вредными для человека. Сильно ядовитые красные ягоды волчьего лыка и черные ягоды колосистого воронца также поедаются некоторыми птицами, хотя животные избегают их трогать. Выражение «белены объелся» указывает на свойство семян этого растения.

Из растений с ядовитыми листьями можно отметить кустарник кока, разводимый в Перу. Из его листьев добывается наркотик кокаин. У нас на Кавказе произрастают японское лаковое дерево и анчар, в листьях которых содержатся сильнейшие ядовитые вещества. Если развести костер под анчаром, то под влиянием тепла из листьев выделяются ядовитые испарения, вызывающие смерть от удушья. Растение прострел содержит в листьях едкое летучее вещество, вызывающее слезотечение, а жгучий вкус листьев защищает их от живых существ.

Опасен также млечный сок некоторых видов молочая, причиняющий сильнейшие ожоги; раны долго не заживают и время от времени открываются. Ядовитые свойства млечного сока предохраняют молочай от поедания травоядными животными, но гусеницы молочайного бражника преспокойно питаются молочаем.

Листья и корневища ветреницы тенистой вызывают на коже человека нарывы, а в свежем виде листья опасны и для скота. Однако в сене ядовитые свойства листьев ветреницы, а также едкого лютика и калужницы болотной пропадают. Ядовиты луковицы тюльпанов. Обладают ядовитыми свойствами корни растений свинцовки и многих других. У обыкновенной черемухи в коре находится синильная кислота, пахнущая горьким миндалем, поэтому кору не трогают животные и даже жуки-короеды.

Существуют растения, аромат которых действует на человеческий организм так же губительно, как и сильнейшие удушливые газы. Немало было вывезено из тропических стран опаснейших растений, которые разводятся с декоративными целями в оранжереях и теплицах. Запах этих растений в большом количестве может вызвать даже смерть. Примером ядовитых цветов с дурающим ароматом служат белые лилии. Благоухание букета лилий, оставленного на ночь в закрытой комнате, вызывает довольно сильное головное жжение, особенно у малокровных людей. Еще более энергично действуют на человека крупные кремовые цветы американской магнолии, разводимой в парках Кавказа и на южном берегу Крыма. Достаточно оставить на ночь в помещении несколько цветков магнолии, чтобы к утру от приторного лимонного запаха непривычный человек «угорел» и даже потерял сознание.

Чтобы судить о дальности распространения запаха цветущих растений, можно привести следующий факт. Находясь в открытом море, путешественники в туманную погоду узнают о местонахождении Колумбии (Южная Америка) на расстоянии 130 километров по аромату, приносимому с берегов, поросших тропическими лесами.

И. Б.

Галерея Колониальных народов мира

СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИЕ ИНДЕЙЦЫ

(К таблицам на 4-й стр. обложки)

Различных индейских племен в Северной Америке, на территории САСШ и Канады, насчитывается значительно больше, чем туземных племен в Сибири. В Северной Америке можно отметить до ста индейских племен, говорящих на разных, хотя часто и родственных языках, в то время как Сибирь заключает в себе лишь сорок с небольшим разноразличных племен.

Аляску и северо-западную часть Канады населяют атабаски, которые живут по течению рек Юкона, Мекензи и вокруг большого озера Атабасков. По берегам Берингова моря и Северного Полярного моря они живут по соседству с эскимосами, при чем их одежда — штаны, составляющие одно целое с мокасинами, — аналогична летней одежде эскимосов. Наибольшей известностью пользуются следующие племена, лучше остальных сохранившие прежний образ жизни: «желтые ножи», «собачьи ребра», «зайцы», «бобр» и некоторые другие. Это типичные бродяги-охотники, рыболовы и собиратели растений. Охотятся за северным и простым оленем, мускусным быком, зайцем и бобром; западные племена ловят лососевую рыбу, которая весной массами направляется в пресные воды рек для метания икры; женщины собирают растения, клубни и ягоды, играющие также немаловажную роль в пищевом режиме.

Весьма сходные природные условия Канады и Сибири сближают охотничий быт этих двух стран, однако не могут стереть их этнографического своеобразия. Бродячие племена индейцев не знают прирученного северного оленя, который оказывает такие большие услуги тунгусу; правда, для передвижения по рекам они подобно тунгусам пользуются легкими челнами из березовой коры, зато лыжи индейцев весьма отличны от сибирских. Они представляют собой обручи с переплетом из кожаных ремней, так называемые «ракеты», действительно напоминающие грубую ракету для тенниса.

Мокасина — типичная обувь старых индейцев — готовится из сырой, только что снятой шкуры, которая высыхает и приобре-

тает форму ноги. Покрой мокасинов, форма носка и характер шва различны у разных племен, поэтому можно по следам отличать племена друг от друга.

На юг от озера Атабасков, вокруг Гудзонова залива и на Лабрадоре живут племена алгонкинггов. Значительная часть этих индейцев раньше обитала на побережье Атлантического океана, спускаясь на юг ниже Нью-Йорка. Племена могикан и делаваров известны из истории борьбы белых с краснокожими на ряду с воинственными ирокезами. Давно прошли времена «последних могикан», описанных Фенимором Купером; еще в 1682 году

вождь делаваров Таммененд уступил по договору современную Пенсильванию Вильяму Пену. Потеряв эту твердую, индейцам пришлось под натиском европейцев отступить все далее на запад, а в 1811 году последнее восстание индейцев закончилось кровавым поражением, после которого остатки алгонкинггских племен были прогнаны за Миссисипи.

Ирокезы (их и сейчас сохранилось еще пять тысяч человек), прославившиеся своими варварскими воен-

ными обычаями — скальпированием, пытками пленных и вырыванием и поеданием сердца врага, занимали ранее штат Нью-Йорк. Они занимались интенсивным земледелием (маис), вели оседлый образ жизни, имели большие крепкие жилища.

Во главе рода стояли женщины; счет рода тоже происходил по материнской линии. Роду принадлежала земля, которую женщины распределяли каждые два года между отдельными хозяйствами. Весьма интересно, что роды ирокезов носят названия животных: так, племя сенека делится на роды — «медведь», «волк», «бобр», «черепашка», «олень», «кулик», «цапля», «сокол». Эти животные являются тотемами — покровителями рода, при чем в мифах многих индейских племен рассказывается о происхождении данного племени от того или иного животного. Часто запрещается членам рода, носящего название какого-либо тотемного животного, есть его мясо. Ирокезы знамениты не только сопротивлением, которое они оказали колонистам, но непрерыв-

Карта распространения северо-американских племен (обозначено черным).

ной войной с соседними племенами—гуронами и алгонкингами. Знаменитый, воспетый Лонгфелло, Гайоватта организовал мощный военный союз племен—союз ирокезов, который превратился в бич для всех индейских племен и был постоянной угрозой владычеству европейцев в Канаде.

Все эти походы и славные битвы записаны индейцами посредством образного письма красками на распяленных шкурах. Этим способом делавары записали и свои племенные предания в «красной грамоте», открытой в 1820 году. Там зарисованы индейцы в различных военных уборах—из перьев орла, совы, ворона. По убранству перьями той или иной птицы различают отдельные племена, но также играет роль и раскраска лица. Так, дакоры раскрашивают себе лицо начиная от глаз до подбородка, а индейцы «вороны»—только один лоб.

К югу от лесной Канадской области, между Миссисипи и Скалистыми горами живут племена индейцев сиуксов. Сиуксы, заимствовав у европейцев лошадь, превратились в конных охотников на бизонов. Живут они в вигвамах конической формы, крытых шкурами; жилье перевозят на лошадях и собаках, для чего жерди палаток привязывают одним концом на спину животного при помощи пояса, а другой конец волочится по земле. На жердях устраивается сиденье для женщин и детей. Одеваются сиуксы в большие плащи из бизоньей шкуры шерстью внутрь, при чем на гладкой стороне изображаются красками подвиги хозяина плаща.

В настоящее время в САСШ живут триста тысяч индейцев. За исключением Канады и еще очень немногих мест территории САСШ индейцы живут в таких условиях, при которых трудно сохранить старые формы быта. Говоря о современных индейцах, мы будем иметь дело с поразительными контрастами.

Среди индейцев мы встретим знаменитых писателей, как например Чарльз Истмен, родом сиукс, известного скульптора, композитора, актрису, поэтессу и десяток художников, выставляющих свои работы в Париже. Краснкожие художники вошли в моду у пресыщенной буржуазной публики. Имеются индейцы-миллионеры, нажившие состояние благодаря

спекуляции с нефтеносными участками и эксплуатации своих соплеменников. Таким образом в среде индейцев быстрыми шагами идет расслоение на буржуазию и пролетариат, и растет взаимная вражда между обоими классами.

В Америке существует пятьдесят шесть индейских резерваций—своего рода заповедников. Их история такова. Беспощадное истребление американцами индейцев продолжалось до середины XIX века. Потом стали возникать лиги защиты индейцев для сохранения этого вымирающего народа. Под давлением общественного мнения правительство Соединенных Штатов взяло индейцев под свое «покровительство». Оно руководилось конечно не человеколюбивыми побуждениями. Индейцам были отданы отдаленные земли, доступ в которые запрещен белым. Здесь они получили возможность вести образ жизни, близкий к образу жизни их предков. У индейцев существует самоуправление—свои вожди или старейшины (ставленники правительства). В различных резервациях они занимаются или земледелием или скотоводством. Ясно, что свобода, предоставленная индейцам, весьма призрачна. Они строго ограничены пределами резервации, переступать которые им запрещено. Это своего рода огромные концентрационные лагеря.

Существует небольшая группа, главным образом сиуксов, дакотов и апачей, которые не пожелали заключить союза с «большим белым человеком» (президентом САСШ). Слишком велика у них ненависть к своим угнетателям. Их держат в резервации под охраной регулярных войск.

Если в течение известного периода времени индейцы не делают беспорядков, губернатор в знак своего удовлетворения распоряжается выдать им мясной рацион живыми быками. Это праздник для индейцев. Вооружившись копьями, они преследуют быков в пустынных прериях, подобно тому как их предки в славные времена свободы преследовали бизонов. Этой политикой «благотворительности», щедрых подачек капиталистическое правительство преследует двойную цель: с одной стороны, расположить к себе общественное мнение, с другой—постепенно приручить «дикарей», превратив их в своих верных слуг.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1930 ГОД

VI ГОД ИЗДАНИЯ **30 Дней** VI ГОД ИЗДАНИЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ежемесячник

«30 ДНЕЙ» — первый в СССР художественный литературно-общественный и научно-популярный иллюстрированный журнал.

Журнал ставит своей задачей давать разнообразный политический, литературно-художественный, культурно-экономический и бытовой материал в живой, увлекательной и популярной форме.

В статьях и очерках «30 ДНЕЙ» развернет важнейшие вопросы социалистического строительства, обращая особое внимание на популяризацию вопросов, связанных с проведением пятилетки. Постоянные отделы журнала будут расширены.

В 1930 ГОДУ «30 ДНЕЙ» ДАЕТ СВОИМ ПОДПИСЧИКАМ:

12 КНИГ ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ЖУРНАЛА В КРАСОЧНОЙ ОБЛОЖКЕ

24 КНИГИ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ **В. Г. КОРОЛЕНКО**

12 КНИГ «БИБ-КИ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ»,

в которую войдут: 6 КНИГ «БИБ-КИ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»

6 КНИГ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ **Бернгарда КЕЛЛЕРМАНА**

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

I АБОНЕМЕНТ:

12 книг «30 ДНЕЙ», 12 книг «Библиотеки современных писателей». На год — 10 руб., на 6 м-цев — 5 р. 25 к., на 3 м-ца — 2 р. 75 к., на 1 м. — 1 руб. При подписке непосредственно в Издательстве или его Отделениях допускается рассрочка платежа при подписке — 3 рубля, к 1-му апреля — 2 р. 50 к., к 1-му июля — 2 р. 50 к. и к 1-му октября — 2 рубля.

II АБОНЕМЕНТ:

12 книг «30 ДНЕЙ», 12 книг «Б-ки совр. писат.» и 24 книги собрания сочинений В. Г. КОРОЛЕНКО. На год — 15 р., на 6 м-цев — 8 р., на 3 м-ца — 4 р. 25 к., на 1 м. — 1 р. 50 к. При подписке непосредственно в Издательстве или его Отделениях допускается рассрочка платежа: при подписке — 4 р. 50 к., к 1-му апреля — 4 р., к 1-му июля — 3 р. 50 к., к 1-му окт. — 3 руб.

Годовые подписчики, внесшие по 1-му и 2-му абонементам при подписке непосредственно в Издательстве или его Отделениях до 20-го декабря 1929 года полную подписную плату, получают бесплатно дополнительную премию — роман Эриха Мариа РЕМАРКА «НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН».

Подписка принимается также во всех Отделениях Издательства, книжных магазинах Госиздата, во всех почтовых конторах, книжных шкафах Контрагентства Печати и во всех конторах центральных и местных издательств, принимающих подписку на периодические издания.

ПОДПИСКУ и деньги направлять по адресу: Москва, Центр, Никольская, 10/2. Гос. Акц. Изд. О-во «ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА».

ИНДЕЙЦЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Охота дакотов на бизона.

ИНДЕЙЦЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Сиуэсы записывают историю своего племени.